

Егор Радов
УЙДИ-УЙДИ
роман

уйди–уйди

- В таком случае, повторяй за мной:
я больше не буду бояться...
- Я больше не буду бояться... —
повторил с готовностью Хоттабыч.
- ... автобусов, троллейбусов, грузовиков,
трамваев, самолётов...
- ... автобусов, троллейбусов, грузовиков,
трамваев, самолётов...
- ... автомашин, прожекторов,
экскаваторов, пишущих машинок...
- ... автомашин, прожекторов,
экскаваторов, пишущих машинок...
- ... телефонов, патефонов,
радиорупоров, пылесосов...
- ... телефонов, патефонов,
радиорупоров, пылесосов...
- ... электрических выключателей, примусов,
дирижаблей, вентиляторов
и резиновых игрушек «уйди-уйди».
- ... электрических выключателей, примусов,
вентиляторов и резиновых игрушек «уйди-уйди».
- Ну, вот как будто и всё, — сказал Волька.

Л.Лагин, «Старик Хоттабыч»

Ну что же Куприянов, я легла,
устрой чтоб наступила мгла,
последнее колечко мира,
которое ещё не распаялось,
есть ты на мне.

А.Введененский, «Куприянов и Наташа»

НЕБЕСНЫЙ ОПОРОС

Всё

Эта девушка была пьяна.

Её лицо нежного подсвинка излучало страсть, страсть и восторг. Она была соблазнительна в откровенности своей похоти; взгляд смотрел вниз в дно стакана виски, будто говоря, говоря: «Со мной всё в порядке. Я родилась не так давно, я вполне, очень даже!!! А какая у меня зарплата, оклад, груди, соски, готовые, эрегируя, словно выстрелить в яйца мужчины — *мужчинки*. А какая у меня суперская модель... А моя смерть запланирована на потом».

И что с ней было потом?!. Воспоминания не стоят смысла, поскольку смысла почти нет ни в чём, кроме любви; это была относительно недавняя вечеринка, где она решила отдаться социально соответствующему ей представителю *мужчинок*. По крайней мере, Аркадий так выглядел. Но когда они вышли на прекрасный, мокрый от снега, асфальт, предвкушая акт — у девушки уже мокрели трусы, у парня наполнялись кровью пещеристые тела — она поскользнулась и шандарахнулась о какую-то железяку с такой силой, что торчащий прут, войдя в затылок, вышел прямо под носом вождедеющего личика. Аркадий резко сбежал, что-то выкрикивая, а врачи «Скорой помощи» потом говорили: «Она от нас ушла».

А может быть, это была просто пьяная поэтесса, и я цинично увёл её в ванную — не помню.

А что делать?

Раз почти нету смысла, то и остаётся желать взорвать всё или хотя бы Родину, а вместо этого имеешь под руками и вокруг только то, что можно подрочить, подрочить,

выпить или вмазать, как иногда, порой бездонной грусти, думают ты, я, она — все вместе и все заодно. Ведь остаются только конкретные вещи, а всё заоблачное, если и случается, то уходит... Уходит! Но эти пьяные девушки среди пьяных мужчин сквозь все времена стоят, сидят, лежат, говоря, говоря: «С нами всё в порядке. Мы родились не так давно, мы — вполне. И у нас такие большие зарплаты... Такие оклады... И такие суперские модели... Мы так заняты, заняты, заняты! Мы — светские люди, были советские люди, теперь — светские люди».

Чудо бесправия надвигается на меня мерзким озлоблением, словно издающим вполне осязаемую вонь, будто растёртый в потной руке цветок какой-нибудь ромашки или ноготка.

Я есть тут? Там? Здесь?

А ты?! А она?!

Увы, увы, я тут. Тут — всё.

Но кем же я был тогда, тогда и тогда?..

То же самое, мне всегда пять лет.

Ян и Коля

И в этой Родине, напоминающей оскал только что выпившего стакан портвейна бомжа, жил я, точнее, Ян.

Ян Шестов, который почти постоянно пытался заниматься творчеством, у себя в голове придумывая строчки стихов, мысли философских трактатов, линии картин, звуки музыки, обрывки историй, которые, в принципе, должны соответствовать строгой фабуле — каркасу романов.

И, конечно, кинофильмы — без начала, но с обязательным, вдохновенным, ужасным, пронзающим сердце, концом.

Что Ян пытался сотворить, обязательно имело в виду всё мироздание в целом; кровь стыла от его некоторых мыслей, а от его взгляда порой наступало прозрение, убийственное, словно истина или лик смерти.

Его лучшего друга звали Николай Семенихин, и он был полной противоположностью Яна.

Он был интриганом и счетоводом, чародеем жизнестойкости и весёлого, здорового цинизма; смертным, конечно, но проживающим каждый миг своей жизни абсолютно правильно и комфортно, точно человек, абсолютно заполнивший толщиной туловища мягкость обволакивающего его кресла.

Они оба учились в одном классе одной школы.

Они часто ходили вместе на перемене, обсуждая разное и планируя будущее.

— Убрать бы к чёрту все эти власти!!! — говорил Семенихин. — Миром должны править мы и только мы!..

— Кто, если не мы? — соглашался с ним Шестов. — Ты бы стал гениальным финансистом, а я — поэтом, философом, музыкантом или кинорежиссёром. Но нам мешают эти сволочи, захватившие власть, они никак не дают нам проявиться!

— Нет, — Коля вскинул голову и бросил беглый, презрительный взгляд на идущую рядом обрюзгшую фигуру учительницы русского языка и литературы. — Я бы стал всем! И я бы обнародовал настоящие вещи, а не это говно, которое нам сейчас навязывают! Я бы заявил всему свету тебя, что бы ты ни делал! Представляешь? У нас были бы поклонницы, стадионы, яхты, миллиарды!.. А эти гады нам мешают!

— Сволочи, — кивнул Ян. — В другом мире, в другой

стране, в другой реальности, я был бы... Я бы был!!! Но как туда... уйти?

— Мы уйдём! — пророчески воскликнул Коля. — Обязательно уйдём! Уйдём!!!

Детский ад

Шестов и Семенихин были не только одноклассниками. Они были вместе ещё в детском саду, в одной группе, на пятидневке. Ненависть уже тогда клокотала в их душах; чувство болезненной справедливости обуревало их детские сердца, стремящиеся на свободу, неистовое возмущение пронзало сказочной стрелой героической гордости их тела, желающие уйти, уйти, уйти — от воспитательниц, манной каши, насильно запихиваемой в рот, от глупых детей и злобных взрослых.

О, как я ненавижу — до сих пор!..

Родители появлялись только в пятницу, иногда в среду. Ощущение заброшенности и потерянности, полностью овладевшее Яном и Колей, заставляло их сплочаться и дружить, и искать способов выхода из этой мрачной детской тюрьмы.

Любого выхода отсюда — хотя бы придуманного, воображённого и царящего в лучших мечтах. Но прежде всего, конечно, хотелось реального побега, который мог бы быть запросто осуществлён, стоит выйти за калитку чугунной ограды, но это мыслилось совершенно невозможным из-за страха перед миром непонятных больших людей, снующих повсюду, которые, наверное, и засунули Шестова с Семенихиным в мрачную парашу бытия, не спросив никакого их согласия.

Впрочем, на само появление, рождение в *этом* мире, в

данном обличье, именно с *такими* личностями, телами и чувством «я» тоже никто, вроде бы, разрешения не давал, потому что тебя-меня-его-её не спрашивали.

Тогда почему я-ты-она-он должны быть *здесь*?! Почему мы вообще чего-то *должны*?!.

Нету ответа; хочется взорвать этот мир и уйти на тот... Нет, не на тот, на другой, другой!

А есть ли другой свет, иной мир, истинная свобода, альтернатива, не-бытие, но не небытие?!

Всю жизнь я хотел бы знать.

— Миров бесконечное количество, как песчинок в нашей песочнице, что стоит напротив спального корпуса, — утверждал Ян Шестов.

— Но, может быть, они так же похожи друг на друга, как эти песчинки? — тут же отзывался на это Николай Семенихин.

Им было тогда по пять лет.

Портрет героев

В их обликах, когда они ещё мальчиками грезили о победах и приключениях, уже сквозила печать будущей жизни, физиономически зафиксировавшая груз пережитого прошлого, которое было ещё зыбким и вероятным.

В Семенихине сразу обращала на себя внимание клочковатая, неаккуратно подстриженная, бородка-колкий-ворс, покрывающая рыжеватым волосом бороздящиеся мелкими-мелкими морщинками щёки; прищур взгляда пожелтелых, словно никотиновые ногти, век и мутных, как туман в золотую осень, глаз излучал лукавство и страсть, и — одновременно — какую-то совершенно естественную лживость.

Даже не лживость — всеядность; будто этот мальчик готов восхититься чем угодно и пойти до конца за любыми обстоятельствами жизни, немедленно, по мере их появления, формирующимися в уме словно в его собственную, идею. Да он убьёт кого угодно на своём пути за эту идею — так он всерьёз считает. Эта особенность заставляет Николая колупаться, ковыряться, копошиться в бесконечности мыслеформ и цветообразов, ни разу не взглянув в корень вещей и в суть самого себя, что, однако, приносит ему очевидные материальные дивиденды, как и должно быть — ведь борется против того, кто, кажется, проигрывает, и интуиция пока ещё никогда не подводила. Он рождён быть успешным. С Колей можно было перевернуть Вселенную, если вдруг совпадёшь с ним, то есть с главенствующими сейчас в данной социальной системе взглядами на всё.

Но совсем не таков был его друг, который в данное время оказался с Семенихиным заодно.

Ян был белым — белые-белые волосы, не седые, но солнечные; белое, как чистый ватман, лицо, белые белки глаз, в центре которых лучились радужные точки зрачков. Мягкая борода — белое золото, светлым, невинным пухом опоясывающая лицо, слегка топорщась чуть более тёмными, жёлтыми волосяными скоплениями в центре щёк.

Если бросить быстрый взгляд на двух мальчиков, когда они расположились в беседке детского сада и говорят о математике, то первое слово, приходящее на ум при виде Семенихина — *цветной*. Николай состоит из разных тонов, довольно тусклых, но совершенно отчётливых на фоне вставшего чуть позади него как будто бы снежно-ледяного Яна. У того — никакого румянца, никаких пятен и веснушек — бледная белизна. Даже зелёная кофточка и серые колготки, с чёрными шортиками, словно лишены оттенков и напоминают линий рельефа арктической пустыни, тону-

ших, пропадающих, растворяющихся в яркой бездонности северного бесцветия. Они вдвоём похожи на 1) вечно озабоченную жизненным обустройством, жирную, с грязными перьями, северную толстоклювую птичку, вьющую гнездо из веточек, дерьмеца и глинки, — почему-то рядом с 2) аккуратной фигуркой замороженной в седой древности горноста.

— Гага — северная птица, морозов не боится, целый день сидит в гнезде, ковыряется в пи-иии... — пропел Коля.

— Это — про тебя? — спросил Ян, с интересом помотрев Семенихину в глаза. — Я хочу, наконец, начать бриться, хочу жить и тоже хочу в... гнездо-ooo, ха-ха...

— Твоя задача — не в этом. Вот я совершенно не хочу вырастать, быть зрелым, взрослым... Я каждый день подставляю затылок под холодную воду, чтобы не вырасти. Мне кто-то это сказал, что...

— А я хочу, хочу вырасти!!! — перебил его Ян. — Вообще-то, мне кажется, я всегда останусь таким, как сейчас. Послушай, ты мне обещал сказать — какое самое большое число?

— Его нет, — усмехнулся Семенихин.

— Нет?... А, скажем... секстельон?

— Можно сказать: секстельон один и так далее... Понял?

Шестов задумался.

— Понял, — наконец, с грустью произнёс он. — Как жалко... Как... неинтересно!

— Но почему? А чего ты вообще хочешь? Другого мира? Но мы здесь.

— Я хочу, чтобы здесь была подлинная свобода или бы

меня здесь не было бы. Вот сейчас, например, я хочу, чтобы этот столик был накрыт скатертью, и мы пили кофе по-турецки. И курили кальян. И вот эта девочка, которая сейчас хочет к нам подойти, была бы прекрасной, как ночь в июле среди леса, моря, цветов, огней, радостных людей и прекрасных нарядов.

— Что?! — недоуменно уставился на Шестова Семенхин. — Мы — мальчики детского сада, и мы не знаем, куда повернёт наша жизнь. К нам идёт Инна, она очень надоела, она хочет дружить...

— А я хочу любить, — мечтательно сказал Ян.

— Любить?.. А ты знаешь — как это?

— Нет.

— А я знаю. Это омерзительно.

— Тебя обманули! Враньё! Наверняка... это... прекрасно!!!

Шестов почему-то всхлипнул и уселся напротив Николая; девочка подошла.

Здесь

Они возлежали у низенького столика на мягких, полосатых подушечках, куря кальяны и беседуя о прелестях и ужасах мироздания, о математике и любви. Инна, точно всполох, возникла в проёме беседки, величаво неся свой стан и обращая призывно-невинный взор куда-то вправо, в тёмную даль кустов с белыми ягодами; она приближала к мальчикам горделивый профиль нежного лица, под которым, после лёгких линий шеи, вздымалась грудь, загадочно-прекрасная, словно посмертная нагота гурии.

Она была убийственно-красива в полумраке, в котором то

и дело, при взбулькивании каждой сделанной мальчиками затяжки, ярко-оранжево возгорались угли кальянов, высвечивающие кайфующие, задумчивые лица и тёмные груды блаженствующих тел. Блики отражались в белых чашечках кофе, создавая в этой беседке немыслимое ощущение уюта и счастья; дым струился ввысь и ввергал души в сладостные грёзы, которые пахли детством и яблоком, и в дымовых мечтаниях все смыслы были найдены, и самое большое число существовало, и было так же очевидно, как и этот кальян и мир здесь.

— Здесь так хорошо... — прошептал Ян, вдохнув внутрь себя струение неги и прелести. — Инна! Будь с нами!

— Во что вы играете?

Девочка положила ручки на коротенькое застиранное платице, кокетливо склонив голову, так что её правая косичка коснулась угловатого плеча.

— Мы беседуем о числах... — степенно произнёс Николай Семенихин. — Может, ты знаешь самое большое?

— Его нет! — рассмеялась девочка. — Самое большое плюс один, плюс один, плюс один...

— Вот оно! — захохотал Семенихин, ударив себя ладонью по голой коленке, поскольку колготки он отказался надевать утром наотрез. — А что я говорил?!

— Его нет?.. — с отчаяньем воскликнул Шестов. — Нет самого большого числа, нет самой далёкой звезды, нет самой прекрасной... Я не хочу жить в таком мире, где возможно лишь «плюс один», я должен отсюда уйти...

— Вы — космонавты или наркоманы? — спросила Инна их, расположившихся друг напротив друга на покрытой серой облупленной краской скамье.

— Давайте лучше играть в мифы Древней Греции...

— Я ещё не дочитал! Это грустно!

Шестов встал, убрав столик, кофе и кальяны и преобразовал окружающее в замшелые стены, сушь олив, полуденный зной моря после боя, когда прибрежная белая пена, шипя, растворяет красную кровь падших воинов и становится розовыми волнами, бьющимися об острые скалы и разъедающими бронзу раскиданных повсюду доспехов; белизну размытых водой черепов и перерубленных врагом рёбер. Море глотает остатки героических рук-ног, с еле различимым рельефом былой сочной мощности тугих мышц, — вот так всё превращалось в ржавую пыль веков, описанную в книгах будущего, а город всё так же стоит вон там, и самая прекрасная женщина сокрыта внутри него.

— Хочешь войти?

— Туда? — переспросил Шестов. — Но ты — здесь!

— Нет, — Инна тремя прыжками оказалась в углу беседки. — Завоюй меня! Убей всех, сокруши мир... и я буду твоей!

— Ребята!!! — вдруг завопил Семенихин. — А как же я?! А я?!

— А ты у нас кто? Одиссей?.. Ну вот и плыви себе, плыви... Может быть, куда-нибудь доплывёшь... А она — здесь!

Шестов встал и гордо ударил себя в грудь.

— Ну и иди за ней! Это — всё, что тебе надо? — лукаво спросил Семенихин.

— Зато я не хитрожопый!

— Хитроумный, — поправил Коля.

— Хитрожопый!

— Эге-ге! А вот и наши читатели-мечтатели... Поэты — дурачки! — сказал вошедший в беседку и большой и толстый мальчик Серёга Поликарпов — вечно весёлый и вечно и вечно румяный.

— Уйди, мы здесь...

— Что ты сказал? «Здесь» — это слово общее, как воздух, понял?!

— Я ничего... Я — ничего! — Семенихин попятился назад, скукоживаясь, словно высыхающая на солнце свежеснятая лягушачья кожа.

— А я тебя и не спрашиваю... Иди отсюда! А ты иди сюда, герой, бля! Много сегодня прочёл? Пятнадцатилетний, на хуй, капитан!

— Что это значит? — изумился Шестов.

— Бля, книжки читаешь, а слово «хуй» так и не выучил? И пизду, наверняка, не видел? — Поликарпов приблизился и презрительно сжал пальцами правую щеку Яна. — Чего вылупился? Инкину *пизду* не видел? Не видел, не щупал! Ин, не порядок, бля... Все видели, все щупали, а ему что — нельзя?

Семенихин в страхе вжался в скамью.

— Дурак! — гневно выкрикнула Инна.

Шестов мотнул головой, но цепкие пальцы Поликарпова тут же ухватили его подбородок.

— Ты куда это? Я ещё не закончил, я только начал, бля...

Ян закрыл глаза, напрягся, а потом правой рукой быстро-быстро, наугад, ударил Поликарпова по лицу, попав в нос.

Потекла кровь; Серёга отшатнулся, инстинктивно взыв.

— Ё-ооооо!!!!!! — заорал он, вытирая кровь. — Ты... что?! По лицу... нельзя!!! Не по правилам... Уй, бля!!! Ну, я тебе сейчас...

Он бросился на Шестова, они упали.

После напряжённого совместного пыхтения, копошения и сопения, Поликарпов уселся верхом на Яна и вывернул ему руку.

— Ммммм... — застонал Шестов.

— Больно? Больно, сука? А ты, бля, что делаешь? Сейчас к воспитательнице пойду... Видишь, бля, кровь?!

Семенихин тихо-тихо встал со скамьи и незаметно-незаметно поплёлся вдаль — через кусты с белыми ягодами.

Ян пытался ногами достать спину Поликарпова, но ему это никак не удавалось. Серёга продолжал выкручивать руку.

— Сейчас сломаю, бля, если не затихнешь!

Инна подошла к мальчикам.

— Отпусти его... придурок!

— А-ааа, вот кто пришёл... Ну, смотри теперь на своего... любимого!

Поликарпов, не выпуская руку Яна, сдвинулся назад, усаживаясь на Яновские колени, и свободной рукой быстро расстегнул его шортики и приспустил колготки с трусами, обнажая беленькую загогулину мальчиковой пиписьки Шестова.

С вождением взяв этот членик большим и указательным пальцем, он подёргал его туда-сюда.

— Видишь, Инна? Чего не смотришь — разве тебе не интересно?!

— Придурок!!!

Семенихин тем временем уже дошёл до спального корпуса, рядом с которым кто-то играл в футбол. Через какое-то время он затесался в одну из команд, став правым полузащитником, и облегчённо вздохнул.

— Слезь с него... сволочь! — Инна угрожающе приблизилась.

— ЭТО ЧТО ЕЩЁ ТАКОЕ ЗДЕСЬ?!! — рык неожиданно появившейся воспитательницы был настолько громогласным, что вмиг уничтожил всю затаившуюся до сих пор в углах беседки магию кальянов и грёз; и город, надежда на существование которого всё ещё скрывалась в оскорблённой душе поверженного Шестова, был окончательно разрушен.

— Он меня в нос ударил! — плачущим голосом завыл Поликарпов, немедленно вскакивая с Яна и демонстрируя кровь.

— Что?!! — Роза Григорьевна с отвращением посмотрела на лежащую фигурку мальчика, спешно застёгивающего шортики.

— А *это* что ещё такое здесь?! Чем вы тут занимались?! Инна уже открыла рот, но Серёга её опередил.

— Они тут показывали друг другу... Ффу-ууу!!! Совсем уже! Я подошёл, сказал, а он меня ударил!

— Он врёт! Врёт! — вскричала Инна.

— Врёт... — задумчиво повторила воспитательница, ещё раз посмотрев подтягивающего колготки Яна и на слегка задрожавшее платье Инны.

— Я ВАС НАКАЗЫВАЮ!!! ВМЕСТО УЖИНА БУДЕТЕ ЗАПЕРТЫ В РАЗДЕВАЛКЕ!!!

Потом она добродушно кивнула Серёге.

— Пойдём со мной, надо же кровь остановить!

Поликарпов засеменил за воспитательницей, обернулся и соорудил довольную, злорадствующую рожу.

— Ну вот, вы и останетесь вдвоём... Ха-ха-ха! Не упустите момент!

— А где же Коля? — спросил Шестов и испуганно посмотрел по сторонам.

Вдвоём

Они остались вдвоём одни — действительно-действительно одни, наверное, первый раз в жизни. Жизнь даёт много прекрасных мгновений, но они исчезают, сменяясь другими, которые в очередной раз мы называем реальностью, в то время как истинной реальности не существует, как и самого большого числа, точнее она всегда есть «это мгновение плюс один и так далее», хотя так хочется, чтобы этот плюс стал хотя бы минусом, если чудо нуля настолько невозможно.

И вот они встали лицом к лицу — мальчик и девочка, созданные друг для друга — запертые, забытые, выброшенные океаном мира на берег, где они, точно высыхающие киты, должны погибнуть, но каждый в своё время.

Ян галантно улыбнулся; Инна ощутила какую-то странную сладостную дрожь и, смутившись, стала смотреть куда-то вниз, на свои голые коленки.

— Ты так красива... — прошептал Ян.

— Правда?..

— Я хочу быть с тобой.

— Всегда?

— Конечно, всегда.

Они так и не сошли со своих мест, забыли про время и поцелуй, растворяясь в бесконечном взгляде любви, едином и абсолютно объединяющем. Потом всё будет и закончится, но сейчас было лучше всего, когда ничего ещё может не случиться, и когда страх настолько безупречен, будто денди с идеальными манерами, что он мешает начать жизнь, приближая конец, и не даёт влюблённым существам пасть в объятия, сплетаясь в счастье — хотя это придётся сделать всё равно.

«Тук-тук-тук», — раздалось где-то у двери.

— Что там? — не сводя с Инны глаз, спросил Ян.

— Это я, Коля Семенихин, ты прости меня, Ян, прости, прости...

— Конечно, прощаю...

— Вам там ничего? Прошло три часа...

— Правда?

Тут воспитательница оттолкнула мальчика и открыла дверь. Снаружи уже был поздний тёмный вечер; Ян подал Инне руку, и они пошли вперёд, навстречу своей обоюдострой судьбе, больше не боясь ни её, ни друг друга.

Песочница

Когда наступила ночь и вокруг повсюду проявилась чернота Вселенной с маленькими сияющими дырочками звёзд, может быть ведущими в свет, в спальном корпусе, сквозь лежбище утомившихся за день детей, быстро прошла

тёмная фигура.

Это был Коля Семенихин, который, чуть задержавшись, резво прошмыгнул мимо захрапевшей нянечки и вышел во двор детского сада.

Пройдя несколько шагов вперёд, он остановился, озабоченно поглядев вверх.

Над ним, высоко в небе, пронёсся колышек перелётных мышей, которые то, со свистом рассекая воздух перепончатыми крыльями, улетали вдаль, то закрывали собой или открывали созвездия и одинокие облачка других галактик.

Прямо перед ним была песочница, которая почему-то слегка сверкала.

Семенихин, озабоченно почесав бородку, стал пристально смотреть на неё.

«Я — предатель, трус, — грустно подумал Коля, — что мне делать?! Он — лучше меня, он — герой, он — настоящий мужчина, он защитил свою девочку, а я испугался и убежал. Как же мне теперь быть, тем более, что он простил меня?!»

Он подошёл прямо к песочнице.

Песчинки песка, огороженные квадратом низеньких деревянных досок, засияли ему прямо в лицо, обдав его каким-то странным холодным огнём пугающей мощной энергии, кажется, сокрытой тут.

«Что это?.. Глюки?!..»

Песочница звала и приглашала, как будто здесь был выход, начинающийся входом.

Вот оно!

До Семенихина, наконец, дошло.

«Мы уйдём!.. — восторженно подумал он. — Мы уйдём-уйдём! Мы уйдём вот здесь, через песочницу, потому что я вижу... здесь... дверь! На ту сторону!»

Песок тут же погас, словно он специально ждал Колю, чтобы показать ему своё свечение и тайный смысл, а дальше ему нет причины пылать, раз его увидели.

На небо вошла половинка луны.

«Мы уйдём тут, — радостно продолжалась мысль Семенихина, — и это понял я!!!»

Он опять посмотрел вверх, потом вновь вперёд.

«И это понимание и станет моим истинным прощением, искуплением покаянием...»

Он немного отошёл назад, пятясь.

«Да, да!!! Да... Завтра же сообщу Яну!»

Уйдём!

— Ты уверен? — спросил Шестов, доставая из правого кармана курточки расчёску и медленно начиная придавать вид приглаженности и степенности своей белой пуховой бороде.

— Да! — чуть ли не крикнул Семенихин.

— Да? — улыбнулась Инна.

Они стояли втроём, вперяясь совместным взглядом в песочницу, в правом углу которой замедленно ковырялся в песочке, выставив задик кверху, маленький мальчик в колготках.

— Да, я уверен, видели бы вы эту ночь!.. Песок сверкал,

как зола, на которую дуешь, чтобы, наконец, возжётся костёр!

— Ну, ты, прямо, поэт!.. — засмеялся Ян.

— Поэт у нас ты! И я не понимаю, почему ты ничего не делаешь!

— Мне не до этого. Но... Стоит ли нам уходить? — Ян нежно посмотрел на Инну.

— А куда вы, собственно, хотите уйти? — спросила она.

— Ты что, ты что!.. — возмущённо воскликнул Коля. — А как же наши планы, наша... миссия?! Ведь нам ничего не дают!

— Вам ничего не дают? — иронично переспросил Ян.

— Ему ничего не дают, — пояснила Инна.

— Хватит! Вы вдвоём спелись... Вот и... Тогда я сам уйду! Ты что, оставишь меня?

— Постой... Ты сам говорил, что две песчинки полностью похожи друг на друга, хотя их великое множество, потому что самого большого числа нет! И мы уйдём... И придём туда же!

— Тогда чего ты боишься?

— Я не боюсь... Но стоит ли нам уходить?

— Посмотри вокруг.

Ян повертел головой туда-сюда. Стояло противное, солнечное, детсадовское утро, когда непонятно чем заняться, а до вечера и до сладкого небытия ночного сна ещё далеко. Серёга Поликарпов, совершенно, будто забыв о вчерашнем инциденте, носился где-то рядом, швыряя футбольный мяч в лысеющую голову медленно идущего по дорожке малень-

кого мальчика, который чуть не плакал, но всё время упорно поправлял свои большие квадратные очки с толстыми стёклами и про себя шептал какие-то проклятья или стихи. Рядом с песочницей налево три девочки играли в верёвочку и ещё три девочки играли в мячик. Две перебрасывали его друг дружке, а третья резво расставляя толстые ноги, подпрыгивала, всякий раз пропуская мячик между ними, и её юбка вздымалась вверх, обнажая сбившиеся набок белые трусики. В беседке несколько мальчиков просто так сидели и ругались матом. Рядом похоронили воробья, и компания мальчиков и девочек играла в караул у могилки, устланной жёлтыми одуванчиками. За белым забором происходила взрослая жизнь: люди с перекошенными физиономиями от надоедливости одной и той же реальности, происходящей каждый день повсюду, суетились, спеша по каким-то своим делам.

Было очень холодно; скоро уже зима, потом весна, потом лето.

Шестов плюнул прямо перед собой.

— Пошли!

— Пошли? — смеясь, переспросил Коля. — Уйдём? — Уйдём!

— Куда же вы хотите уйти?.. Ян! Не уходи! — Инна посмотрела на Шестова.

— Да никуда мы, скорее всего, не уйдём... Всё будет то же самое. Куда я от тебя теперь денусь?! Но попробовать можно. Кстати, как ты собираешься это сделать?

— Очень просто, — кивнул Семенихин. — Мы будем копать-копать-копать и... откроем дверь! На ту сторону!

— Ну, вот видишь, — притворно засмеялся Ян, посмотрев

на Инну. — Не бойся, ничего страшного не будет. Мы всего-то покопаемся немножко в песочке!

Копай-копай!

И вот мы копаем и копаем, каждый день от завтрака до отбоя, стараясь отдалиться, спрятаться в норке, схорониться в вырытой нами воронке грязной земли, коричневым жижистым слоем начавшейся после песка; мои колени чёрно-жёлтые от глинистой почвы, я каждый день стираю колготки в детском рукомойнике под маленькой пипочкой кра-на с холодной водой; я никого не слушаю, я ничего не знаю, со мною только мой друг, а моя любовь стоит над нами и всё дальше и дальше отдаляется от меня.

Почему я должен уходить от любви?! Я никому ничего не должен; я ничего не хочу совершить; я хочу её и только её; я хочу быть с ней вечно, но она уходит.

Впереди бездна, днище, непонятно что, и мы ковыряемся в ней совочками, стараясь пробуриться всё дальше и дальше.

Кому это надо?!

Я хочу уйти, и я не хочу уходить; мой друг одинок и счастлив, он самодостаточен, он должен состояться, а мне плевать, я не должен, я не должен, не должен!..

Я хочу любви!

Но я с ним, а не с ней; я словно заколдован, зачарован, вынужден что-то выполнить, какое-то своё предназначение, хотя мне плевать на него, как и на тех, кто на меня его возложил.

Улыбка моего друга мерзка; он словно что-то знает, и в самом деле — тёмными вечерами песок начинает сверкать, будто приглашая нас внутрь, вперёд, за себя, вибрируя

как зов, однажды возникший в наших сердцах: уйди, уйди, уйди!

Я не в силах остановиться; я не хотел начинать этот путь, но начал, точнее, мне кажется, что словно за меня его начали; мне показалось, что это так глупо, просто и весело, что я согласился, не думая, что придётся всем расплатиться за это простое и ясное право — уйти отсюда.

Как я хочу к ней!

А вместо этого я копаю и копаю, всё дальше и дальше, всё дальше от неё и всё ближе непонятно куда.

Зачем, чёрт меня возьми?!!

Как моряк, отправившийся однажды зачем-то в многолетнее плаванье, хотя здесь его дом, счастье и любимая; как космонавт по непонятной причине летящий вдаль, чтобы достичь других планет, хотя на своей было так хорошо, безопасно и сладостно; как шахтёр, спускающийся в недра, чтобы там взорваться от газа, вместо того, чтобы быть дома, любить и быть любимым; как воин, странник, теряющий всё ради неизвестного — не верю!

— Верь мне, — ухмыляется мой друг. — Скоро мы прорвём кору, найдём мантию Земли, уйдём. Вообще, совсем уйдём!

Если он прав, тогда, прощай, моя любовь. Я был должен.

Но я не хочу!!!

Землелазный колокол

И вот наступил миг достижения; наступило пять часов, а им было по пять лет.

Семенихин сказал, стуча грязным совком по вдруг возникшей, в результате их трудов, ровной земляной поверх-

ности — звук был глухо, потаённо звонким, словно когда бьёшь в барабан или по тонкой крышке ящика, за которой может скрываться забытая кем-то золотая монета, либо полная пустота:

— Разгребаем, мы, кажется, прибыли.

Ян посмотрел вверх; в одиноком луче солнца всё так же стояла Инна, и этот луч высвечивал её, ставшие золотыми, волосы, образуя над макушкой подобие нимба.

— Я боюсь, боюсь, боюсь... — Шестов тем не менее отбросил совочек, начиная руками в варежках ворошить комья земли, под которыми оказывалась такая же ровная перегородка.

— А что же внутри?! — Коля не выдержал и резко ударил ребром ладони, сжатой в кулак, по площадке, на которой они присели.

Крак! Наступил слом; площадка треснула с хрустом ломающегося крекера; мальчики упали внутрь и словно по волшебству, перевернувшись один раз во внутрипочвенном воздухе, приземлились точь-в-точь в два земляных, удобных для сидения, кресле. Перед креслами возвышался низенький столик, на котором горела керосиновая лампа.

Над ними возник шум; посмотрев наверх, они увидели, что путь назад тут же закрылся выдвинувшейся откуда-то сбоку новой земляной тонкой перегородкой.

— Дорога в наш мир отрезана! — с гордостью воскликнул Семенихин.

— Любимая... — прошептал Ян.

— Что это? — Я не знаю, что это.

— Смотри, — Шестов рукой указал вокруг. — Тут везде

какие-то кнопки...

— Да, тут кнопки... Кнопки желтого цвета... Опять-таки из земли или из кости... Я знаю!

— Что ты знаешь?

— Я знаю, что это. Это — землелазный колокол.

— Что?!

— Ну, есть водолазный колокол — воздух, образующийся вокруг погружаемой в воду вещи, а это — землелазный. Смотри, под каждой кнопкой надпись. Наверное, нажмёшь — и ушёл. И пришёл!

— «Любовь»! — гордо заявил Ян, читая. — Я хочу туда! Может быть, эта кнопка отправит меня к Инне, вернёт её...

— «Политика»! — почти крикнул Коля. — Поехали лучше сюда, там будет всё, там мы станем...

— Любовь!!! — настойчиво перебил его Шестов.

— «Бордель», а? Мы же пока мальчики? Вот ты и покажешь своей Инне, как... Стой... А это что? «Железный Гомосек, вопросы и ответы». Давай, может быть, в начале узнаем, что к чему? —

Я хочу в «любовь», — чуть не захныкал Ян. — Я и так всё знаю.

— Позволь с тобой не согласиться... Ну, давай съездим, раз всё равно здесь оказались. А название-то какое: «Железный Гомосек»! Смотри, тут ещё мелким шрифтом под маленькой кнопочкой здесь, рядом, подпись... «Возьмите свечу»...

Семенихин нажал туда, выдвинулся потайной ящичек, внутри которого лежало несколько церковных свечей.

— Бери две и поехали!

— У-ууууу! — простонал Шестов. — Ничего я не хочу!

— Да ну тебя! Может, что-нибудь узнаем...

Семенихин взял две свечи и большим пальцем правой руки сильно надавил на кнопку.

Вопросы и ответы

Вокруг них возник провал тьмы, смазанность окружающего, прерывистость мира. Внутри — предощущение Непостижимого; какая-то мятная сладость в сердце и слабость коленок. На миг словно бы мир закончился, потом они оказались в небольшой полутёмной комнатке, где посреди стояло некое чудище из металла; оно застыло, подняв вверх уродливую левую руку и оскалив металлический рот.

— Привет!.. — рывкнуло чудище. — Я — Железный Гомосек! Наконец кто-то пришёл и сейчас *выебет* меня! Наконец-то! Как долго я ждал...

— Да нет, мы... — испуганно начал Коля.

— Мы нажали на кнопку...

— «Вопросы и ответы»? — закончил за него Железный Гомосек. — К несчастью, такая функция у меня тоже есть. И вот вы все прямо повадились...

— Все? — спросил Коля.

— Ну... Практически все. Так редко последнее время, чтобы кто-нибудь перенёлся, для того, чтобы тебя просто оттрахать... Да. А ведь я тоже существо, можно сказать, почти живое. У вас там вообще, что ли, педерасты перевелись?

— Да нет... Отнюдь.

— Тогда в чём же дело?! — Железный Гомосек сокрушён-

но взмахнул руками, и по его железной щеке из стеклянного глаза покатилась машинномасленная слеза.

— Извините, — сочувственно проговорил Ян. — Мы не знали...

— Ладно-ладно, — Ж.Г. тут же перестал выказывать эмоции. — Вы действительно ничего не знали. Но теперь вы сможете узнать всё, что захотите. В этом — в ответах на вопросы, увы, — он тихо и жалобно вздохнул, напоминая закипающий чайник, — заключается моё второе предназначение.

— Так мы можем вас спрашивать о чём угодно?! — воскликнул Коля, радостно пихая Яна в бок.

— Можете, — издал в ответ резкий скрежет Ж.Г. — Только...

— Что — «только»?

— Вы свечи взяли?

— Да...

— Две?

— Две!

— Что ж... Я отвернусь, а вы должны будете вставить их мне в жопу — вы найдёте там специальные отверстия; потом надо будет зажечь их, а затем подойти поближе и сказать следующее:

«О, Железный Гомосек, Самый мудрый из существ! Ты скажи нам всё как есть, Сохрани нам жизнь и честь! Уа!»

— Это — что-то наподобие молитвы?

— Почему «наподобие»? — обиделся Ж.Г. — Это и есть молитва. Молитва мне!

— Хорошо-хорошо, — Коля примирительно поднял вверх руки.

— А вы точно взяли свечи? — Ж.Г. подозрительно сощурил свои, похожие на фары, глаза.

— Точно! Точно! — словно отличник, у школьной доски декламирующий заданный на дом патриотический стих, ответил Ян.

— Покажите!

Коля вытащил из кармана две свечи и продемонстрировал их Железному Гомосеку.

— Хорошо, — шумно вздохнул тот, с таким звуком, будто включился и выключился пылесос. — Тогда, вперёд, ребяташки!

Он повернулся к ним задом, нагнулся, и перед Яном и Колей предстала большая железная жопа с обилием маленьких дырочек, буквально везде.

— Суй сюда, — сказал Семенихин.

— Какая разница!

Коля вставил свечи в дырки, какие выбрал. Потом вытащил из кармана спички и зажёл фитили обеих свечей; они стали ровно гореть. После этого оба мальчика подошли вплотную к жопе и всунутым в неё горящим свечкам и хором, как попы, прогнусавили:

— О, Железный Гомосек, Самый мудрый из существ! Ты скажи нам всё, как есть, Сохрани нам жизнь и честь! Уа-а!!!

— Принято, — проскрежетал Ж.Г., не меняя позы. — Можете задавать вопросы.

— Ааааа... — произнёс Ян Шестов.

— Подожди! — оборвал его Семинихин. — А вот...

— Какие же вы всё-таки глупые, маленькие мальчишки! — гневно проговорил Ж.Г. — Можете и не задавать, я и так всё про вас знаю. Могу и без ваших вопросов всё рассказать про каждого! С кого начнём?

— С меня, — тут же сказал Семинихин.

— Вот вечно ты вперёд лезешь, — заметил Ж.Г. — Ну, и что ты хочешь про себя знать? Удадутся ли твои дурацкие проекты?

— Почему «дурацкие»? — обиделся Коля.

— А какие же ещё?

— Ну хорошо... Так удадутся или нет?

— Да, — отчётливо молвил Железный Гомосек.

— Да? Отлично!

— Ты-то ладно, с тобой более-менее всё ясно, но вот твой друг...

— Что?! — встрепенулся Ян.

— А тебя, дружище, ждут и величайшее счастье и величайшее несчастье.

— Что?!

— Каждому воздастся то, в чём он убеждён. Теперь понял?

— Ну...Хотя у меня и всё удастся... — Коля стал задумчиво тереть карманчик рубашки.

— Даже я понял, — вмешался Шестов. — То, что ты по-настоящему хочешь, ты достигнешь. Но насколько долго это останется с тобой, зависит от того, что тебе суждено.

— Именно! — взмахнул рукой Железный Гомосек, слегка даже привстав, так что пламя свечей в его жопе задрожало, чуть не погаснув. — Ты понял, потому что именно ты и станешь лучшим примером своим словам.

— Я хочу любви! — заявил Ян.

— Ты её получишь. Но...

— Нет!!!

— Да!!!

— Это... нечестно, — наконец, сказал Ян.

— Нечестно?!. — Ж.Г. недоуменно повернул назад голову, посмотрел на Семенихина с Шестовым и вдруг злорадно захохотал, напоминая работу стартера. — А с чего ты взял, что наш мир честен? Тебя забросили сюда, в это тело, в эту личность, в определённое социальное положение, совершенно не спрашивая твоего согласия. Ты умрёшь, когда будет угодно твоей судьбе... От тебя самого вообще мало что зависит. И ты всё это можешь считать честным? Но реальность *такова*, другой, увы, нету.

— Вот именно поэтому она нам и не нравится, — встрял Семенихин. — И мы хотим из такого мира уйти. Уйдём?!

— Уйдём!!! — немедленно отозвался Ян.

— Да... Странно. Другие хотели всё изменить, а вы... уйти. Интересно получается. Что ж, попробуйте, — Железный Гомосек снова встал в изначальную позу, свечи оттопырились и вновь разгорелись. — А вы думайте — есть, куда уйти? Или «там» — что-нибудь *в принципе* другое?

— Мы не знаем, — смутился Семенихин.

— Зато я знаю, — Ж.Г. продолжительно заржал, так, словно его резкий хохот, похожий на стартер, перешёл, наконец,

в глухую работу двигателя. — А здесь-то ничего другого нету!

— Где это — «здесь»?

— «Здесь» — это везде, где не «там».

— А «там»?

— Это не «здесь», — вдруг засмеялся Коля. — Товарищ Гомосек, по-моему, вы больше задаёте вопросов, чем на них отвечаете.

— Так всегда происходит, мальчики, — как-то похотливо произнёс Ж.Г. — Новые ответы рожают новые вопросы, и так до бесконечности. А мне всё время надо уточнять, что же вы, собственно, хотите узнать...

— Что?.. — Семенихин почесал бородку. — Как — что? Ну, это... как там... ну... э... э-эээ... Ну, есть ли Бог, Он ли правит миром или случай, ну и... это. Победит ли добро и... и...

— Тихо, тихо, — зашептал Ж.Г. — Не всё сразу. Ты *действительно* хочешь знать ответ?

— Я, наверное, не хочу, — сказал Ян. — С другой стороны, вас послушаешь, господин Железный... гм... в общем, всё как-то ужасно получается. И забросили нас сюда, и ничего-то от нас не зависит, да и везде то же самое. Значит, и уйти некуда?

— Но почему, у вас всегда есть выбор.

— Какой? — хором спросили мальчуганы.

— Пулю в лоб, или всё-таки принять этот мир таким, каков он есть.

— И что вы советуете? — с провокацией в голосе спро-

сил Коля.

— Я — не советчик, я — ответчик. Но что касается пули в лоб — несомненный выход... Уход!

— Самый крайний. Кстати, а что нас ожидает в *этом* случае?

— Вы и это *действительно* хотите знать?

Оба мальчика напряжённо задумались.

— Вот то-то и оно! — усмехнулся Железный Гомосек.

— Я понял, — наконец, сказал Ян. — На основную часть вопросов, причём, на самые важные, ты сам не хочешь знать ответы.

— Наконец-то до тебя дошло! — Ж.Г. встал, но свечи из него не выпали. Пламя устремилось по его железной спине, и было видно, что ему это всё равно. — Куда вас перенести?

— Вы хотите сказать — всё? Это — всё?!. А ответы? Хотя, если подумать... Да, в общем, всё. Перенесите нас... Туда, где любовь! — воскликнул Ян.

— Политика! — крикнул Коля.

— Мне без разницы, — прогудел Железный Гомосек.

— Сюда мы попали, потому что ты захотел, — проговорил Ян. — А теперь — моё желание!

— Может, для начала, публичный дом?

— Любовь!!!

— Ну, так что, вы договорились? — Ж.Г. пристально посмотрел на них.

— Ладно, ладно, — Коля опустил голову.

— Договорились! — победоносно промолвил Ян. — Любовь.

— Любовь, так любовь, — равнодушно повторил Ж.Г. — Что ж, прощайте, мальчуганы. — А тебе, рыжий, пора подстригать бородку!

— Хорошо, — насупившись, и недовольно ответил Семенихин. — Пока!

— До свидания, — произнёс Шестов.

Железный Гомосек сплюнул куда-то в угол бензином, резко вытащил из жопы свечи, затушил их и выкинул в мусорное ведро в том же углу, куда он сплюнул; затем он многозначительно посмотрел на Юго-Запад, что-то шепнул и громко щёлкнул железными пальцами обеих рук.

Всё исчезло.

Любовь

Реальность заволочлась каким-то смазанным, неопределённым фоном перехода. Состояние приближалось бы к сладости сна, если бы не было таким тревожно-рассредоточенным, словно бы личность убили, и неизвестно, соберётся ли она вновь из бесчисленных отдельных ощущений, существующих в вопиющем беспорядке и заменяющих одно после другого, как миллиарды картинок, предстающих перед пока ещё сохранившимся чувством «я» по принципу броуновского движения; итак царил полный явленный хаос внутри, а вокруг — в общем, то же самое, которое, единственно, можно было увидеть, если отвлечься от таких же внутренних переживаний.

Но потом — словно подзорную трубу навели на фокус, личности куда-то переместились и возникли, и порядок вновь образовался, поскольку переход закончился.

Они обнаружили себя в школе, в одном из старших классов: Семенихин сидел на первой парте вполоборота, посто-

янно вставляя какую-то реплику, мешающую учительнице, а Ян был где-то сзади, уткнувшись в учебник — так он себя обнаружил; потом, подняв глаза и повернув голову налево, он, к своему изумлению, увидел рядом с собой Инну.

И понял, что он абсолютно в неё влюблён.

Инна выглядела совсем по-другому, чем в детском саду. На ней была розовая кофточка, под которой проглядывали две, вполне созревшие, безумно привлекательные, груди. На кофточке был вырез; она также носила короткую юбку без колготок — очевидно, был апрель или май.

Ян поймал взгляд Коли: мол, ну, и что? Давай, что-нибудь делай, и поехали дальше.

Он кивнул, и тут же Инна стукнула его в локоть.

Он обернулся и получил от неё записку. Наверное, они переписывались весь урок.

Он прочитал: «Я думаю, что, пока мы живы, смерть нас не касается. А когда коснётся, и если «там» ничего нет, мы этого никогда не узнаем».

И тут Инна придвинула свою ногу и плотно прижала её к ноге Яна.

Он вздрогнул, напряжённо схватился обеими руками за стул, и тут обнаружил свой хуй вставшим и упёршимся снизу в парту — близость Инны была невероятно волнующей; а потом вспомнил, что ему самому — 14 лет, и он совершенно сходит с ума, практически постоянно воображая разных женщин. Часто он представлял и Инну, но, больше всего, он мечтал и желал ей открыться — ведь она была его другом, настоящим другом. Другом и любимой, как он сейчас понял.. Но Ян дико боялся и стеснялся. Вдруг она оттолкнёт его, перестанет с ним общаться, возмутится? Он очень этого

не хотел.

Тут он поймал нетерпеливый взгляд Семенихина, вздохнул и решился. Он опустил руку и положил Инне на колено. Она всё так же смотрела вдаль, на учительницу, рассказывающую о внутренних органах речного окуня.

Ян сдвинул руку повыше. Инна вопросительно посмотрела на него.

Тогда он — чего уж теперь! — быстро написал записку: «Я с ума схожу от желания девочек. Что мне делать? Ты — мой друг, поэтому извини, если я тебя оскорбил».

Ему ответили: «Нет, ты меня не оскорбил. Всё правильно с тобой, так и должно быть. Я, вот, нет (в смысле мальчиков). Я отношусь романтически — кстати, к тебе (если ты не знал). Мне больно, что я вряд ли чем-то могу тебе помочь. Впрочем... Можешь вести руку выше, а потом пойдём куда-нибудь, поговорим.» Ян немедленно сунул кисть под юбку, дальше, дальше, дальше... И вот, наконец, предел, остановка, твёрдая ложбинка, заставляющая холодеть, оставляющая на пальцах лёгкий зуд хлопчатобумажной, шёлковой или вязкой материи. Как хотелось внутрь! Он вопросительно посмотрел на неё.

«Давай».

Он попробовал найти край, резинку или какой-то вход туда; успел обнаружить начало умопомрачительной курчавости под текстильным краем, но тут раздался звонок.

— А ты *так* хочешь? — шепнул он, вставая.

— Пошли, — проговорила она деловито, оправляясь и устремляясь куда-то вперёд.

У первой парты Яна поймал за лацкан Семенихин.

— Ну? Как ты там? Не пора ли...

— Отстань от меня!

— Пошли в «политику»... Достала уже эта школа! В конце концов, ты, ведь, всегда можешь вернуться!

— Отстань!

Инна быстро шла вперёд по школьному коридору, мимо носящихся туда-сюда разнополых подростков с одинаковыми лицами, обычно искривлёнными в якобы многоопытной сексуальной усмешке; мимо степенно идущих учительниц, неспешная походка которых словно бы говорила «как это всё достало!»; мимо некоторых интеллектуалов-учеников, гордо шествующих по кругу и обсуждающих какой-нибудь только сегодня ими открытый, например, экзистенциализм; и, наконец, мимо, исписанного матерными изречениями на лысине, бюста Ленина, к двери.

Она вышла на другую, не главную, лестницу, которая была пуста, и встала, прислоняясь к стене. Ян подошёл.

— Так что же с тобой происходит? Впрочем, понятно...

— Ну... Я... Я очень хочу, но как? Что? Кому?.. Вот, тебе решился сказать... Я очень, очень хочу... Хотя бы увидеть. Хотя бы.....

— Да, — улыбнулась Инна. — Мальчикам сейчас, наверное, тяжело... Нет, у меня такого нет, но, раз, я — твой друг... И я тебя лю-ууу... Ну, ты знаешь... Что я могу сделать?

— Ну... — засмутился Ян.

— А ты... не видел... девочку?

Ян замотал головой.

— Ладно... Смотри. Но — только смотри! Остальное нам

рано! Года через два...

И тут Инна подняла юбку и сняла трусики. Симметрия её курчавого треугольника, прорезанного глубиной биссектрисы, заставляла трепетать и дрожать, пока душа не вылетит прощальной грустной невидимой птицей из груди, зачем-то существующей в этом мире.

— Ты меня любишь? — спросила она.

— Да... — ошарашено ответил Ян, не в силах отвести взгляд.

— Тогда покажи и мне...

— Но ты сказала, что тебе... не хочется!

— А мне любопытно!

— Я... стесняюсь.

— А я?!

Ян, дрожа, расстегнул штаны, снял трусы до колен, освободил устремившийся ввысь хуй, желающий её проткнуть, пробуравить, уничтожить, воскресить, возлюбить и вознести в какую-то небесную близь, сейчас существующую здесь, сейчас, между ними.

Инна медленно подошла к нему, потрогала головку ukazательным пальцем, изумляясь её мягкости, потом резко, не долго думая, взяла в руку и сжала.

— Аааа-а! — завопил Шестов; семя брызнула, падая в его снятые трусы, холодок пробежал по спине; Ян словно отключился, не понимая, что это такое.

— А это что такое?!!! — раздался сверху рык.

Они быстро принялись заправлять всё, что было обнажено, но Серёга Поликарпов из параллельного класса уже был тут.

— Ебутся! Ага!!! Сейчас позовём Елизавету Степановну...

Потом посмурнел, как-то приосанился:

— Да ладно, ебитесь, что я — стукач, что ли!

— Ну, всё? — раздалось ещё одно восклицание сверху.

— Да что же это за... — чертыхнулся Ян.

— А что это? — тихо спросила Инна, поднеся к глазам свои руки.

— Не знаю, — шепнул Ян. — Я так люблю тебя...

— Кончаем! — хлопнул в ладоши Семенихин спускающийся сверху.

— Тьфу! — Ян сплюнул, застёгиваясь.

Какое-то вялое, безразличное блаженство овладело его существом; впервые он почувствовал себя так хорошо. Ему почему-то немедленно захотелось куда-то уйти, испариться, чтобы не видеть Инну, хотя ему это было более чем странно.

— Всё? Поехали! «Политика», ты обещал!

— Какая политика? — недоуменно спросила Инна. Щёки её покраснелись; с указательного пальца свисала маленькая беленькая капелька.

— Лю... бовь... мо...я... — с трудом выговорил Шестов, весь как-то трясясь. — Я обещал, я должен, я вернусь!

— Куда?!

— А, кстати, как ты это сделаешь? А, Коля?

— Ерунда, я кое-чему обучился, пока ты там...

Семенихин щёлкнул пальцами; в воздухе появилась большая полупрозрачная таблица с надписями.

— Ну?!

— Прощай, любовь! — с пафосом крикнул Ян.

— Любимый...

Коля ткнул в слово «политика».

— Но почему?

«Зачем я куда-то уйду? Любовь и радость, и счастье — здесь... Зачем я трачу время... Зачем?!! Может быть, его больше не будет, хотя я и вернусь... Это — грех!!! Прости меня, любовь!!! А вот себе я этого не прощу...»

Ян закрыл глаза, чтобы не видеть.

— Поехали!!! — громогласно воскликнул Семенихин и топнул ногой.

Всё опять исчезло.

Политика

На этот раз переход был не таким тяжёлым, словно глубокий кошмарный сон или смерть без надежды на воскресение. Шмяк — и они очутились в тесном кабинетике, в очереди, среди большого количества людей, всех как один одетых в костюмы, белые рубашки и галстуки. На них самих тоже были надеты костюмы — на Семенихине тёмно-коричневый, а на Яне — светлый, какого-то непонятного оттенка, что-то между жёлтым и зелёным. Белые рубашки тоже присутствовали, а вот галстуки на них были чрезмерно яркие, резко отличающиеся от остальных, стоящих здесь в очередь. У тех галстуки выделялись на рубашке только за счёт её белизны, а так бы эти галстуки тускнели в остальном пространстве, словно что-то скучное, какое-то бухгалтерское, тяготеющее сколлапсировать как чёрная дыра или, точнее, как некая серая дыра, которую ещё не открыли, но

которая, наверное, образуется, когда звезде надоедает одно и то же — термоядерный синтез, да термоядерный синтез, пока не прогорит водород — всё понятно, и судьба расписана до мелочей, — тогда звезда становится серой, словно чиновник, и это очень опасно: она весь мир может заразить своей унылой, однообразной серостью.

У Яна галстук почти горел наплывом красно-лилового рисунка, изображающего некую изломанную, будто судьба несчастливому человека, абстрактную фигуру; у Семенихина же галстук был ядовито-зелёным и был покрыт повсюду маленькими, светло-оранжевыми, бегемотиками.

Из-за этих двух ярких галстуков, все присутствующие тут же начали пялиться на Шестова и Семенихина, как будто те вовсе явились голыми. Кстати, кажется, никто не заметил, каким образом они явились. Впрочем, может, они здесь тут и были всегда — для остальных присутствующих. По крайней мере, Коля улыбнулся с таким видом, что он здесь вообще родился, а Ян заскучал.

Очередь продвигалась долго, как и полагается очереди; но всё когда-нибудь заканчивается. Вот дошло время и до Семенихина с Шестовым.

— Слушаю вас, — сказал, даже не посмотрев на них, большая, непомерно толстая женщина.

— Мы бы хотели зарегистрировать партию.

— Так... Вам надо...

— У нас всё есть!!!

Яну осталось только удивляться. На все вопросы о каких-то справках, стаже, членах, Коля немедленно доставал нужную бумажку из, откуда-то у него взявшегося, кожаного портфеля.

Устав бороться с таким подкованным посетителем, женщина, наконец, спросила:

— Ну а называться-то как будет ваша партия?

— Великая Русская Свинья или по-немецки: Гроссе Руссише Швайн. Немцы нам ближе всего, вот мы и назовёмся по-немецки...

— Ничего себе! — возмутилась женщина. — Это — мы-то свиньи?

— Конечно! — просиял Семенихин. — Пора это признать и не пороть всякой чепухи. Мы — в чистом виде свиньи! Сами, что ни на есть!

— Какая же тогда у вас может быть программа?!

— Программа характерная... Надо найти самую большую в России свиноматку, дать ей побегать по снежным просторам Родины, чтобы её осемили силы небесные, и получить приплод... Он и спасёт Россию!

— Приплод?! — женщина в задумчивости взяла ручку. — Это не приплод, а какой-то... опорос получается...

— Правильно! — радостно проговорил Семенихин. — Небесный... опорос!

Ян, наконец, врубился в происходящее.

— Ты что, с ума сошёл?!.

— И действительно, — повторила женщина, — как говорит ваш товарищ: в своём ли вы уме?!

Семенихин только пожал плечами. И опять пошли справки, справки, справки, какие-то выписки, и так далее.

— Хорошо, — устало сказала женщина. — Всё у меня. Ждите положенные...

— А мы ждать не можем! — воскликнул Семенихин и вновь предоставил ворох бумаг.

— Но не я же регистрирую!

— Сделайте, — прошептал Семенихин и совсем уже тихо, словно случайно положил на стол маленький, непримечательный конверт.

— Послезавтра, — чуть ли не умоляя, сказала женщина.

— Утром, — жестко добавил Коля. — Гэ-Эр-Эш нужно поспеть к выборам!

— Вы что думаете — за вас будут голосовать?!

— После, как вы правильно определили, «небесного опроса», всё будет нашим. И весь мир!

— Ладно — ладно! — женщина замахала на него руками: мол, уйди, не могу больше тебя видеть.

— Хорошо, до послезавтра! И — вступайте в Гэ-Эр-Эш!

Они вышли оттуда, протискиваясь сквозь стоящих в эту очередь людей, которые смотрели на них, как на двух сумасшедших, сбежавших из дурдома. Но никто ничего не говорил: в конце концов, всех больше всего волновали собственные дела.

Семенихин был очень доволен.

— Послушай? — спросил у него Ян. — Ты ничего мне не рассказывал об этом... Ты давно это придумал?

— Какая разница! Я — председатель, ты — мой заместитель... Можешь не делать ничего, только сочиняй, твори!

— Но.... Откуда ты взял этот... опрос, да ещё всякие бумажки?

— Дорогой мой... Ты разве ещё не понял, что мы... ушли? Мы хотели и ушли!!! А здесь всё можно. Разве ты не понял, когда ты привёл нас в школу, что здесь можно всё? Ты мог бы представить то, что у тебя произошло с Инной, в реальной жизни?!

— О, моя Инна! — немедленно воскликнул Ян. — Я уже соскучился! Я хочу...

— Не бойся, скоро вернёшься... А что касается программы, кстати, то... Что-нибудь состряпаем. Может, ты поможешь, как творческая личность? Главные цели ты уже понял. А там... Свободу свиньям и русским, например! А остальных всех — на корм свиньям!

— Ты это серьёзно?! И это и есть твоя «политика»?

— Не совсем. Я так же могу спросить: это и была твоя «любовь»?

— Можно мне вернуться? — грустно спросил Ян.

— Да подожди ты! Тебе сказали: послезавтра! А там я тебе создам условия для любого творчества, любви... Но главное, на мой взгляд, всё же, творчество. Кстати, ты ещё не начал творить?

Ян промолчал.

Они переночевали в пятизвёздочной гостинице — партийные деньги, как сказал Семенихин, позавтракали чёрной икрой, сели в «Мерседес» и поехали.

— Куда мы едем? — спросил Ян. — Мне тут надоело, я соскучился...

— Помолчи. Мы едем по делам. Скоро ты сможешь заниматься только любовью и искусством.... А пока... Нам тре-

буются нужные люди! А ты же — мой заместитель!

— Так куда мы, всё-таки, едем?!

— Ну... — Коля важно погладил свою бородку. — В твоих терминах это звучало бы так: на вечеринку.

— Это и есть твоя «политика»?

— Послушай, ёб твоя мать! — заорал Семенихин. — Ты меня скоро так достанешь, что я тебя смешу, хотя это тебе и всё равно... Ну что ты нудишь постоянно?! Едем в «Мерседесе», поели икры... Чего ты не радуешься ничему?! Посмотри вокруг — это же жизнь, всмотришься в неё — она такая разнообразная! Сейчас приедем — там будет масса всяких людей, каждый по-своему интересен... И каждый со своей судьбой. Поговори с ними — почему ты ничем не интересуешься?! Девушки, кстати, будут...

— Тьфу, — сплюнул Ян.

— Да, я понимаю, ты влюблён, но... всё проходит... извини, извини, — тут же таким образом закончил Семенихин, когда Ян попытался его душить.

— Я просто хотел сказать, что... ещё раз извини! Главное — мы ведь ушли! Ушли, понимаешь?!

— А по-моему, мы никуда и не уходили, — мрачно ответил Ян. — Она меня и там любила!

— Послушай, — Семенихин сделал жест шофёру, тот остановил машину, и Коля пересел на заднее сидение к Яну с переднего, где он сидел, повернувшись назад. — Послушай... Я тебя не понимаю. Ты что — хочешь только любви? Одной любви и только? Когда мы рыли туннель, когда мы обдумывали уход, ты был совсем другим... Мне казалось, что тебе нужны возможности для творчества, и для этого мы уходим. Меня интересовала политика, деньги... А тут полу-

чается — тебе, оказывается, необходима одна лишь Инна, и всё! Ну, ты... прямо какой-то... обыватель!

— Я не знал, что это так... настолько, — буркнул Шестов. — И потом — разве она кому-нибудь мешает? Я хочу быть с ней, ну и... всего остального.

— Ладно, пока это ничему не мешает. *Пока*. И я надеюсь... Тут они куда-то приехали.

Девушка напротив Яна была уже пьяна.

Её лицо нежного подсвинка излучало страсть, страсть и восторг. Взгляд её глаз был так откровенно похотлив, сейчас он вперился в дно стакана виски, будто говоря: «Со мной всё в порядке. Я родилась не так давно, я вполне, очень даже!!! А какая у меня зарплата, оклад, соски, готовые, эрегируя, словно выстрелить в яйца мужчины — *мужчинки*. А какая у меня модель... А моя смерть запланирована на потом».

По левую руку от Шестова сидел усатый кавказец, шумный, краснолицый, имитирующий радость каждой жизненной секунды. За ним был некто Аркадий — как сказал Семенихин про него: очень талантливый химик. Он нам любой наркотик соорудит, а Варпет продаст. Это и есть *нужные* люди? Дорогой мой, на первых порах партии нужны деньги. А где их взять? Оружие и наркотики. А дальше... Оппорос совершится, перейдём в Большую Политику — и пошли они все. Но пока... Дальше скромно сидели две фотомодели, совершенно не понимающие, кому они здесь понадобятся и когда. Дальше — Семенихин, а за ним — та, что напротив Яна (запомни: вот эта тёлка — не для ебли, она — охуенный юрист. Я тебя сейчас убью!!! Ну, прости, прости...). Потом, буквально развалился на стуле мрачный, непьющий человек в очках (оружие. Как он тебя на хуй не послал? Мы же

ушли, здесь всё можно). За ним чинно сидел Соломон Исаакович Ройзман, а прямо рядом с ним — Моисей Израильевич Раерман (ну, а эти-то? Эти-то?! Ты ничего не понимаешь в политике. Спасение России — это для масс, для большинства, для быдла. А нам, чтобы состояться, чтобы поиметь власти и бабок, нужны соответствующие люди. И вообще: ты помолчи. Я устрою тебя так, чтобы ты ничего не делал, только творил — я же тебе обещал? Ну вот, я и выполняю. А уж, как я это выполняю — это моё дело).

В конце концов, кавказец, которого, как выяснилось, зовут Варпет, встал с налитой рюмкой, и с характерным акцентом проговорил:

— Я хочу выпить это тост за того, кто нас всех сюда позвал, приютил, накормил и напоил... Нет, это не намёк на то, чтобы все ушли! Хочу поднять за Николая... К сожалению, не знаю отчества, но у нас отчества не приняты... Николай — широкий человек, дай бог ему счастья, больше денег, больше таких красавиц, что сидят за этим роскошным столом...

— Коля, — шепнул Ян. — Я больше не могу! Как мне удалиться отсюда? Как ты это делаешь?

— Проговори про себя молитву Железному Гомосеку, — так же, шёпотом ответил ему Семенихин.

Меж тем, Варпет продолжал:

— Больше друзей, настоящих друзей! — он поднял вверх указательный палец. — Друзей, которые не оставят ни в беде, ни в радости, всегда придут за такой стол...

Ян закончил молитву, и перед ним в воздухе появилась прозрачная таблица с разными надписями, но её, кажется, никто не заметил.

— Жди меня, ты мне понадобишься, я за тобой приду, — тихо сказал ему Коля.

— Хорошо, — радостно ответил Ян и нажал на слово «Любовь».

Тут же вечеринка, впрочем, как и всё остальное, пропала.

Любовь-2

Этот, уже привычный Яну, переход из одной реальности в другую, был бы ничем не примечательным, если бы не одна маленькая, но очень существенная деталь: прямо перед финишной чертой, пунктом назначения, ему некий визгливый женский голос будто бы произнёс над ухом: «А вот и нет!»

Или его не было вовсе, а была какая-то не оформившаяся до конца мысль, как опасной бритвой, врезавшаяся в мозг: мол, нет на самом деле никакой любви, политики, жизни, — один этот смутный, неясный сон, похожий на смерть, или же смерть, похожая на вечный переход непонятно откуда непонятно куда. Мол, вот сейчас возьмёшь — и не прибудешь, а застрянешь вечно тут, в этой мути небытия или полубытия; и не на что надеяться, и не с кого спрашивать, поскольку эта тотальная серость мироздания как серость звезды — изначально и естественна, и именно она — основа и правда, а совсем не проявленные мимолётные приятности, которые ты привык считать миром.

А вот и нет; а вот и не родишься; а вот и нету ничего и никого, а если даже тебе и удастся вырвать мгновения счастья или несчастья из этого мутного фона, пытающегося тебя всосать и размазать твою личность, чтобы она потерялась в этой вездесущей неявленности, — всё равно тебя здесь ждут, чтобы уничтожить, оставить тебя тут навеки. Всё это лишь вопрос времени.

Осознание того, что он, вдруг, может не воплотиться, а остаться здесь, в переходе, и этот переход и есть настоящая истина, а пункты отправления и прибытия — просто иллюзия конкретности, которая будет поглощена вечной серой муťou, и это — настоящая правда; это повергло Яна в настоящий ужас.

«А вдруг сейчас всё пропадёт, но ничего не вернётся? И то, что мы всегда считаем «не главным»: все эти, казалось бы, «не важные моменты»: ожидание автобуса, своей остановки; «вот сейчас я приеду туда-то и туда-то»; «вот сейчас буду делать то-то и то-то»; короче, вся эта переходная муť, которой как бы и нет, — вдруг она победит, восстанет, заявит о своих правах и вберёт в себя всё, будто своеобразный аннигилятор? Ведь эта муť занимает большую часть времени, совсем как во Вселенной чёрной материи — чуть ли не девяносто девять с чем-то, кажется, процентов. С чего мы взяли, что остановка, событие, свершение — и есть главное, а не путь, ожидание, подготовка? Я боюсь, что смерть победит; мне вообще странно, что ещё что-то существует; тем более, странно, что возможен момент любви. Именно момент, потому что он, в любом случае, пройдёт. Но я готов отдать за него всё: душу, дух, сердце, даже хуй. Одна секунда с Инной стоит всего. Я просто боюсь сейчас — а вдруг эта встреча вообще не состоится? И рад тому, она мне ещё предстоит, что её ещё не было, что я только устремлён к ней... Пусть я застряну в переходе! Пусть я уничтожусь, погибну, распадусь на неразумные сегменты... Но — потом. А сейчас... Сейчас... Да здравствует миг нашей встречи!»

Эти мысли и суждения пронеслись в голове Яна, когда он нажимал на слово «Любовь». А потом всё пропало, и он не мог ничего воспринимать; но реальность опять наступила, несмотря на предательский возглас или мысль «А вот и нет!», и Ян пришёл в себя, и вокруг снова была школа — только

более старший класс; и он вновь сидел на задней парте, а справа вместе с ним — о чудо! — сидела повзрослевшая и похорошевшая Инна.

Она ткнула его в локоть.

«Опять записка! А я ничего не помню... Но так же люблю её... Стоп! Последний раз... Последний раз... Два года прошло?» — подумал он.

Он медленно раскрыл записку.

Там было написано: «Ну, ты готов?»

«К чему? — подумал он. — А... Видимо, действительно, прошло два года и пора... И я... Готов!!! Любимая... Что тебе ответить?»

Он написал: «Конечно, готов. Я был готов ещё тогда!»

И быстро получил ответ: «Тогда после уроков идём ко мне. У меня никого нет. Ты боишься? Я — очень».

Ян написал: «Я тоже — очень».

И сразу почувствовал её руку на своей ноге. Инна его гладила, внимательно смотря на учительницу математики, которая рассказывала про дифференциал.

«Ну, что ж... — подумал он. — Как я удачно попал! Как говорилось в одном фильме — сегодня та самая ночь!»

«Я попробую не бояться, — гласила следующая записка. — И у меня есть бутылка вина.»

— Отлично, — тихо сказал Ян.

После уроков они шли по улице, и Ян был до того растерян, что забыл взять портфель Инны, чтобы помочь ей. Впрочем, она тоже была словно никакая, и всё-время говорила о чём-то, кажется, об узнанном ею сегодня экзистен-

циализме.

— ... И вот это они называют истинным моментом, когда существование подлинно существует. Ты существуешь? — вдруг спросила она, повернув к нему своё лицо.

— Сейчас — да... Я существую...

— А я — не знаю. Меня словно какой-то ужас парализует... Как смерть, но нет... Предчувствие смерти.

— У Пруста Марсель идёт целовать Альбертину по лестнице и пишет, что он был настолько счастлив, что готов был умереть именно тогда, когда он поднимался по лестнице, так сказать, в преддверии... — скороговоркой проговорил Ян.

— Я не читала...

— А! — махнул рукой Ян, и они пришли.

Стояло самое начало мая: тепло разливалось вокруг, проликая в мёрзлую ещё землю, чтобы растопить её лёд и придать ей мягкость и плодородие. Они поднялись на шестой этаж; Инна открыла дверь ключом и буквально вбежала внутрь квартиры. Шестов вошёл, захлопывая дверь, замок которой обречённо лязгнул за ними.

Она бросила сумку на кресло у двери и пригласила его в комнату. В комоде стояла бутылка, на три четверти заполненная вином; Инна взяла её и отхлебнула.

— Хочешь?

Он отпил и отвернулся.

Она стояла перед ним в бежевом платье; как сомнамбула, она завела руки назад, расстегнула молнию и сняла это платье через голову.

Её взгляд стал серьёзен; он звал, он таил прелести и тайны, смыслы и восторги, и — глаза её открылись ещё шире, распахивая перед ним некий волшебный мир, куда он мог уйти, и где он мог спрятаться от этого, странного окружающего мира, состоящего из случайных и жестоких вещей. Уйти туда — во взгляд, что могло быть прекрасней?

Она быстро сняла чёрный лифчик, отбрасывая его от себя и трусики. Рухнув навзничь на постель, слегка разведя ноги, она вопросительно посмотрела на него:

— Ты передумал?

Он быстро разделся, стесняясь своей нескладной школьной одежды, не зная, куда девать носки, стыдясь выпершего вперёд хуя, боясь ей не понравится, желая отсюда сбежать, испариться, удалиться, уйти-уйти.

Может быть, во взгляд или куда-то ещё. Но куда уходить, когда он, наконец, пришёл?!

Голый он упал рядом, взгромоздился, стараясь не замечать, что происходит, и сразу попал туда, куда нужно. Мягкая влажность стала его обволакивать мышечной теснотой, ласковой нежностью, когда потом преграда, разрываемая им, заставила её дёрнуться и кричать. Она отпрянула, прижимаясь; он покинул её, испугавшись; тело его задрожало, и, чуть скользнув по мокрой восторженности её женскости, где смешался пот, и кровь, и горячие слёзы желания, он на миг воткнулся вновь внутрь, и излился туда, словно выворачивая наизнанку свою любовь, свою страсть и свой страх.

— У-ах! — выдохнула она. — Мне надо в ванную...

Она встала, уже совершенно его не стесняясь, и медленно прошла к двери.

Он остался лежать на чём влажном, откинув голову назад,

на подушку. Дрёма охватила его члены; блаженство разливалось по телу, будто качаемая сердцем обычная кровь.

Он увидел короткий сон из слов.

Сон

«Тот я, что окончательно закончился и погиб вместе с теми, с абсолютно всеми; сейчас с той, что та, которая — я, которая мягко обволакивает собой моё звериное сердце ангела, сплетаясь грудью с моей сутью, заполняя мир полной одинаковостью, полностью расщеплённого на совершенные изначальные полюса — нашего разного пола, нашей единственной двуединности... Любовь, снежная нежность, обладание, страх совершенства — эта ночь сверхъестественной обыденности, где ты спишь, убаюканная моим восторгом, словно безумно мечущаяся по Космосу вочеловеченная девочка, нашедшая приют, — осмеливаюсь только намекнуть об этом в самой тихой сердцевине наших грёз, ставших ежедневностью, разрушивших тени прошлого и убивших мечты о них, убирая сознание той боли, где тебя не было всецело, где был возможен я без тебя, что невозможно по определению; и когда я весь уйду в тебя, не оставляя ни остатка души, доверяя свой дух твоему духу и телу, тогда я найду то, что существует сейчас — застывший миг твоего сна, когда ты рядом, просыпаясь, вставая, ложась, радуясь моей сущности, притворной вредности, моему смеху и счастьем быть с тобой, осознающему, в конце концов, что высшее искусство свершается на кончике наших всхлипов, вздохов, стонов, улыбок о нас; а смысл есть простое желание, — пусть всегда тебе будет хорошо, любимая, и в вечности мы станем одним раем из разных нас, объединившись в бесконечном движении к себе, и не будет Я, и не будет Ты, но только — Тот и Та.

Я люблю тебя — я моего я, ты моего ты, любовь моей люб-

ви. Я хочу всю тебя, как всё твоё, мир как ты, ты как я.

Сияние здесь — бери его, оно всегда было здесь!

И будь только собой.»

Его плечо сжала чья-то рука и больно затрясла его.

Ян Шестов открыл глаза.

— Ну, всё нормально, как я вижу, — сказал Семенихин. — Пойдём, ты мне нужен. Я верну тебя Инне в целости и сохранности.

Дверь открылась, она встала в проёме.

— Не-ет!!! — вскрикнул Ян, в то время как Коля Семенихин опять утаскивал его через переход обратно в свой мир.

Политика-2

— Мне это совершенно не нравится!

Семенихин, выпалив эту фразу, закурил сигару, которая вкусно благоухала своим дымом, заполняя им почти всю комнату какого-то роскошного отеля, где они сидели. — Я тебя вытащил, потому что у нас — учредительный съезд, а ты — мой заместитель. Извини, но я не могу без тебя на съезде! Но...

— Что — но? — вызывающе спросил Ян.

— Не передразнивай! Но... Я могу сказать, что ты, твоё поведение, вся твоя жизнь сейчас, когда мы ушли — всё это мне совершенно не нравится!

Шестов положил ногу на ногу, почесал над глазом и издал некий недоуменный звук.

— Что же тебе так не нравится? Инна? Моя любовь к ней? Ты извини, конечно...

— Это — твоё личное дело! — почти прокричал Семенихин, злобно выпустив обильный дым изо рта. — Люби кого хочешь, но...

— Опять «но»?!

— Не передразнивай! Ты... в угоду этой любви... вообще забыл себя! Твой долг, твоя миссия здесь, в этом мире, это что — только одна любовь? Ты же... Ты же есть ты. Мы собирались покинуть несовершенную тюрьму ради этой реальности, где мы можем быть самими собой, где нас оценят по заслугам — и что?! Я готов всё организовать, всё сделать для твоей раскрутки, реализации, ты же — творческая личность, но... где же твоё творчество?!

— В любви, — улыбаясь, сказал Ян.

— И всё? Ну, знаешь... Тогда как...

— Точнее, я понял: любовь выше творчества, выше искусства. Искусство — жалкое подобие любви. Зачем мне заниматься суррогатом, когда у меня есть подлинник, оригинал, настоящее?

— Но ты... — Семенихин шумно вздохнул, потом продолжил почти совсем тихо: — Ты уверен, что это никогда не закончится?

— Я не уверен во всём остальном, — горделиво заявил Ян. — Я не уверен вообще, что этот мир существует. Единственная реальность, это — Инна, я и наша любовь.

Семенихин опять вздохнул и потушил сигару в большой пепельнице, стоящей на столике перед ними.

— Ну что ты так... сокрушаешься? — Шестов дружелюбно посмотрел ему в глаза.

— Мне... обидно. Ты похоронил себя в этой любви, в

Инне... не перебивай! Зарыл в землю свои таланты... и кайфуешь. Точнее, вы оба кайфуете, но это всё... бесплодно.

— Почему ты так думаешь? — спросил Шестов.

— Да я не в этом смысле... И вообще. Знаешь, кто ты теперь? Простой... обыватель!

— А ты — какой-то сумасшедший... политикан. Гроссе Русише Швайн! Бред какой-то!

— Ну, вот и выяснили отношения! — натужно усмехнулся Семенихин. — Ты на съезд-то теперь пойдёшь?

— Можно и на съезд, — издевательским тоном промолвил Ян.

— Ага... Его величество разрешили... Ну, сейчас поедем.

— Кстати, где мы?

— Мы — в одном прекрасном старорусском городе, который, наверняка, войдёт в историю, потому что здесь состоялся первый съезд нашей партии. Но тебе это всё — по хую!

— Мне тебя жалко, — сообщил Ян. — Если бы ты испытал то, что я, тогда бы ты меня понял. А теперь мне с тобой общаться — как слепому говорить про Солнце.

— А мне с тобой — как с принцессой, которая всю свою молодую жизнь провела в королевском дворце. И рассказывать ей, что за воротами тоже есть другая, неведомая ей, жизнь.

— Я эту жизнь за воротами знаю, — ответил Шестов. — Она груба и не настолько интересна, что из-за неё следует перестать смотреть на Солнце.

— Ослепнешь!

— Может быть... Но я ослепну, смотря на Солнце! — Ян

сделал рукой соответствующий высокопарный жест. — А тебя просто замочат в сортире!

— Ну, уж нет! — рассмеялся Коля Семенихин. — Кто кого замочит! Ладно, дружище, мне просто хочется, чтобы ты ещё что-нибудь делал! Я всё понимаю, медовый месяц...

— Я буду! — воскликнул Ян. — Просто сейчас...

— Знаю. Поехали на съезд? Побудь со мной какое-то время, побудь моим заместителем! Мне так одиноко... Ведь мы ушли!

— Извини, друг, — тихо произнёс Ян. — Поехали, я побуду твоим заместителем. Да, мы ушли. И здесь я обрёл всё!

Они вышли на узенькую улицу; швейцар отеля подбоchenился, увидев уверенную фигуру Семенихина, одетого в чёрный костюм, белую рубашку, чёрный галстук и чёрные ботинки; Ян шёл за ним, выглядя не так строго — тёмно-коричневый пиджак, светло-коричневые брюки и, почему-то, белые кроссовки. А вместо галстука — красная, вышитая зелёными узорами, бабочка.

— И где будет твой съезд? — спросил Ян.

— Увидишь, хотя могу тебе сообщить... Мы арендовали здесь самое большое помещение.

— Это, наверное, какой-нибудь местный кинотеатр? — Шестов заморгал, потому что в его глаз залетела мошка.

— Где?!! — рявкнул Семенихин.

— Что — где?... — от неожиданности испуганно спросил Ян и начал долго тереть этот глаз рукой.

— Что ты делаешь? — остановился Коля.

— Мне что-то попало...

— Не три! А... Вот он, наконец!

— Да кто?..

— Он! Мой... Наш... шофёр!

— У нас есть шофёр?

К ним приближался «Мерседес» цвета «металлик», за рулём которого сидел усатый человек.

— Да, мой друг! У нас много, чего есть!

— И машина, как я посмотрю!

— И не одна! И не только...

— Послушай, — Ян посмотрел на Колю доверчиво, как в детстве. — У меня такое ощущение, что у тебя и у меня время идёт по-разному. Я еле-еле успеваю встретиться... с любимой, а ты уже... вовсю... настолько много всего успеваешь!

— Потому что в любви время летит, — ухмыльнулся Семенихин.

— Да, увы, к сожалению, это правда. А мне так бы хотелось, чтобы оно остановилось!

— Ты серьёзно? — Коля заинтересованно на него посмотрел. Машина остановилась перед ними, шофёр открыл дверцу и что-то сказал Коле.

— О чём он? — спросил Ян.

— Он извиняется за опоздание. Садимся!

— Я серьёзно! — воскликнул Ян и юркнул в машину на заднее сиденье. Коля сел спереди и обернулся.

— Неужели ты хочешь, чтобы всё застыло на каком-то одном моменте? Чтобы секунды не сменялись минутами, минуты часами — и так далее?

— Да, — уверенно сказал Ян, немного откинувшись назад, когда они поехали. — И я даже знаю, какой это момент!

— Итак, как я вам докладывал, мы найдём огромную свиноматку, запустим её по просторам Родины, чтобы её отымело небо, и будущий приплод, когда она опоросится, станет нашей надеждой! — голос Семенихина был твёрд, как уверенная в своём отказе женщина, когда домогающийся её человек является полным придурком.

— А у вас есть что-нибудь на примете? — раздался голос из зала, в котором было человек двести, и на сцене, перед экраном (поскольку это действительно был местный кино-театр) на стульях сидели Ян, Моисей Израильевич Раерман, Варпет и две девушки, похожие на модели. Коля стоял за трибуной.

«И откуда он столько людей сюда навёз! — подумал Ян. — И когда он их успел набрать? Или, действительно, время в любви летит?»

— Мы как раз вплотную этим занимаемся. Сейчас мы имеем шесть кандидатур, из которых наш специалист выберёт наилучшую особь.

— И что тогда будет?! — прозвучал откуда-то сзади вопрос, и раздался достаточно издевательский смех.

— А что вы смеётесь? — громко, со своей трибуны, выкрикнул Семенихин. — Тут смеяться нечему. Мы сами точно не знаем, что тогда будет, если Россия-Мать-Свинья опоросится. Точнее — *кто* тогда будет. И какие времена наступят.

Но у нас есть прогноз! Сейчас я попрошу нашего социолога Северина Свеновича Безотцовых выступить и рассказать, чего мы ожидаем. Прошу!

Все захлопали; Семенихин сошёл с трибуны и уселся на стул рядом с Яном. К трибуне же из зала вышел молодой человек заносчивого вида в чёрных джинсах и чёрной рубашке. Не спеша, он занял место за трибуной и кашлянул. В ответ послышалось несколько хлопков, а кто-то ещё и свистнул.

— Спасибо, — громким, наглым голосом проговорил Безотцовых. Откуда-то сзади послышалось: «А образование у тебя есть?», на что Северин Свенович немедленно отреагировал:

— Университет! А сейчас я — в аспирантуре!

На что тот же голос сказал: «Знаем мы ваши аспирантуры и университеты!».

— Ах, знаете! — враждебно сказал молодой человек, пытаясь вычислить голос. — Ну, выходи, посмотрим, что ты знаешь...

Всё стихло.

— Северин Свенович, — официально обратился к нему Семенихин. — Мало ли кто к нам мог проникнуть! Не обращайтесь внимания! Переходите к существу вопроса!

— К существу вопроса... — обескуражено повторил тот, озирая зал. — Хорошо, наверное, прятаться за чужими спинами! Я б тебе показал!

Все напряжённо смолкли.

Безотцовых гневно вперился в присутствующих, потом, поняв, что это бесполезно, вздохнул.

— Хорошо, но я теперь знаю, что среди нас есть враг! Ладно, ладно, я перехожу к делу. Итак, итак, вы, я думаю, знаете, в каком состоянии находится наша страна Россия. Я бы сказал: в таком же, в каком она и была всегда. Постоянно одно и то же: бесправный народ и кучка правящего класса, которому принадлежит всё. Потом приходит новый царь, а с ним и новые фавориты. Нет никакой преемственности власти — каждый раз всё заново, новый передел собственности. Единственное, что сейчас изменилось, это то, что империи больше нет, а дальше будет ещё хуже.

— В каком это смысле? — спросил кто-то.

— Ну... Дальний Восток и Сибирь уйдут китайцам и уже отходят, Юг, то есть Северный Кавказ, тоже кому-то отойдёт или будет самостоятельным, а останется то, что никому не нужно на планете Земля — Среднерусская возвышенность и Север. Земли неплодородные, зимы холодные, летом комары, осенью слякоть, весной грязь, впрочем, это всем известно. Население вымирает: мужчины спиваются, женщины prostituteуют, отдаваясь, кому ещё можно, за гроши. Вот если бы нас кто-нибудь завоевал...

— Да что вы такое говорите! — раздался возмущённый крик где-то в передних рядах.

— Но мы никому не нужны, — тут же закончил эту мысль Северин Свенович. — Всегда, во все эпохи, народы сражались за место под Солнцем. Вот, скажем, Турция. Там были буквально все, кто угодно — многочисленные народы прошли по этой благодатной земле! И все хотели эту землю завоевать, потому что там — хорошо. А мы? Кто захочет нашу убогую территорию?!

— Безобразие! — воскликнул кто-то в зале. — Как вы себе такое позволяете!

— Надо смотреть правде в глаза, — тут же заявил Безотцовых.

— Вы что — не любите Отчизну?!

— Я-то, как раз, очень люблю, — Северин Свенович горделиво откинул голову назад, — и поэтому я примкнул к партии, возглавляемой Николаем Ивановичем.

— Я — Николаевич! — вставил Семенихин.

— Извините. Потому что он — единственный, который обещает как-то исправить ужасное положение вещей, получившееся в России.

— Но почему — свинья? — спросил кто-то из центра.

— Ну... Ну... То, что Россия — свинья, а русские — свиньи, думали многие. Так нас называли немецко-фашистские захватчики, так писал писатель Ерофеев.

— Да? — удивлённо посмотрел на Безотцовых Семенихин.

— Да. Но не тот, что вы думаете, и не там. А вообще, это — уже традиция: Россия — свинья. Значит, надо это признать; более того, свинья нас и спасёт.

— Расскажи об этом побольше! — обрадовано выкрикнул Коля. — И свою версию, свой прогноз того, что будет потом...

— Понял. Короче, мы выбираем самую громадную и мощную свиноматку, затем небеса — высшие силы — Бог — должны её трахнуть, а потом она рождает плод новой России! Или вообще новую Россию! Я в точности не знаю, что тогда произойдёт, но то, что всё для нас изменится — несомненно!

— Простите! — в зале встал некий малорослый челове-

чек, одетый в синий костюм. — Я хочу спросить вас и всех остальных, сидящих на этой сцене, так сказать, в президиуме: хоть кто-нибудь представляет, что произойдёт, и произойдёт ли что-нибудь?! Поподробнее! Если вы не знаете, может, кто-нибудь знает?!

— А вы знаете? — парировал Безотцовых.

— Знаю!

Все внимательно и заинтересованно посмотрели на него.

— Я так думаю, — медленно проговорил этот человек, — если запустить свинью безо всего просто побегать, то ничего и не будет. А чтобы что-то было, нам нужен великий русский хряк, который догонит эту свинью, ну и... сами понимаете.

— Вы — профан! — с достоинством сказал Безотцовых. — С хряком и я бы смог, то есть... ну, вы понимаете. Но наша задача — не в этом! Нам нужно, чтобы эту свинью отдрючила, как бы, сама Россия, точнее, Высшая Россия, Небесная Россия — можно назвать как угодно. А вот что она родит? У меня есть некое предположение...

— Какое? — тут же спросил Коля Семенихин.

— Послушай, — шепнул ему Ян. — Меня уже достала твоя партия. Про эту свинью — это бред сивой кобылы, по-моему. Я хочу назад!

— Потерпи! — так же, шёпотом, ответил ему Коля.

— Сколько ещё?

— Моё предположение, — не слыша их, проговорил стоящий на трибуне, Северин Свеневич, — заключается в том, что наступит что-то вроде конца света...

— Это с чего это? — недоуменно отозвался малорослый

человечек в синем костюме. — Подумаешь, свинья туда-сюда побегает!

— Сядьте, вы глупы! — торжественно объявил Безотцовых.

Человечка, видимо, сзади кто-то дёрнул за пиджак, потому что он с негодованием повернулся и, кажется, сказал: «Сам дурак!», но, тем не менее, сел.

— Так вот, я не договорил... Я не имел в виду такой конец света, что будет война, или ещё как-то всё накроется... Нет!

— Да? — вдруг с сомнением сказал со своего места Варпет.

— Да! Я считаю, что если что-то получится, на Россию изольётся свиная благодать, и всё станет таким.... обильным, пухлым и похрюкивающим!

— А как вы себе это представляете в реальности? — человечек опять встал.

— Ну... Ну... — Я скажу, — встал Коля Семенихин. — Спасибо тебе, Северин, давай я объясню этим...

Безотцовых поклонился и ушёл с трибуны. Его место занял Семенихин.

— Мой предшественник, — громко сказал он, — правильно обрисовал вам, что должно наступит. Верно — свиная благодать затопит Россию, и наш мир станет... эээ... обильным, пухлым и похрюкивающим. Что это означает конкретно? А то, значит. Будет изобилие, как мы все мечтали, от этого мы немножко вспухнем, нам что нам всем станет безумно хорошо, и мы... захрюкаем от счастья и удовольствия!

На этих его словах некоторое количество людей в зале

повставали со своих мест и направились к выходу. Кто-то говорил: «Сумасшедший дом!», а кто-то просто мрачно удалялся.

— Пусть уходят, — сказал Коля, обращаясь к Яну. — Как говорил Ленин, прежде чем объединяться, надо нам размежеваться.

— Ну а мне-то, наконец, можно тоже уйти?

— И ты тоже? Ладно, иди... Подожди!

Семенихин засунул руку в карман, достал мобильный телефон и протянул его Яну.

— На, можешь со мной связываться, в каком бы мире ты ни оказался, и что бы ни случилось. Мой номер — там, в телефонной книжке.

— Спасибо, — Шестов взял телефон, и перед ним появилась невидимая никому, кроме него и Коли, прозрачная таблица с надписями.

— До свидания, друг! — кивнул он Семенихину, нажимая на вожденное слово. — Здравствуй, и да здравствует любовь!!!

Небесный опорос

В заснеженной дикости безлюдного белого гладкого поля, у леса, стоящего в сумраке смёрзшихся ёлочных игл, берёз с заледеневшей берестой и сосен с осинами, появилась кучка людей, напряжённо выдыхающих пар из ртов.

Они везли на санях нечто непонятное. Очевидно, был конец декабря, поскольку наступал волшебный, хрустальный вечер. Сугробы становились серебряными под едва проступившей луной, всё поле блистало, словно в нём зажглись звёзды, а лес охватывала загадочная тьма. Эти люди встали

на поле, развязали существо в санях и сняли с него мешок.

Оказалось, что это — огромная розовая свинья.

— Ну, давай! — крикнул кто-то. — Вперёд, за Россию, нашу мать!..

— Кто сказал «мать»?.. — тут же спросил Семенихин.

— Я сказал «мать», но не сказал «ёб»! — стал оправдываться предыдущий человек.

— Хорошо... То есть — совсем не хорошо! Видите — она у нас никуда не хочет!

Свинья стояла, озирая маленькими жалостливыми глазами снежное поле, мрачный лес и людей.

— Нам надо её как-то подтолкнуть... Эй! Пошла, сука! Иди на хуй отсюда! — Семенихин дал свинье пинка, но она так и не поняла, что от неё хотят.

— Николай Николаевич! Давайте, уж я! — вышел молодой человек, встал перед свиньёй, больно ущипнул её за пяточек, а потом стал убегать.

Свинья бросилась за ним.

— Ура! Пошла! Пошла!

Люди начали хлопать в ладоши, подсвистывать и пританцовывать.

— Ах, иди! Ах, иди!

Свинья догнала оскорбившего его человека, поддела его и сбила с ног. Тот упал, потом вскочил, отряхавшись от снега, побежал дальше, стараясь удалиться от преследовавшей его свиньи, но она не отставала.

— Как его звали? — спросил Семенихин.

— Иван... — ответил кто-то, потом испуганно спросил: — А что с ним?

Тут небеса зажглись непереносимой яркостью, озаряющим всё поле пламенем белого света. Ударили молнии; зажглись зарницы; вспыхнули огненным дымом облака.

Люди упали ниц, в страхе зажмуриваясь и зарываясь лицами в снег, только Семенихин стоял гордо и смотрел вперёд.

Буквально через мгновение всё кончилось. Когда все поднялись и посмотрели на поле, то увидели, что там больше нет ни свиньи, ни Ивана.

— Что это?! — раздался испуганный возглас.

— Всё правильно, — сказал Семенихин. — Смотрите! Слушайте! Наблюдайте!

Небеса словно разверзлись, и оттуда, сверху, посыпались какие-то сперва не видные, а потом всё более заметные, светлые точки.

— Вот они!!! — буквально завопил Коля и стал подпрыгивать на месте от очевидного счастья. — Мы победили! Гроссе Русише Швайн! Ура!!!

— Это... Это...

Точки приближались и приближались, принимая распознаваемые очертания.

— Это — свиньи! — сказал кто-то.

— Дурак ты! — насмешливо откликнулся другой. — Это — поросята!

У Семенихина в кармане зазвонил мобильный телефон. Он его достал и приложил к уху. Звонил Ян.

— Привет, Коля, — сказал он.

— Привет. Как твоя жизнь?

— Инна умерла, — ответил Ян.

Семенихин съёжился и стал ещё более внимательно смотреть на небесных поросят, совершенно не зная, что ему надо делать и говорить.

— Я потом позвоню, — наконец, раздался голос Яна в трубке, и разговор был окончен.

Один из поросят приземлился рядом. Он выбрался из снега, встал на задние лапы, сложил передние по швам и подошёл к Семенихину.

— Капитан Леонтьев для дальнейших распоряжений прибыл! — отчеканил поросёнок.

— Вольно, — рассеянно сказал Семенихин и посмотрел в небо, где всё уже было, как обычно, никаких поросят, только стайка перелётных мышей, которые улетали куда-то вдаль.

ПОКА, ЯН, И Я НЕ ТУТ, ЗДЕСЬ, ТАМ!

Там, тут

Чёрная тьма сжала существо упругостью бездны, воплотившейся вокруг его бытности здесь невидимыми стенами намертво очертившей границы страдающего духа мрачной, маленькой камеры. Но это были не стены и не карцер, это был бесконечный, распространяющийся во все направления энергетический сгусток с небольшой дырочкой-пустотой посередине, где пребывал кто-то, старающийся ничего не помнить и ни на что не надеяться.

Где я, что я, зачем и когда — вопросы застыли ледяными словами правды перед искрой внутреннего зора; на них не надо было отвечать, но лишь ждать.

В памяти осталось что-то ужасное, поэтому лучше быть здесь, или протиснуться вперёд, вовне, за пределы глобального сплошного поля, отрицающего жизнь и смерть.

Страдание стало привычным; миг стал вечностью; небытие сдавило комок оцепеневшей души, словно пальцы убийцы, железным кольцом сжавшие беззащитную шею жертвы.

Всё то же самое; мне всегда пять лет; здесь их и не было вовсе, или они были не здесь; но свобода должна придти, если я пожелаю.

Я не хочу туда. Я хочу уйти, уйти, уйти. Вперёд, вверх, за себя, за грань мира; оставить реальность и нереальность; выйти!

Луч осветил дух; существо увидело путь.

Скользя по свету, уносясь со световой скоростью навстречу неведомому; по другую сторону себя, по другую сторону всего.

Проступили новые неясные очертания; головокружение охватило всё существо осознанием своей воздушности, размытости своих границ, недовоლობщённости.

Прямо перед собой он увидел такое же создание, искрящееся безразмерностью и прозрачностью.

— Тут, здесь, там? — выдохнуло существо всеми своими атомами, свободно клубящимися, словно едкий газ, заполняющий камеру казни.

— Я есть, я — кто, я — он, я — Ян?!

— Привет, Ян, ты здесь, там, тут! — существо напротив, бурля и шипя своим прозрачным дымом тут же отреагировало на вопрос отчаянья. — Расскажи о себе, исповедуйся, тебе станет легче!

— Где я? Я существую?

— Мы ушли, ты пока будешь тут, это тоже бытие, что случилось?!

— Не знаю. Я уничтожен. Она умерла.

Там, здесь

Существо напротив сверкнуло, превращаясь из размытого розово-серого облака, в некую фигуру с ясными очертаниями. Границы его зафиксировались, образовался рот и три глаза; полупрозрачные газообразные губы расплылись в насмешливой улыбке.

— Привет, Ян, привет тут, там, здесь!

— Где? — тот, кого называли Яном, ощущающим себя как «я», попытался справиться с самим собой, так как он состоял сейчас из разреженного газа, который, клубясь, норовил, согласно второму закону термодинамики, заполнить всё пространство комнатки с размытыми стенами, где они на-

ходились.

— Как ты сгруппировался? — спросил, наконец, Ян. — Как ты воплотился в нечто конкретное? Что со мной произошло? Когда-то я, кажется, не был таким.

— Ты не был таким, — склонило существо прозрачный верх себя, напоминающий голову. — Ты был из плоти! А теперь ты из газа.

— Зачем? — горестно воскликнул Ян. — Что произошло? Кто ты?!

— Меня зовут Муздрусь.

— Как?

— Муздрусь. Я приставлен к тебе. Чтобы помочь. Ты пережил горе. Ты и сейчас его переживаешь. Ты не можешь справиться. Поэтому мы вытащили тебя из твоего мира сюда, на Юпитер.

— Юпитер... — изумлённо повторил Ян. — Газовый гигант...

— Да, — подтвердил Муздрусь. — Поэтому мы сейчас состоим из водорода, с некоторыми примесями метана. Примерно так, ну, там ещё что-то... Ничего, ты научишься владеть новым телом — оно тоже материально, хотя и менее. Тебе нужен отдых от твёрдой сочной плоти, каковой ты был, поскольку она создана, чтобы наслаждаться, страдать и умереть. Ты страдал, а теперь расслабься и попробуй вспомнить свою историю.

— Я ничего не помню! — Ян всё-таки как-то организовался, стараясь противостоять неумолимому второму закону термодинамики, заставляющему его буквально разлетаться своими молекулами, заполняя любое пространство, просачиваясь сквозь щели тоже газовых стен комнаты; и

сейчас он представлял из себя что-то вроде большой кляксы или гигантской амёбы с пульсирующими во все стороны ложноножками.

— Ты должен помнить. Тебе станет легче. Ты пытался умереть, ты страдал, ты потерял...

— Да!!! — ужасное знание потрясло душу Яна; его тело распалось на дымовые сгустки, блеснувшие оранжевым огнём, но общая форма кляксы всё-таки сохранилась.

— Чем ты говоришь! — укоризненно сказал Муздрусь. — Сделай себе рот, руки... И ты вспомнишь...

— Я всё вспомнил! — мрачно заявил Ян. — Зачем вы сюда меня взяли? Здесь же её всё равно нет! Я хочу к ней! Я хочу умереть!

— Ещё не время. Кто она?!

— Вы не знаете? — всем своим облачным телом изобразил горькую улыбку Ян. — Как же так? Тогда зачем вы мне?

— Я пойму тебя, — торжественно проговорил Муздрусь.

— Стоп! На каком это языке мы говорим? Почему я понимаю?

— Естественно на твоём, на русском. Мой язык — язык духа газа, выпранный язык облачной мысли ты не поймёшь. А твой я изучил, обращаясь к твоей душе.

— Тогда вы должны всё про меня знать.

— Да. Но ты сам должен всё про себя узнать. И пережить, и освободиться.

— Я не хочу!!! — злобно выкрикнул Ян. — Я люблю её!

— У тебя нет выхода. Её больше нет, и никогда не будет.

— Не верю!!! Это тебя никогда не будет! И нет!!! Нет никакого Юпитера, это всё сон, бред, маразм... Сейчас я проснусь, а она рядом, моя любимая...

— Полетели? — жёстко сказал Муздрусь. — Я покажу тебе Юпитер. Я докажу тебе. И ты увидишь маленькую звёздочку на чёрном небе, где ты жил, был счастлив и несчастлив. Где была она, и где её больше нет.

— Больше нет... — зачарованно проговорил Ян. — Но где же она тогда есть?

— Не знаю, — тут же отозвался Муздрусь.

Тут, здесь

И вот я в очередной раз вышел за дверь маминой квартиры, где я обитал, стараясь пережить ужас своего нынешнего бытия-без-тебя, пытаюсь совладать с тем, что не поддаётся обузданию, стараясь переждать ад, дожить до конца, до момента исчезновения и гибели, слава Богу, обязательно ждущего и меня; достичь вожаденной смерти — встречи с тобой, что бы ни случилось, ведь если нам даже суждено небытие, то и тогда мы будем вместе, в одном состоянии.

Я шёл по яркой, дневной улице, слыша смех и крики прохожих; им было всё равно — мир ошетинился иглами против меня, но продолжал своё существование, словно бы никогда не было ни меня, ни, тем более, тебя. Это было омерзительно, хотелось всё взорвать, сбросить сюда атомную бомбу, чтобы эта хаотичная, действительность спаялась в единую сплошную солнечную вспышку. И я был бы её эпицентром.

Но всё было то же самое, мир послал меня на хуй, и Бог отвернулся от меня.

— Бог, Ты — подонок! — говорил я сам себя, глядя вверх. — Ты ошибся, ничего не искупит того, что Ты сде-

лал. А если это не Ты, Ты это допустил. Ты немилосерден и жесток. Короче, теодиция провалилась, вот так вот, ух!

Я смеюсь, вытирая слёзы, и иду дальше.

В метро все напыщенно безразличны; все стараются сделать вид, что их тут нет. Я сажусь, демонстративно кладя ногу на ногу, чуть не заехав ботинком по сумке какой-то бабушки. Зря не заехал. Бабушка жалобно смотрит поверх меня, и весь её облик излучает старость и скуку.

Любимая, почему мы не можем быть старыми и скучными, обниматься морщинистыми руками, целоваться потрескавшимися губами, ждать нормальную смерть, которая если и разлучит нас, но не так надолго! И всё-таки, она всё равно придёт, так есть ли разница?! Нет, или есть, я отказываюсь что-либо понимать.

Опять проклятья Богу, потом я вдруг начинаю думать, что Его Сын лучше, Он, по крайней мере, ничего не обещал нам *здесь*, но только *не от мира сего*. Вот, хотя бы какая-то надежда. Но я плачу, потому хочу это здесь, здесь, здесь, дальше, дальше, бесконечно! О, как бы я хотел остановить любой из моментов с тобой и пребывать там *всегда!!!* И больше ничего не нужно, ведь это и есть рай.

Вообще-то я ужасен; я уже задолбал всех; «кого ебёт чужое горе», как я любил говорить, как бы мы сказали с тобой, любимая, потому что мы были жёсткими и циничными, совершенно неуязвимыми в своём единстве против мира. Этот мир не мог ничего сделать *нам*, мы забили на него, и теперь он мстит мне-без-тебя. А без тебя я быть не могу, меня есть только половина, или вообще нет.

Я уничтожен!!!

Я упиваюсь своим страданием, наслаждаюсь тем, как мне плохо, просто тащусь, потому что попал в мир настоящей

трагедии, и приезжаю на свою станцию. Но разве не об этом я мечтал в детстве?! Испытать настоящее счастье и подлинное горе; прожить полноценно, а совсем не усечённо, сторонясь искушений, любви, страсти, смерти и удовольствий, словно доморощенный буддист или реальный придурок-монах.

О, монах! Я готов сказать тебе фразу, которую слышал в одном фильме, когда это говорит человек с последней стадией рака одной героиновой наркоманке. Ты, монах, как и она, сам выбрасываешь то, ради чего я готов на всё!!!

Я опять испытываю какой-то совсем не уместный в моём положении кайф от того, насколько я больше, выше и мощнее этого монаха. Он не знает, а я знаю! Или лучше не знать?!

Нет, нет, нет. Я выхожу из поезда, быстро вытираю две слезы, чтобы никто не заметил и тихо говорю вслух:

— Любимая! За секунду с тобой можно отдать всё!

И я отдаю.

Всё правильно, но нет, ничего не правильно, пусть бы случилось всё, что угодно; я согласен, чтобы мне отрезали руки-ноги и кастрировали, но чтобы ты была жива!

Твою смерть, увы, я не могу пережить, хотя это так банально — смерть. Мы все смертны, слава Богу, и я. Ура!!!

Оказывается, мы все существуем во времени, и всё существует во времени, и есть время для... Блин, всё это уже сказано, но мёртвые слова стали болезненно живыми и, словно безжалостные шипы роз, впились мне в сердце.

Я захожу в магазинчик и безразлично покупаю две бутылки портвейна и четыре бутылки пива. Я имею право, я хочу бежать, уйти-уйти-уйти от этой реальности, в которой я сейчас оказался и которую ненавижу. Любым способом.

Забутье, беспамятство, убаюкай меня своей извращённой анестезией, искази мой дух, сокруши мою плоть, отключи мою память, разорви мою душу!

Я прихожу в наш дом. Наш домик — так мы говорили, любовь моя?

Я сажусь на диван, стараясь не смотреть в другую комнату, где стоит наша кровать, на которой мы всегда — десять раз в день, не считая ночи, занимались любовью, трахались, *ебались*, как сказала бы ты, поскольку ненавидела эвфемизмы. Где мы были единым разнополым существом, где мой хуй был вечно в твоей *пизде* — мы говорили именно так, напрямую; это было приятно говорить, говорить и делать. Как я могу забыть эту потаённость грязных слов, возникающих, словно жемчужина из песчинки в ракушечной утробе наших вздохов, всхлипов и признаний? Они — главное доверие, вместе с ними мы заодно; то, что я сказал бы себе, я говорю тебе, и ты. Покажи хуй, дай мне поцеловать твою *пизду*, я хочу тебя выебать, выебать, выеби меня, это так приятно. Это приятно безумно, мы — мальчик и девочка, мы были вместе всегда, мы ещё в детском саду были соединены одним желанием и восторгом; я старше тебя на много лет, а сейчас мне пять; мы познакомились и стали друзьями, потом любовниками, потом мужем и женой, но сейчас мы — одно и то же. Я говорю «ты», подразумеваю «я», говорю «я», подразумеваю «ты». Мы укрываемся одним одеялом, и под ними мы совершенно голые, наш дух обнажён, и наши души совершенно раздеты, как тела; и нет стеснения, и нет стыда, и нет правил, есть только мы, а мы — это я, и можно *всё*.

Я заплакал, отвернувшись, и стал смотреть строго перед собой и пить пиво. Пиво кончится, как всё кончается, но ничего, у меня ещё есть портвейн, впереди ночь, а я сижу тут один.

И никто не лишит меня моего права пить этот портвейн, распахивать окно, всматриваясь в черноту нагрывавшей ночи, где, может быть, где-нибудь скрываешься ты; плакать, плакать, плакать и пить, и кричать туда, в беззвёздный мрак холодной вселенной: «Любимая, вернись!».

Терпинкод

Кучки белых таблеток в красно-коричневых пачках; выдавливаешь их, дробишь ложкой, превращая в порошок; насыпаешь его на сложенный пополам листок бумаги и глотаешь, запивая водой или лучше айс-ти с лимоном, чтобы щелочная среда мела и терпингидрата, придающая этому эрзац-наркотику омерзительнейший, солоновато-содистый вкус, нейтрализовалась в желудке и не раздражала слизистую. Главное закрыть глаза и не думать о гнусности вкусовых ощущений; надо стараться проглотить всё сразу, чтобы как можно меньше вещества попало на вкусовые рецепторы, а то ведь можно всё и выблевать сразу. Тогда — прощай деньги и кайф; надо снова идти в аптеку и опять пытаться закинуть таблетки внутрь активно сопротивляющегося им организма. Хуже всего, когда приходится принимать их где-нибудь на улице или в подъезде, тогда таблетки приходится жевать, и потом только глотать — о, гадость!

К сожалению, кодеином нельзя вмазываться, я, конечно, пробовал, но это действительно ужасно. Как-то, на сильном опийном кумаре, я развёл в воде пачку седалгина и втёрся. Резкий перепад давления, дико красное лицо, кровь бьёт в мозг, всё начинает чесаться — вот тебе и «приход», тьфу! Прав был Бэрроуз, описавший последствия внутривенного введения кодеина, но ведь мы должны всё проверить на себе! И только через полчаса, если не умер, но немножко отошёл, начинается типичное кодеиновое действие — недоделанный опийный кайф, да и не кайф, в общем, вовсе, а

так, дрянь. Даже не как мастурбация по сравнению с половым актом, а как подглядывание за чьим-нибудь онанизмом, когда у тебя не только нет женщины рядом, но даже руки связаны.

Зачем же он мне на фиг был нужен, если никакого кайфа толком нет, а ломает с него со страшной силой, если подсядешь? И как-то *противно*. От героина, конечно, ломка намного сильнее, но от этого она именно *противная*.

Какой же я идиот! Стою в подъезде между этажами, выдавливаю таблетки, запихиваю их в рот, жую, жую, жую, гадость, гадость, глотаю. Запиваю водой, открываю новую пачку. Зачем?!

Но вот всё съедено, кумарить постепенно перестаёт, и я даже ощущаю слабый опиатный привкус где-то внутри головы.

— Любимая! — говорю я вслух. — Твоя смерть превратила меня в токсикомана! Я подсел на говно, которое употребляют какие-нибудь дебилы-подростки.

Почему?!

Кодеин осеняет меня своей псевдоопийностью, я выбрасываю пустые пачки в мусоропровод, и мне хочется разговаривать. Поскольку никого нет, я говорю сам с собой.

— Любимая, любимая, любимая! Твоя смерть — шок, настоящий медицинский шок!!! Чем я могу его снять?! Чем снимается шок? Правильно — наркотиками, наркотическими анальгетиками. Завязав с ними шесть лет назад, я не имею сейчас никаких связей, да, собственно и не хочу их иметь. Я не желаю ничего разыскивать, общаться с какими-нибудь подонками, только потому, что у них что-то есть. А эта дрянь продаётся в любой аптеке! И я не завишу ни от кого... И шок снимается; каким бы кодеин не был дерьмом, даже в

нём есть нечто убаюкивающее душевную боль — безумное страдание, которое я испытываю ежесекундно. Иногда мне почти физически кажется, что меня насадили на вертел и поджаривают на медленном огне. Я не могу этого вынести!!! Я готов принять *всё, что угодно*, чтобы это прекратить. Я, наверное, согласен даже нюхнуть клея. А тут кодеин — ну и фиг с ним, пусть будет кодеин. Даже он даёт некое благодушие, проливает, если не бальзам на раны, то какое-то масло, пусть даже машинное, но от него легче. О, как я тебя люблю, любимая! А без тебя... — тут я делаю значительное лицо, как будто играю роль в некоем фильме, — без тебя жизни нет. Провались всё к чёрту! Больше мне не надо ничего; всё в прошлом или в будущем. В прошлом — ты, рай, абсолютное счастье; в будущем — смерть, «великое может быть», как сказал Рабле. А что сейчас?! Ничто, ужас, мрак, ад, кошмар, терпинкод. Я ненавижу его, как ненавижу всё то, что сейчас. Я не должен этого делать, я должен дожить свою жизнь достойно, чтобы ты могла мной гордиться. Но я не могу! И не хочу... Я ничего больше не хочу, любимая... — тут, наконец, я расплакался. — Я хочу к тебе!.. Возьми меня! О, любимая... — я отворачиваюсь к стене, потому что по лестнице спускаются две смеющиеся девушки, и говорю совсем тихо: — Любимая... Извини меня, если можешь. Я виноват перед тобой, я виноват перед нами. Но я знаю — ты должна меня понять! Просто... я люблю тебя больше... чем *всё*.

Юпитер

— Ну что, предался воспоминаниям? — сказал Муздрусь, объяв Яна всей своей упругой воздушностью, унося его вместе с собой куда-то прочь, вверх.

— Да... Ворох мгновений, бесчисленность моментов счастья и несчастья... Они бурлят во мне, вырываясь наружу, они требуют свободы, но я не хочу их терять... Они только

мои!

— Отпусти их, — наставительно проговорил Муздрусь. — Они будут ещё более с тобой. И вспомни что-нибудь прекрасное, а... не только этот кошмар. Или он всё заслонил?

— Нет, — ответил Ян. — Конечно, нет. Ужас и восторг существуют во мне сейчас как-то одновременно, как свет и тьма.

— Молодец! — воскликнул Муздрусь. — Наконец-то ты близок к освобождению! Ты начал понимать, что без ужаса и ада не может быть рая, а без тьмы — света...

— Никогда! — рявкнул Ян. — Всё это — чистая муть. Я тоже раньше так считал, как ты. Без чёрного нет белого и тому подобное... Бред! Всё возможно! В подлинном счастье нет никакого мрака, никакого кошмара, никакой тьмы. На самом деле, абсолютно могут быть и добро без зла, и рай без ада, и восторг без ужаса! И ты мне скажешь — в этом есть какое-то несовершенство, скука? Бред! Я тоже так считал раньше, как ты, как все эти доморощенные мыслители, которые боятся по-настоящему чувствовать, по-настоящему любить, по-настоящему жить. Они страшатся мира, боятся потерять себя, полностью раскрывшись, став полностью уязвимыми для той, которую любишь. Но истинная любовь возможна только тогда, когда мы абсолютно друг другу себя отдали, когда мы убрали все преграды, когда мы полностью друг перед другом беззащитны! И тогда нет зла вообще, его не может быть; как нет и тьмы и ада. Всё чёрное побеждено, и это и есть абсолютное счастье, потому что ни одной, даже самой мельчайшей, частички несчастья в нём не существует!

Муздрусь, управляя собой и Яном, пробивая клубящийся повсюду жёлто-серый пар, замолчал, задумавшись. Нако-

нец, он сказал:

— Да, я об этом не думал... Даже не знаю...

— Об этом нельзя думать! — горячо воскликнул Ян. — Это можно только испытать. И тогда ты поймёшь и оценишь, что значит «да» абсолютно без «нет». И ничего ты больше не будешь так хотеть, как этого... О, любимая!

— Перестань, — перебил его Муздрусь. — То, что ты всё ещё её любишь, я уже понял. И совершенно не знаю, как тебя от этого спасти. Ведь ты так не сможешь дальше...

— Молчи, — отрезал Ян. — Меня не надо спасать. Я уже спасён. Я состоялся, в отличие от тебя, а ты всё ещё чего-то ищешь и боишься признаться себе, что боишься найти.

Пауза, Муздрусь летел, всё так же сжимая газообразного Яна; пар вокруг рассеивался; вверху стали проглядывать звёзды и чёрный, жуткий, бесконечный простор.

— Куда мы летим? — спросил, наконец, Ян. — Я тоже могу летать?

— Можешь, если захочешь. Хочу показать тебе наш Юпитер с птичьего полёта... Прости, не с птичьего, а с полёта умок.

— Кого?

— Умок. Умки — это мы, ты тоже сейчас воплощён в умку. Ещё есть регентшницели, они живут в жидкости. И ещё здесь обитают жорики — они твёрдые и очень горячие, живут в ядре, питаюсь чистым гелием. Некоторые вообще их не считают формой жизни, но лишь чем-то наподобие перекаати-минералов.

— Они общаются? — спросил Ян.

— Регентшницели издают резкие звенящие звуки, похо-

жие на раскалываемый лёд. Правда, когда начинаешь понимать их язык и разговаривать с ними, это перестаёшь замечать. А жорики — телепаты.

— Их можно понять?

— Можно, хотя некоторые из учёных умов считают, что всё это — твои собственные мысли. Что же касается регентшницелей... Всё осложняется тем, что, хотя мы и можем проникнуть в жидкую среду, даже став жидкими, впрочем, как и твёрдыми без особых проблем, регентшницели в упор нас не видят, для них мы — часть окружающей их жидкости. Были попытки составить их словарь, но так и не пришли к единой точки зрения, чем же являются их звуки — междометиями животных, либо всё-таки языком мыслящих созданий.

— Но ты только что сказал, что с ними можно общаться, мол, когда начинаешь понимать их язык...

— Это я сказал. И я с ними общался. Но другие умки мне не верят и считают совершенно по-другому. Некоторые их вообще не вычленяют из воды, то есть попросту отрицают их существование...

— Они верят в Бога? — почему-то спросил Ян.

— Ха! Сложный вопрос... Попробуй это выяснить — вдруг, ты до них доберёшься? Я думаю, если они тебя как-то заметят, ты и будешь для них Богом, ибо пришёл, сверху, с «небес».

— Но как я это выясню, если неизвестно — животные они, или... Хотя да, ты ведь... А тебя они за кого приняли?

— Может, у тебя получится наладить настоящий контакт. Я смог с ними разговаривать, вступил в обоюдное общение, но визуально они меня не заметили. Наверное, решили, что

я — какой-то невидимый пророк!

Звёзды были уже вокруг них, всё более и более яркие на чёрном фоне. Ян и Муздрусь вылетали из бесконечного жёлто-серого газа, и можно было даже увидеть кривизну поверхности огромной планеты. Впереди появилось множество лун; Ян испытывал головокружение, страх и, одновременно, какой-то странный восторг.

— Я здесь, наверху, над Юпитером, я лечу с дикой скоростью ввысь... Смотри моими глазами, любимая, ты во мне, а я всегда с тобой!

Муздрусь вдруг резко увеличил скорость, куда-то свернул, потом немедленно затормозил.

Они зависли на орбите. Под ним был Юпитер, клубящийся жёлто-малиновыми гигантскими полосами и завихрениями мощных воздушных бурь. Стояла жуткая тишина, словно уши заволокло какой-то звуконепроницаемой слизью.

— Ну вот, — сказал Муздрусь. — Мы тут. Теперь ты мне веришь, что ты, в самом деле — умка на Юпитере?..

— Верю, — ответил Ян. — Только одного я не понимаю, точнее, двух. Почему вы меня взяли с моей крошечной, тёплой, прекрасной, цветущей звёздочки, которая, насколько я вижу — вон-вон там, и ещё: почему вы меня воплотили именно в умку? И именно здесь, на Юпитере... Кто ты?

— На первый вопрос я ничего тебе не отвечу. По крайней мере, пока. Ну, может быть, отвечу так: ты нуждался в отдыхе, в полном перемене места пребывания, тебе было необходимо сменить обстановку, но и оставаться наедине с самим собой тоже было небезопасно. Поэтому с тобой я. А почему умка? Видишь ли, умка настолько не-человек, она так бестелесна, воздушна, что было решено, что тебе полезно какое-то время побыть ею. Так сказать, воплотиться поч-

ти в чистый дух, после того, как ты долго время жил почти на девяносто девять процентов одним телом, плотью.

— Ерунда! — крикнул Ян. — У нас вообще не было разделения между телом, душой и духом...

— Но потом оно возникло. У тебя...

— Возникло, — мрачно согласился Ян. — Но я в этом не виноват!

— Никто тебя не винит. Тебе хотят помочь!

— Кто?!

— А ты подумай...

— Любимая?.. — осторожно спросил Ян.

— Увы, нет.

— Увы... — Ян с грустью зашипел все своим газом, из которого состоял. — Тогда кто же? Я не знаю... В этом мире я был нужен только любимой!

— Это неправда! — вдруг обиженно воскликнул Муздрусь. — Как ты можешь так... отгородиться от всего!

— Да я... не думал, что я заинтересую каких-то там умов.

— Не можешь же ты всё предвидеть! Или ты думал... Ладно, ты узнаешь. А пока что Расскажи мне ещё какую-нибудь историю. Расскажи мне о вашей любви, да так, чтобы я поверил, что...

— Здесь?

— Можно полететь в наш, если можно так выразиться, город.

— Если можно так выразиться? А что это на самом деле?

— Это... Ну, это такое совокупивище, как мы говорим, не

в смысле «совокупляться», потому что мы размножаемся прямым делением, если, конечно, того хотим, а «совокупившие» — место, где умки живут совокупно. Или проводят время, потому что мы не связаны одной какой-то пространственной точкой, равно как и одной планетой.

— Вот как! Значит, умки могут быть везде? И на Земле?

— В принципе, да, но мы предпочитаем жить здесь. Умки — это любой воздух, газ, эфирная субстанция... Всё это не обязательно умки, но всё это может ими быть.

— Значит... — Ян размышлял вслух. — Некая умка обнаружила меня, пожалела и решила сделать меня умкой, чтобы я... как-то отошёл...

— Почти. Отошёл и ушёл. Ты ведь хотел уйти от своей реальности?

— Уйти-уйти?

— Да.

— Хотел... Да... Да... Чёрт меня побрал, зачем! Это теперь я хочу уйти-уйти...

— Стоп! — прервал его Муздрусь. Полетели в наше совокупище, которое называется Умск, и там ты всё расскажешь. Ладно? Ты вдоволь полюбовался Юпитером с птичьего, про-сти...

— Да! — отчётливо произнёс Ян, окинув взглядом застывшую посреди черноты гигантскую полосатую планету, клубящуюся вихрями и тоннами серо-жёлтых облаков. — Всё, полетели в ваш Умск. Насколько я тебя понял, э-ээ... Муздрусь... верно? Так вот, насколько я тебя понял, вы, умки, а, значит, и я сейчас, полностью состоим из раковых клеток. Но мне это настолько сейчас всё равно! Я... Мы с Инной любим путешествовать! Смотри моими глазами

любимая, слушай моими ушами... Даже когда их нет. Я произведу их для тебя! Полетели! Только на этот раз я — мы — решили лететь одни!

Ян мгновенно отсоединился от Муздруса, почти с грубостью оттолкнув его и начал со страшной скоростью падать вниз.

Умск

Среди всеобщей мутно-туманной разреженности появилось большое газовое облако, в котором можно было усмотреть прямые очертания многочисленных теней.

— Это — дома? — спросил Ян, вглядываясь туда, по мере того, как они снижались.

— Не знаю, — Муздрусь сейчас еле поспевал за ним. — Кто-то сделал дом, а кто-то создал... сам себя!

— Значит, и мы... И мы...

— Ты можешь быть, каким хочешь, — Муздрусь, наконец, догнал Шестова и для примера своим словам изобразил из себя какую-то загогулину.

— Я хочу быть с ней!!! Где она?! — Ян попытался зарыдать, но в нём больше не было слёз, как и вообще любой жидкости.

— Ты должен жить, тебе надо успокоиться, тебе требуется перестать о ней думать!... Тем более... любить!

— Заткнись... болван! — Ян попробовал сплюнуть и с удовлетворением обнаружил, что у него это получилось: газ стал сжиженным и, наверняка, очень холодным. — Я могу плевать! А раз так — я могу плакать! А раз так...

— Не думай о грустном! — Муздрусь распался на несколько тёмных облачков, которые как-то пропели всё это

нестройным хором. — Друг, мы сейчас пойдём к... самому мудрому из нас, его так и зовут — Мудрак, он тебе поможет!

— А этот... Мудрак... он, действительно, самый мудрый?

— Мудрейший!

— А ты?

— А я... Я всегда тебе говорил: займись делом, творчеством! Ведь ты же талант... Ты же... А ты, вместо этого, полностью... ушёл в любовь! Но всё кончается...

Шестов замолчал и подозрительно посмотрел на Муздрусю, который сейчас собрался воедино.

— Коля? — наконец, спросил он.

— Ну, я, — усмехнулся Муздрусю. — Можешь меня считать Колей Семенихиным!

— Неужели, Гроссе Русише Швайн провалилась? — поражённо сказал Ян.

— Напротив. Мы победили!

— Ладно, это — не моё дело. Коля, а можно мне... победить? Ну, найти или построить какой-нибудь мир, в котором Инна будет жива?!

Муздрусю образовал печальное лицо и проникновенно посмотрел им на Яна.

— Увы, нет. Твоя любовь — это по-настоящему, это — реальная жизнь, которую невозможно скопировать... Это — настоящая трагедия. Твоя кровь — не краска, а кровь... А моя политика — это... просто игры!.. Ты разве не знаешь, что мне, как и тебе — только пять лет, и мы играем в детском саду...

— Я доигрался!

— Да, ты доигрался, — Муздрусь обвил его вокруг самым собой. — И ты вышел наружу. И ты жил — на самом деле. А я... так и не начал... Хотя и закончил!

Ян, вместе с ним приближался к теням Умска, вдруг начавшим светиться жёлто-лиловым светом.

— Мы направляемся к Мудраку!

— Я ничего не понимаю и очень устал, — Ян попытался осесть каплями измороси на дно пространства, но не обнаружил дна. Муздрусь всё понял, захватил его собой и бросился стремглав в некий угол достигнутого ими совокупаща.

Там, в глубине радужных теней, в закоулке облачных скоплений, они предстали перед светящимся кругом, центр которого горел гаснущей и загорающейся вспышкой, как маяк во тьме мрачной ночи, не дающий разбиться измученному бурей кораблю.

— Вопрос? — сказал круг, мигнув.

— Нет вопроса, — тут же отозвался отпущенный Муздрусём Ян. — Я хотел уйти, уйти, уйти — и вот я ушёл, ушёл, ушёл... От жизни, от мира — для любви и счастья. Но всё ушло.

— Иллюзия мира может захватить тебя полностью, и ты тогда полностью удовлетворён, поскольку почти избавился от ощущения, что это ни на чём не основано. И ничем не обосновано. Как только это случилось — тебя пронзает жажда жизни, которую ты ощущаешь как физическое наслаждение; ты наслаждаешься каждой клеткой своей плоти и плоти других, но — вот ужас! — ты забыл о истине, которая заключается в гибельности каждого мига. Что касается тебя, Ян Шестов, ты помнил об этом, отказался от себя, отдался этому мигу, и всё погибло. Ты ушёл, и будешь уxo-

дить — к чему печаль?!

— Я ничего не понял.

— Вспомни. А сейчас мы просто настраиваем тебя на дальнейшее. Ты можешь быть здесь, сколько влезет. Иллюзия смерти, в отличие от иллюзии жизни, заключается в том факте, что смерть для тебя реально существует, в то время, как для умершего её уже нет; и смерть является фактом твоей жизни. И ты хочешь ей как-то соответствовать и пережить её реальность. Ничто о ни на чём не основано. Поэтому уходить тебе некуда, поскольку нет никакого противопоставления реальности. Тебе приходится искать чисто жизненный выход из ситуации свершившейся смерти — вот в чём загвоздка. Это — трудная задача, но она по силам тому, кто не собирается никуда уходить, потому что уходить некуда.

— Это — какой-то бред.

— Нельзя так отвечать Мудраку! — вставил Муздрусь.

— Кто ты?

— Твой удел — тяжёл, потому что ты его бросил, не выполняя того, к чему ты предназначен. **Нельзя жить одной любовью и похерить самого себя; невозможно безнаказанно уйти в голую физиологию и полностью в другого человека.**

— Коля?

— Ха-ха! — круг полыхнул и на секунду угас. — Да, я — тот самый твой друг. Не удивляйся, что нас сейчас двое. Из Семенихина могло и десять получиться. Настолько он был правилен и жизнестоек. Не то, что ты. Девушку — другое существо — отняли, и ты пропал. Это неправильно. Ведь если тебя даже посадили в тюрьму, значит, такова сейчас

твоя действительность, теперь это — твой настоящий мир, а не что-то другое.

Ян сжался в упругую газовую точку, представившую в этом прозрачном мире почти совершенно чёрный цвет.

— Мне ужасно тебя слышать. Ты не утешаешь меня. Для чего ещё нужна мудрость, как не для утешения погибших душ? А уйти я хотел всегда: это — главная идея моей жизни.

— Что ж, послушаем тебя, — тут же сообщил Мудрак.

Ничего

Не было девушки, и никто не был пьян. Не было ничего, в то время как я сидел в пустой квартире и убивал время. Никто не звонил, и ничто меня не тревожило. Мне казалось, что я покончил с жизнью и жив только по какому-то недоразумению. Странно было, что моё тело порой требует еды, воды и даже каких-то увеселяющих веществ. Я мог лежать, стоять или сидеть — это было всё равно, ничего не происходило. Я не выходил на улицу, поскольку не мог придумать себе причину — для чего это нужно. Иногда, правда, приходилось, когда кончались сигареты. Раз они кончались, я всё-таки, что-то делал, например, курил. Весь мир мне надоел, точнее, его отсутствие. Я не помнил, что надо делать, для того, чтобы начать жить вновь. Не было, кажется, даже похоти, словно всё заморозили. Никаких грудей, сосков, готовых выстрелить куда-то в мужчину. Не помню, куда.

Что же произошло?

Я хотел уйти-уйти, и вот я ушёл-ушёл. Это началось давно, а теперь я достиг совершенства.

Я чувствую, что смеюсь над собой. Смех остался, но никто его не может оценить, поскольку со мной не было никого.

Мне были нужны деньги, значит, надо их занимать, просить, доставать. Я бы хотел их заработать, но у меня не было работы. Я хотел любви, но любимая умерла. Я хотел дружбы, но поссорился со всеми. Я захотел в туалет, но...

Не всё ещё умерло, чёрт возьми!

Я подумал, что представлял, наверное, из себя новый биологический вид — максимально не затронутый реальностью, но, однако, к ней вполне готовый организм.

Терпинкод надоел, и не ломало, так что и в этом смысле была сплошная скука. Пить алкогольные напитки я бросил. Ни похмелья, ни хрена, вполне нормальное состояние.

И вот я сел посреди комнаты, включил телевизор, откинулся на спинку дивана и исчез.

И даже в этом случае, ничего не появилось. Так что, можете меня канонизировать.

Опять ничего

— Я больше не могу без тебя, любимая! — говорю я, напившийся терпинкода.

Я иду по улице, вытирая постоянные слёзы из сощурившихся глаз, и делаю вид, что от они — от ветра. Я иду от мамы в нашу квартиру, где всё случилось, где было всё, где каждая загогулина на стене напоминает тебя и где теперь так враждебно-жутко.

Я вхожу туда, достаю купленное вино, сажусь на диван и начинаю плакать и пить вино.

— Ничего, — говорю я сам себе, — ничего, ничего, ничего. Что-нибудь будет, но пока не наступило ничего. Моё «всё» в прошлом, а сейчас нет «ничего», но ничего...

Я пью вино и чувствую его действие. Вино заставляет

меня плакать сильнее, но становится легче.

Я подхожу к комоду и достаю разные лекарства. Одно из них — азалептин, оно стояло в ванной в то утро, когда я проснулся с мёртвой тобой.

— Может быть, ты приняла его, чтобы заснуть и умерла оттого, что он смешался в твоём прекрасном организме с ромом, который мы пили нашей последней волшебной ночью? Или... Я никогда этого не узнаю — знак вопроса продолжает стоять в твоём свидетельстве о смерти, словно судьбоносный приговор, отмечающий всякие рациональные объяснения, но оставляющий единственное утешение: ты умерла, потому что так было суждено, потому что пришло твоё время.

А моё время? Когда придёт оно, ужасное и вожаделенное, означающее гибель всего того, что находится вокруг и внутри меня, и обещающее новую встречу с тобой — мне ничего не остаётся, как верить в это! — вечную встречу без расставания. Нас больше никто и ничто не разлучит! Так чего же я жду? Кровь стонет в моих артериях и венах; мозг горит, как восплаивший стог; руки дрожат от неожиданно-го искушения, живот пульсирует, словно обезумевшее от страдания сердце; на заплаканном лице застывает зловещая улыбка.

Я беру этот пузырьёк и стакан вина. Я пью эти почти пятьдесят таблеток, запивая вином. Это занимает не слишком много времени. Потом ещё стакан вина.

Ну, вот и всё.

Но ты же могла и не умереть! Разве я имею право выносить себе абсолютный, не подлежащий отмене, приговор; ты же умерла естественно!

Значит, и я должен дать себе шанс; я хочу лишь искутить

эту чёртову судьбу, приблизиться к тебе, к той грани, которую ты перешла, но могла и не перейти. Я должен быть в такой же ситуации. Это как объяснение в любви — там, туда!

Пусть будет так, как суждено. Совершенно спокойный я звоню маме и одному другу. Потом открываю дверь и ложусь в кровать — туда, где ты умерла. Мне весело и любопытно — чем всё это закончится?!

Чернота обступает меня со всех сторон, врываясь в личность и душу, затопляя их, словно луна, затмевающая солнце; через какое-то время я совершенно перестаю быть, оставляя вместо себя только какой-то отрывок дурацкого сна.

Мой друг влетает, чуть ли не через форточку, улыбается, спрашивает:

— Ты вот это выпил? А там ещё есть? Как твой друг, я тоже это сделаю.

Он достаёт из кармана пузырёк азалептина и начинает поглощать таблетки. Меньше, чем я, но всё же. Всё же.

— А теперь поехали в больницу! — радостно восклицает он. — Машина нас ждёт! Вперёд!

Смеясь, мы выходим на улицу, садимся в машину «скорой помощи», едем, едем, едем, удобно расположившись на реанимационных койках, и, наконец, приезжаем.

Следующий кадр: я лежу на кровати, друга нет. Потом он появляется — весёлый и беспечный.

— Мне уже всё сделали, а ты должен тут полежать. Немного. Потом встретимся!

Он тает в воздухе, а я продолжаю лежать, лежать, лежать. Я лежу целую вечность, мне это дико надоедает; кроме того,

весь мой рот наполнен каким-то холодным мясом, я пытаюсь его выковырять языком, но язык почти лишён чувствительности, он словно под наркозом и у меня ничего не получается.

Постепенно я понимаю, что мои руки и ноги привязаны к кровати; рядом со мной стоит капельница, воткнутая своей иглой в меня, а то, что я принял за мясо, оказалось кислородными трубками, приклеенными пластырем к шее и лицу и засунутыми глубоко в рот.

Мне скучно, неудобно, в члене катетер, больно. Сколько можно находиться тут! Кажется, у меня ничего не вышло, точнее мне снова выпало жить и страдать. Но я всё же что-то сделал, хоть что-то, хоть как-то попытался приблизиться к тебе, любимая, прорваться в твой новый мир; и мне легче. Развяжите меня!!!

После нескольких попыток мне удаётся освободить одну руку. Тут же злобная медсестра привязывает её обратно.

— Лежи тихо!

Я не понимаю, почему она так недовольна. Но проходит очередная вечность, и надо мной склоняется врач, внимательно меня осматривающийся.

— Всё, тебя можно переводить в палату.

Тут я понимаю, что они откачивали меня всю ночь.

Откачали. Наверное, я ещё для чего-то нужен здесь, в этом ужасном, несправедливом мире, а моя встреча с тобой откладывается на неопределённое время. Или не будет никакой встречи?!

У меня больше нет выбора, я обязан верить.

На следующий день, совершенно нормальный и здоро-

вый, я иду на приём к психиатру.

— Ну, и почему же вы это сделали?! — пожилой человек ошетинился серьёзным врачебным лицом.

— У меня умерла любимая.

Он помолчал, смягчаясь. Потом отвернулся и тихо сказал:

— Да... Это — очень тяжело.

Шницель регента

Среди вечности водородно-метановых вод и полного отсутствия титановых руд, прищулив взор, можно было заметить снующие туда-сюда водяные вихри, проносящиеся повсюду, словно длинные тонкие водовороты с неизменной бородкой белой пены вверху, иногда булькающей в толще воды что-то почти членораздельное.

Вода повсюду была прозрачная, только кое-где образующая из самой себя некие, геометрически правильные, толщи — будь то куб, квадрат, а то и ромб.

Вихри скрывались в этих толщах ненадолго, потом вновь неслись куда-то ещё — или вправо, или влево, или немного вглубь, или немного вверх.

В одной из толщ, представляющей из себя сложную тёмную водную конструкцию из двух прямоугольников — один поменьше, другой побольше — одиноко изогнувшись пополам, застыл один из вихрей с непомерно развитой густой верхней пеной.

Он громко, насколько позволяла повсеместная водная среда, отрывисто булькал.

Если перевести это бульканье на любой из известных языков, получилось бы, наверное, следующее:

Мама Умка! Сущая в небесах! Да светится имя твоё! Да пребудет царствие твоё — как на небесах и в воде. Метан и жидкость дай нам сейчас! Спаси нас и сохрани, воскресив в своём воздушном эфире! И избави от жориков.

В толщу влетел новый вихрь.

— Ваше преподобие! Когда — буль-буль — когда же наступит царство выси?!

— Мы верим, верим, верим... Мы верим, что воспарим! — немедленно отвечал первый. — Вы приготовили мне мой шницель?! Ты же не забыл, Дрю, что я — регент этой церкви, распеваю куплеты, жду чудес, молюсь за вас и за наш всеобщий подъём ввысь, в разреженное блаженство сияющего воздуха, и я имею права на шницель!

— Вы знаете, Ваше преподобие, как трудно готовить шницель! Нужно оторвать кусок специальной водной толщи повышенной плотности, доставить его в самый низ — туда, где живут жорики, где жар ада делает нашу стихию безжизненным кипятком, испаряя её и иногда нас самих; и там эта толща должна упасть в этот жаркий мир, а затем, испаряясь, вернуться назад, превратившись в божественный воздушный пузырь — великий шницель для регента! Это так опасно! Блямблямчик только что погиб, выкипев, и сейчас туда отправился Шип!

— Он не выкипел, он спасся! Тот, кто испарился, пытаюсь изготовить великий шницель для своего регента, чтобы регент постепенно стал воздушным и первым вошёл в царство умок, открыв путь для нас всех, так вот, этот наш брат сам стал воздушными пузырьками, которые, наверняка, уже отделились от водной поверхности и играют, и резвятся в умском раю!

— Может быть, — грустно сказал Дрю. — Он был моим

другом. Иногда мы были мужем и женой, меняясь. Я люблю его. Разрешите мне последовать за ним?

— Нельзя, ты мне нужен здесь!!! И потом — это так опасно! Жорики столь злобны, их ад коварен, они могут не отпустить пузырьки, но высушивают их, сжигая, и конденсируют в свою омерзительную твёрдость. И тогда — прощай вода и мечта о воздушном рае навеки! Ты будешь навсегда заключён в жуткий жар раскалённого вязкого ада!

Дрю закрутился в смущении.

— А вдруг это самое и случилось с Бляблямчиком?

— Не знаю, — регент выпрямился. — Мы обязаны верить, что праведники и святые спасаются, и Умка, целуя, возносит их сущность в вечную высь!

Тут толща впустила в себя новый вихрь, в центре которого белел круглый пузырёк.

— Шип! Шип! Ты принёс! Ты сделал шницель! Великая благодарность тебе от твоего регента! Давай же его скорее сюда!

Шип подобрался поближе, на время перестал клубиться, выпуская из себя пузырёк, и регент поймал его. После чего резко завязался в некое подобие водяного узла.

— Так... Так... — булькал он. — Войди в меня, субстанция рая, спаси меня, переиначь меня и подними!

Пузырёк распался на множество мелких пузырьков, которые покинули потемневшего от натуги регента и воздушными каплями устремились вверх.

— Чёрт! Жорик! Опять не вышло! Но ведь когда-нибудь у меня это получится?! Должно ведь получиться, так ведь, Дрю?!

— Вы уже положили на шницели треть нашего народа!

— Они спаслись! А если я стану воздушным, все спасутся!

— А вдруг, они внизу?! Почему бы вам самим нет отправиться к жорикам, погибнуть и воскреснуть, как те, которых вы обрекли на безжалостное испарение?! И Блямблямчик...

Регент сделался прямым, как-то приосанился и отчётливо пробулькал:

— Ты как разговариваешь с начальником церкви?! Ты кто такой? Кто тебе дал право?! Ты что — осенён?!

— Нет, — грустно булькнул Дрю. — Да, я всё понимаю, вы — регент, у вас самая большая пена, вы можете булькать громче других, призывая умок, только... где они? Вы уверены, что они существуют?

— Безбожник! Еретик! — буквально загремел регент. Толща, в которой они пребывали закачалась от такого резкого бурления. — Подумай о своей сущности и о будущем! Я мог бы тебя отлучить... Ладно — сгинь, мне сейчас не до тебя! Я должен помолиться и пропеть сусанну.

— Так точно, Ваше преподобие... — пролепетал Дрю и покинул толщу.

И тут вся водная стихия вокруг вдруг взбурлила, вздымая ввысь мириады пузырьков; грани толщи, в которых находился регент, стали размытыми, смешиваясь с водой, а наверху появился спускающийся огромный пузырь, внутри которого клубились какие-то еле заметные сияющие газовые струи.

— Бог мой! — ошарашено булькнул регент, задрав свою пену ввысь. — Неужели я дождался?! Они пришли! Умки спустились спасать нас! Все сюда!!!

— Ну и где тут твои регентшницели? — спросил Ян, сидящий вместе с Муздрусём внутри пузыря.

— Сейчас попробуем их увидеть... Смотри внимательно — глядишь, что и получится. Кстати, как тебе моя идея? Помнишь, мы когда-то ушли-ушли и оказались в землелазном колоколе? А теперь мы в водолазном!

— Главное, что не в вакуумном, — мрачно заметил Ян. — Где моя любимая?! Вдруг она стала водяной, и я найду её здесь?!

Умка при дворе регента Сюра

— Ну, я пошёл, — заявил Ян, сгруппировавшись и приготовившись пересечь тонкую грань пузыря.

— Что?!! — Муздрусь образовал из себя разреженную кляксу.

— А что? У вас её нету, может, эти мне что-то подскажут?

— Ты хочешь уйти?

— Уйти-уйти. Раз мы когда-то ушли-ушли, нельзя останавливаться, надо достичь предела, и, возможно, я её встречу!

— Тут? — удивился Муздрусь. — Вряд ли ты сможешь тут кого-то встретить, кроме этих водяных. Скорее всего, ты их даже не поймёшь! В принципе, чтобы как-то общаться с ними, ты сам должен стать таким!

— Ну, вот и буду.

— Как?

— Не знаю. Но у меня нет выбора. Я должен посетить все миры, раскрывающиеся передо мной, чтобы обрести свою любимую, кем бы она ни стала!

— Если ты даже её обнаружишь, это будет уже не она!

— Всё равно. Я всегда её узнаю!

Муздрусь грустно произвёл из своего газообразного тела сморщенную фигурку сидящего старца с длинной бородкой, мерцающей синими искрами.

— Ты безнадежен. У тебя отняли полноту, чтобы ты стал опять самим собой, жил, творил, добивался чего-то! А ты вновь хочешь обрести эту законченную статичность, умереть для мира, погрузиться в личный рай...

— Меня без неё нет! Ничто в мире её не стоит! — выпалил Ян. — Не мешай мне! Я пошёл...

— Но ты ведь можешь... даже погибнуть! Кто-то из нас их вообще не видит, как и они их, я с ними как-то общался, но что будет с тобой? Ты же не рождён умкой...

— Погибнуть, говоришь? Прекрасно! Тогда я точно с ней соединюсь!

Разбег, концентрация всей эфирной сущности в одну плотную воздушную ослепительную точку — и грань пробита, а Яна тут же поглотила безмерная жидкая реальность. Водолазный колокол с Муздрусём внутри немедленно уплыл вверх, теряясь в водяной вышине; прямо перед Яном возвышалась геометрически правильная толща воды, состоящая словно из двух прямоугольников, а там, в некоем подобии угла, находилось длинное создание, увенчанное бурлящей белой пеной, немного напоминающей трясущуюся гриву льва, когда он резкими прыжками догоняет обмирающую от страха, удирающую антилопу.

— Буль-буль, — изрёк регент, наблюдая эти, непостижимые для него, происходящие прямо перед его водяным взором перемещения.

Ян расширился, став вновь обычной умкой, и тут же заметил, что предательская вода оккупирует его воздушное тело со всех сторон, забираясь внутрь и отрывая от него множество мелких пузырьков, тут же рассеивающихся повсюду и устремляющихся ввысь. Ян как-то внутренне собрался, попытавшись поставить заслон, но всё было тщетно — вода буквально съедала его всего.

— Буль-буль-буль! — затряслась пена регента в изумлении и осуждении.

Ян продолжал бороться, но когда вода коснулась его мыслительного центра, в котором помещалось сознание — Ян вдруг понял, что такой центр всегда существует у любого существа — он решил перестать бороться.

«Чтобы их понять, я должен стать таким! — пронеслась внутри него отчаянная фраза на непонятном языке — то ли умок, то ли людей, то ли ещё кого-то. — Я буду регентшницелом!!!»

И превращение закончилось. Через вечность небытия, напоминающего сладкий отдых и чудесную возможность отказа от выполнения разнообразных задач, существо вновь возникло и взглянуло на окружающий мир совершенно другим, непривычным зрением. Всё было не чётко, не резко, размыто, но кое-что можно было обнаружить в сплошной жидкой среде. Толщу и... регента. Почему эта водяная струя называлась «регент», Ян пока что не знал.

Он осмотрел самого себя. К удивлению, он заметил, что не стал полностью регентшницелом, но и не остался умкой. Воздух словно соединился с водой в некую странную субстанцию — ни туда, ни сюда. Яну было холодно; образовавшаяся на верхнем конце его нового тела белая пена трепетала, тихо шипя, словно вырывающийся из пробитой газовой колонки жидкий пропан.

— Ты кто?! — спросил регент, как-то подбочениваясь.

«Ура! Я понимаю их язык!»

— Я... — осторожно забулькал Ян. — Я — Ян. Я был человеком, тебе этого не понять, потом умкой, а теперь я... Сам не знаю!

— А я понял, — назидательно молвил регент. — Ты — падшая умка, ты пришёл к нам... чтобы... спасти нас? Вывести ввысь? Или наоборот, ты избрал нашу долю?! Зачем, зачем, зачем ты ушёл, ушёл, ушёл из своего сияющего рая... сюда? Чего ты хочешь?!

— А ты кто? — в свою очередь спросил Ян.

— Я здесь — самый главный, я — жрец, я — священник, я — регент! Я постоянно ем воздушные шницели, пою сусанну в надежде спастись самому и спасти свой народ! Чтобы мы все вышли в высь обетованную из водяного плена! Меня зовут Сюр, это моё тайное имя, его нельзя знать никому, но ты... ты... Помнишь детский сад?

— Коля?! — поражённо пробулькал Ян.

— Да, это — я. Помнишь, я сказал тебе наверху, что получил много воплощений. И всё из-за тебя! По чьему-то нелепому велению, я должен быть приставлен к тебе, куда бы ты не отправился, по возможности отговорить тебя от бесполезных поисков и вернуть на стезю творчества, подлинности и истины! Я обязан возвратить тебя самому себе! Но ты всё время сопротивляешься... Вот уже до чего дошёл! Странно, что ты не сгинул в нашей воде, я этого не понимаю... Так чего тебе здесь надо?

— Ты знаешь... — Ян устало качнулся. — Я хочу найти её, свою любовь и воссоединиться с ней навеки!

— Почему ты думаешь, что она — здесь?

— Я не знаю...

— Её здесь нет. Тут есть только мы и вода!

— Я хочу посмотреть... — печально булькнул Ян.

Регент Сюр помолчал. Наконец он приблизился вплотную к Яну и начал булькать столь быстро и отрывисто, что Ян еле понимал его.

— Услуга за услугу! Ты мне — я тебе! Ты — падшая умка, ты знаешь всё или многое, ты должен понимать уйму разных вещей! Как нам вознестись?! Как стать умками? Как нам летать в выси, резвиться в воздушном эфире, вечно пребывать в восторженной бесплотности?! Расскажи секрет, открой тайну, заключённую в глубинах своего сознания, и я покажу тебе всех наших; тогда — ищи!

— Но я...

— Стой! Думай. Будет только так, но не иначе! Услуга за услугу!

Ян погрузился в воспоминания и предвидения. Вдруг — он понял, что он всё знает.

— Хорошо, — наконец взбурлил он. — Кажется, мне стало известно, как вам помочь и решить вашу проблему.

— Проблему!.. — возмущённо повторил Сюр. — Это — не проблема, а великая миссия регентшницелей, высшая мечта, чудо!

— Да-да. Короче, вам надо собраться всем скопом, образовать из самих себя единую водяную толщу, ринуться к жорикам и испариться!

— Это же самоубийство!

— Нет. Вы высохнете, станете гигантским водолазным

колоколом — таким большим, что жорики не смогут вас удержать и затянуть в свою вязкую твёрдость; вы вознесётесь через всю водяную стихию, вас выбросит на поверхность и вы распадётесь, летя дальше и дальше — ввысь, ввысь, ввысь. И вы уже будете умками!

Сюр задумался. Потом заявил:

— Это — интересная идея. Почему-то она никогда не приходила мне на ум. Но... ты уверен, что всё получится?

— Уверен. — сказал Ян. — Это — простые законы физики.

— Не богохульствуй! Нельзя называть простыми законами физики великий исход нашего народа из водного плена в свободный воздух! Но, кажется, я с тобой согласен. Сейчас мы сделаем это — все, все! А ты ищи свою зазнобу...

— Любимую! — отчаянно булькнул Ян.

— Ну, любимую. Не вижу разницы. Короче...

Регент как-то начал расширяться, преобразовываясь, и вскоре превратился в одну сплошную пену.

— Бурлить всех сюда! — рывкнула эта пена, так что было слышно, наверное, в самых укромных водяных местечках. — Выход найден! Готовимся к великому штурму! И к спасению! И к бессмертию... — тихо добавил Сюр, казалось, для самого себя.

Хозяйство

— И, наконец, домашнее хозяйство! Ведь это очень важно — хозяйство. Ходить на рынок, покупать продукты, готовить из них еду, потом её есть, затем мыть посуду, расставлять её, вытирать, чтобы вскоре использовать для новой еды, приготовляемой из продуктов, которые покупаются на

рынке, где много всевозможной пищи, а её так приятно приобретать, распределяя по сумкам... Продукты приятно нести домой, чтобы дома... разложить... приготовить... есть... есть... еду... Чтобы мыть, убирать и вообще заниматься... хозяйством!

Инна посмотрела на лысеющего гостя Икс, сидящего в кресле с гитарой. Ян счастливо ухмыльнулся.

— Да-да, — кивнул он.

Гость Икс изумлённо посмотрел на парочку.

— Ты уже три... пять, раз произнесла слово «хозяйство»!

— Но это же так важно!..

— Да ну?.. Я никогда об этом не думал...

— Вот и напрасно! — Ян взял Инну за руку. — А мы только об этом и думаем! В этом, можно сказать, заключена суть бытия!

— Именно так! — воскликнула Инна.

— Именно как?! — игриво переспросил Ян.

— Вот так! Вот так!

Она, улыбнувшись, посмотрела на него, замороженная своим чувством, обмороженная его страстью, обожжённая их любовью. Он, словно бесплотный чистый дух, воспарил над своим ответным взором, скрывающим бездну счастья, которое тут же озарило этот миг бытия огнём восторженной вечности. Они возникли в одиночестве здесь, оторвавшись от реальности, отгородившись от мира, уйдя-уйдя-уйдя в самих себя. Больше не нужно было никем быть; больше не оставалось тайн, дорог и задач — всё было решено. Истина их полного единства покрыла Инну и Яна коконом благодати, откуда, как из чёрной дыры, не могло вырваться ни

крупницы света — всё пребывало с ними, всё доставалось им. Но что же должно быть дальше, если абсолютная цель достигнута, а мгновения нельзя остановить? В сердцевине экстаза, как следствие его собственного предела, вызревала точка гибели, способная взорваться и стать Чёрной Вселенной, разметав бесконечной глобальной волной мрака весь существующий мир. И это почти получилось.

Икс отшатнулся в ужасе, заражённый чужим совершенством; он боялся уничтожения.

— Нет!!! — проревел он. — Хватит!!!

Он попытался как-то подступиться к их неразделимости, неразложимости на полюса, на клетки, на точки, на случаи. Опасная связь оказалась не просто прочной, она превратилась в однородную светящуюся субстанцию, грозящую остальному свету, который немислим без теней и тьмы.

Икс попытался ухватиться за какую-то видимость границы, прогремел молниеносный разряд, и его отбросило в угол комнаты, где всё это происходило. Он ударился головой о музыкальный центр, прикусил язык и отключился, когда в его висок больно ударил корешок книжки Якова Друскина «Дневники».

Свет сиял. Внутри, полностью, полностью внутри, как у детей, в их «домиках» (голова под одеялом посреди молчащей загадочной ночи), скрывался прекрасный мир. Он тянулся в разные стороны реальности наподобие уютного лабиринта, где около каждого непонятного поворота можно найти мягкое кресло и хорошую книжку для отдыха; он терялся во множестве самых разных, наиприятнейших, вещей и занятий, как мальчик, запутавшийся в бесчисленности блестящих застёжек своей любимой, дарящей ему себя; он даже создавал кое-где восхитительный полумрак, опьяняющий вечной таинственностью и соблазном — хотя как мог

возникнуть полумрак в этом мире чистого света без тьмы?! Однако...

Мир домашнего хозяйства убаюкивал соединённые любовью души, отвлекая их от возможной гибели и неминуемого расставания. Пока жарится стейк из тунца, пока варится какой-нибудь суп, пока ещё не нарезаны помидоры и лук, можно обнять любимую сзади, схватив грудь, можно повернуть голову и поцеловать любимого; возбуждение пронзает тела, и они падают, сорвав одежды, куда угодно, и уходят в самих себя, в своё наслаждение, восторг, безумное удовольствие, которое, по определению, не может ничем закончиться, но в идеале существует всегда — нужно к нему только подключиться. В раю нет теней, и свет неразложим на спектр. Нас можно убить, но нельзя разделить. Если же вычленить некое одно «я» из «нас», то это будет уже совсем другая, низшая реальность, не имеющая к *нашей* никакого отношения.

Поэтому любовь не имеет смерти — любовь существует всегда. Можно войти и остаться, а можно покинуть её, пасть, деградировать, погибнуть. Но с ней самой ничего нельзя поделать. Однажды сотворённая, она будет вечно.

«И как же мне туда вернуться, будь проклято всё вокруг!» — подумал Ян, вперив усталый взгляд в гору немытой посуды и грязный стол с крошками и тараканами. Потом вздохнул и выпил залпом чашку с портвейном.

Хозяйство-2

— Как мне уйти, уйти отсюда, Боже, заberi меня! — воскликнул Ян, закуривая сигарету и выпивая ещё одну чашку портвейна.

Он сидел в одиночестве на своей кухне за грязным столом, на котором сигаретные бычки, словно скованные льдом

какие-нибудь ископаемые рыбки или черви, прилипли к покрывающей почти весь стол корке окаменелого сахара. По стенам нагло ползали тараканы, и не хватало уже ни сил, ни желания встать и поубивать их. Всё было как-то всё равно.

— Ничего не меняется! — громко сказал Ян самому себе. — Жизнь без любимой невозможна, а раз она всё равно продолжается, хочется её как-то урезать, быстро довести до финиша, где возможна последняя надежда. Поэтому, что мне остаётся кроме портвейна, грязи и тоски? Я раньше всегда хотел жить, теперь же моё желание: до-жить. Этот мир лишил меня всего, самого главного, и теперь он больше меня не интересует. Ведь вторая Инна не возможна!..

Он заплакал, потом вдруг подумал, как он слаб, смешон, жалок. Такого Яна Инна вряд ли бы полюбила; он должен воевать, сражаться, биться до последнего...

Но за что?!

Она всё равно никогда тут больше не появится. Значит, остаётся портвейн, затворничество и одиночество?

Но и портвейн кончается, и в ужасе раннего похмелья с удивлением понимаешь, какой же ты всё-таки мудака: ведь если ты веришь в надежду встречи по ту сторону реальности, нужно дожить эту жизнь достойно, как она, твоя любимая, выполнив то, что должен и обязан.

«Вот какие праведные и правильные мысли меня посещают!» — уже почти спокойно подумал Ян, печально ухмыльнулся и налил новую чашку.

Букет портвейна слегка отдавал блевотиной, но спирт делал своё теплое дело, убаюкивая глобальный ужас и тоску, и преобразуя их во вполне человеческое упоение грустью и печалью, которое уже как-то можно пережить и даже с этим смириться. Всё было не так уже плохо: помимо пор-

твейна стояли наготове шесть бутылок пива, с помощью которых — раз, два три, четыре, пять, шесть, я убираю всё, что есть! — можно было навести хотя бы косметическую чистоту на этой кухне, напоминающей сейчас логовище опустившихся вонючих бомжей. Кроме уборки надо было идти в магазин, чтобы приобретать съестные товары, дающие энергию и возможность продолжать нынешнее бессмысленное состояние. Всё шло по кругу; реальность словно замкнулась на саму себя, потеряв тайны, восторги и неожиданные приключения. Царствовала тотальная скука, в которой, казалось, невозможно никакое чудо и вообще ничего, кроме тупой обыденности, — но ничего и не хотелось.

— Я хочу только тебя, тебя, тебя!!! — рывкнул вдруг Ян, ударив кулаком по столу, так что пустая чашка подпрыгнула. — Заберите меня отсюда! На такую жизнь я не давал согласия!

Фен

Оргастический восторг внутри вспыхнувшего резким блаженством мозга; восторженные мириады оргазмов — атомных взрывов счастья во вздрагивающем от безумного, потустороннего удовольствия теле; оргазмическая-космическая восторженность, смывающая душу-дух-тело, словно цунами вмиг наступившего рая; непереносимость, запредельность удовольствия, изменившего мир... Реальность как тотальная похоть... Нокаут наслаждения...

Всего-то один укол в вену амфетамина сульфата (фенамина, бензедрина и т.д.). Как бытие *настолько* может определить сознание?

Этот вопрос абсолютного торжества биохимии над личностью, разумом и духом мне никогда не решить.

Впрочем, зачем что-то решать, когда это существует, та-

ким образом, здесь, сейчас, заставляет трепетать от солнечной яркости и ужаса удовольствия как такового, и не задумываться ни о чём. И любимая рядом, можно коснуться её реального тела, ощутить её величие и наличие тут, возле тебя, и вспылать её бешеными волнами такого же, как у тебя восторга и такой же радости — настолько безмерной, что это очень трудно выдержать. Но вдвоём, взявшись за руки, мы летим со скоростью света в эпицентр счастья, и у нас совершенно нет никакого страха, будто в этот миг мы умираем одновременно, как единое существо.

Всё происходит донельзя просто. Когда мы лениво просыпаемся в нашей прекрасной кровати, обнимая друг друга, звонит телефон.

— Если хотите, то я через десять минут буду у вас с граммом фенамина, — раздаётся в трубке чёткий голос нашего общего приятеля Икс.

Если ты знаешь, что имеется в виду, отказаться не просто трудно — невозможно. Хотя потом мы стали отказываться. Во-первых, надоело одно и то же, во-вторых, мы стали замечать начало кратковременных, но очевидных помрачений сознания, иногда бессонницу, нервную дрожь — через некоторое время после испытанных и впитанных в свои сущности удовольствий. Депрессии не было — какая депрессия возможна в любви?! Но иногда мы звонили сами.

Садись на диван, смотришь в пустой телевизор, впереди обычный вечер, и вдруг страстное желание сломать, взорвать этот заведённый порядок вещей одновременно пронзает меня и её, **словно неотвратимое желание прыгнуть с балкона, возникающее у человека, который боится высоты, и тем не менее, сильно вцепившись в поручень, зачарованно смотрит вниз.**

И ты, в конце концов, прыгаешь, желая снова и снова ис-

пытать это безумное чувство гибельного полёта-падения. И вновь оказываешься в плену навязчивого, безраздельно царствующего над тобой искусственного бесконечного восторга.

Вот подъезжает машина, ты уже дрожишь в предвкушении, звонок, here he comes, как пел Лу Рид; начинается суета — ложка, ватка, шприцы, всем всё поделить, каждому попасть в вену... И... Оно... Вот! Снова оно... Неопределимое, немыслимое, безумное. Эта радость естественно не предусмотрена поражённым её присутствием организмом; она преступна, запретна, и ничего с ней не сделаешь, — нужно только ей отдаться, пока длится миг.

Ведь жизнь существует только один миг, всё остальное — воспоминания или мечты.

Довольно быстро Икс предлагает догнаться — он неуёмен, ему всё время мало и постоянно хочется ещё, ещё, ещё!

Предложено — сделано. Ещё некоторую бесконечность все лежат кто где, потом Икс резко поднимается и говорит, что ему пора по делам. И он оставляет нас наедине, любовь моя, нас одних, только одних против целого мира вокруг — пошёл он к чёрту, он нас не касается, он не может причинить нам ни малейшего вреда, потому что мы вместе, здесь, сейчас, всегда!

Я ложусь к тебе, трогаю твою грудь, тебя всю, всю, всю — безумная животная похоть, характерная для данного вещества клокочет во мне, требуя своего воплощения. Возникает какое-то странное, подростковое сексуальное чувство, как будто мне тринадцать лет, и всё можно. А рядом любимая, и она откликается на мой зов с циничностью самки, не знающей человеческих условностей и приличий.

Всё становится неприличным, и в этом и заключается самый большой кайф. Как правило, мощное возбуждение при действии этого вещества сопровождается почти полной импотенцией, как и в других стимуляторах; иногда всё нормально, но в любом случае — любые сексуальные действия и непристойности бесконечно приятны.

Мы сидим друг напротив друга, дрожа от переизбытка сексуальности и ощущения полной вседозволенности; мы мастурбируем друг друга, смотря на наше половое различие, как на самую величайшую тайну, которая только сейчас оказалась раскрыта.

— Если бы мы были одного возраста... И ты была бы моим другом... Я бы тебе написал записку, что я очень хочу женщин... Ты бы... Ты бы... Ты бы хотя бы мне показала?

— Когда?

— Лет в 14...

— Только сверху...

— А в 15?

— Наверное... А в 16 я бы тебе отдалась... Покажи хуй!

— Вот... Вот... Вот... У тебя самая красивая *пизда* во Вселенной... Какое счастье, что мы разного пола... Почему мы не учились в одной школе?

Резкий облом вдруг проявившейся реальности поражает меня в сердце. Всё не так, как должно было быть, я старше её на много лет, мы были друзьями, потом любовниками, когда я ещё был женат, потом чисто прагматически решили жить вместе, а потом нас поразила абсолютная любовь — нас двоих одновременно. Ещё когда мы просто встречались, ты грустно говорила: «Мы будем вместе в другой жизни». А я отвечал: «Мы будем вместе, когда придёт время».

Я оказался прав — время пришло, мы вместе, вместе, вместе!!! Я представляю её школьницей, после моего признания в записке мы куда-то идём, она поднимает юбку, я снимаю трусы... Ооооо...

— Смотри, у меня встал!

И мы *ебёмся, ебёмся и ебёмся* так яростно, что из нас можно выжимать пот, словно воду из мокрого полотенца, взяв за его концы обеими руками. Когда энергия почти на исходе, ты говоришь, сверкая глазами:

— Нужно отдохнуть...

— Ты когда-нибудь так сексуально оттягивалась?

— Нет...

— Я тоже. Давай догонимся?

И опять — хрясь, бумц, вамп!!! Каждая клеточка организма бьётся в сладких судорогах. Наверное, это очень вредно и опасно. Но разве в этот момент это важно?!

— Я готов отдать всё за две минуты с тобой!

Неожиданно звонят в дверь. Кто это? Кто это?! Кто это?!!

Менты?!!!

Мы быстро что-то надеваем, друг на друга, я смотрю в дверной глазок. Блин, Семенихин! Что ему надо?..

— Коля, твою мать, ты бы хоть позвонил! — говорит Ян, выпуская гостя.

Николай Семенихин одет в чёрный костюм, его ботинки вычищены до блеска, волосы расчёсаны на строгий пробор, гладко выбритое лицо источает мощный аромат одеколона «Фаренгейт». Он выглядит здесь, в нашем мире, словно марсианин, или персонаж каких-то безумных комиксов.

— Так, так, так... — Семенихин озирается. — Наркотики, значит... Так... Вот так ты тратишь партийные деньги?

— Послушай, это — не наркотики, это — стимулятор, на него не подсядешь, это — единичный случай. И вообще, я могу только с ней! Нет... Это — не наркотики, это — наша любовь!

— Любовь, любовь... А как же наша партия, цель? Ты хоть знаешь, как мы сейчас называемся?

— Гроссе... гроссе... Короче, свинья.

— Сам ты свинья, придурок! Летающие поросята, песочницы — всё это в детстве! Серьёзные люди не будут сотрудничать со всякими свиньями... А вот свиноматка-матка-мать, то есть «Мать Россия» — другое дело. И ты ведь мой заместитель! Я плачу тебе зарплату! Мы же ушли-ушли-ушли и... пришли! Я делаю дело, а ты?! Философ, поэт, визионер... Ты хоть что-нибудь создал?!

— Я люблю, — застенчиво произнёс Ян.

— Кому от этого жарко или холодно?

— Мне... И ей.

— А миру?!

Ян помолчал, по-детски улыбнулся и сказал:

— Мир — это мы.

Семенихин отступил назад, оглядел ещё раз всю обстановку и заявил:

— Ты так и не вырос, остался ребёнком. Посмотри в зеркало! Тебе до сих пор пять лет!!!

— А тебе с самого рождения было семьдесят. По-твоему, это лучше?!

— Ладно, ладно, — замахал руками Семенихин. — Я всё-таки твой друг, желаю тебе только добра, вот тебе ещё денег, снотворного хорошего, чтобы вы отошли, и транквилизаторов... И витаминов! Да ещё тут антидепрессант... Выспись, приведи себя в порядок и... Я жду!

— Чего? — спросил Ян.

— Шедевров! Ты, не проявленный гений!

Ян неопределённо кивнул и с удовольствием стал рассматривать деньги и всевозможные таблетки, которые Семенихин выложил на стол рядом с закопченной ложкой, в которой виднелись бело-розовые разводы от фенамина.

— Всё. Я пошёл! Но скоро приду... И надеюсь прочитать что-нибудь великое! У «Матери России» должен быть самый большой гений земли русской. И я хочу, чтобы это был ты!

— Хорошо, хорошо, Коля, — Ян суетливо стал провожать гостя. — Спасибо за всё! Я... обещаю!

— До свиданья, Инна, — в первый раз за весь свой визит обратился к Инне Семенихин и ушёл.

— Ну что? — торжествующе проговорил Ян. — Ещё возьмём?! Тут хватит...

— Нет, — сказала Инна. — Это было прекрасно, но мы ведь столь же сильно любим и нормальное состояние! Мы любим обыденность... Мы любим нас! Поэтому, давай поспим, потом встанем, пойдём на рынок, купим всего, чего захотим, приготовим гениальную еду, а потом...

— А потом?

— А потом будем любить друг друга до конца света!

Ночь, день

Я лёг к тебе под одеяло. Мы обнялись и одновременно рассмеялись — неужели это происходит прямо теперь, этой, именно этой ночью, и мы с тобой совершенно, полностью вместе, и рай не просто возможен, но абсолютно существует здесь и сейчас?!

Любовь — самое большое удовольствие, самый страшный ужас, самый безумный восторг и единственная реальность.

Когда мы сплетаемся, как два спрута, не различающих, чьи конечности, груди, головы, головогруды кому принадлежат; когда я распластан поверх тебя и превращён в бешеную машину твоих удовольствий, искрящихся в тебе, вырывающихся ввысь, как огонь у первобытного человека, бесконечно трущего кончик палки о камень; когда ты застыла на мне в страхе исчезнуть, погибнуть от бездны экстаза, тогда ничего другого нет, кроме наших осязаний, лобзаний, терзаний; нет нигде ничего, только наша любовь.

Эта чёрная ночь пронизана сияющими звёздами, россыпью точек — всполохов, озаряющих мир в миг нашего таинства; мы становимся светом в этой мгле, и с каждым поцелуем и восторгом взрываемся, рассеиваясь в глобальной бесконечной тьме брызгами сияния, обогревая пространство и останавливая время, сжигая мрак Вселенной солнцами счастья, убивая смерть и рождая жизнь.

— Всё распадётся, всё умрёт, останется только вечная чёрная ночь и абсолютный холод, — говорю я, закуривая сигарету, которая тлеет во мраке, словно последняя надежда. — Но пока мы ещё есть, мы должны повернуть вспять это всецелое движение к всеобщей гибели. Мы сожмём кольцо горячей страсти вокруг растущей раковой опухоли нашего умирающего мира; мы пронзим тьму мириадами стрел света; мы спасём себя и спасём всё!

— Ничего не выйдет, — отвечаешь ты. — Тень всегда больше объекта или субъекта, её отбрасывающего, и она их поглотит, перемешает с метастазами мрака. Этот мир обречён, есть только миг, и он наш.

Я растерялся, я ужаснулся, я замер, я задрожал от ужаса.

— Тогда... Нет выхода?

— Не знаю, надо его найти. И туда уйти.

— Уйти?

— Уйти.

— Куда?!

— Сюда.

Меня охватила грусть.

— Но я здесь! Здесь, с тобой!!! Я протянул руку, чтобы к тебе прикоснуться, и ты исчезла, растворилась в ночи, словно тебя не было вовсе, будто не было нас вместе. Я сижу на кровати, трогая пустоту. Тебя нет, тебя не будет. Где ты?!

Внутри мозга вспыхивает фраза.

Я не тут, я не здесь, я там.

И я низвергаюсь в страшный сон забытья, чтобы очнуться, когда воцаряется болезненный день моего одиночества, готовый принять и пережить кошмар твоего отсутствия.

Но тут я проснулся. Я обнимаю тебя, я с тобой, а ты со мной! Что это было?..

Там, откуда-то, раздаётся звонок в дверь. Ты... вскакиваешь, мгновенно просыпаясь, растерянно взглянув на меня сонными, только что раскрывшимися глазами.

— Кто там?!

— Я не знаю, кто там, но ты здесь, и мы тут, любимая! — почти кричу я.

— Ну конечно. А что с нами может случиться?

— Не знаю... С нами ничего не может случиться.

— А со мной?

Ещё один резкий трезвон.

— Блин!

Я одеваю трусы и иду к двери. Отодвигая какой-то стул, преграждающий мне путь, на котором почему-то стоит пепельница, полная окурков, я добираюсь до входа в наше жилище и поворачиваю ключ в замке. Дверь распахивается, чуть не сбив меня с ног — я еле успеваю отскочить.

Семенихин, одетый в тёмно-синий костюм, источая душный аромат «Куроса», держащий в правой руке кожаный несессер, стоит передо мной, осуждающе качая головой.

— Добрый... день!

— Уже четыре часа! Ты что — только проснулся?!

— Ну...

— Ну-ну... Можно войти? Или...

— Можно войти! — отчётливо отвечаю я, и Семенихин входит.

— Всё то же самое? — спрашивает он, озираясь.

— Мы не могли заснуть, — осторожно говорю я.

— Это понятно. Ты сделал?

— Что?!..

— Вы что — опять удолбались? Ну-ка...

Коля, отстранив меня, быстро идёт вглубь квартиры, напоминая надзирателя. Он останавливается у письменного стола, на котором стоит ещё одна пепельница.

— Где?!!

— Что — где?

— Здравствуй, Коля, — раздаётся доброжелательный голос Инны.

— Здравствуй, здравствуй... Что у вас тут опять происходит?!

— Нет! — выпаливаю я ему в лицо. — Мы ничего не принимали! Мы... не могли заснуть... Ну... Ты понимаешь?

— Я понимаю, — медленно произносит Семенихин. — Я понимаю, что я тебе заплатил вперёд деньги и просил придумать и написать основные тезисы нашей программы... Вообще написать её! Грамотно, красиво, литературно... Я дал тебе листок со своими мыслями... Где?!

— Чего? — тупо спрашиваю я. — Не было такого... Я не помню!

— Ах... ты не помнишь... Наркоман чёртов! А это что? — он находит какую-то исписанную бумажку и протягивает её мне.

— Я не знаю... Мы... Не помню!

— Совсем уже сторчался и съёбся!

— Не говори так, сволочь! — я сжимаю кулак.

— Ты хоть помнишь, что ты — член партии? Точнее — секретарь политбюро?

— Партии... — машинально повторяю я. — Свинья Россия... Нет! Свиноматки России... Нет! Матери России... Сви-

ньи... Матери... Русские свиньи матерей... Матери русской свиньи... Поросята...

— Молчать! — Семенихин, издав характерный щелчок, бьёт каблуком об пол. — Ты что — издеваешься? Итак — как называется наша партия?

— Свиноматочная... Нет, вспомнил! — на меня находит озарение. — Вы... Мы... переименовались. Мать Россия. Точно!

— Влюблённый болван! Мы с тобой последний раз почти полчаса это выясняли. Я тебе сказал, что называть партию «мать» не политкорректно, если половина её членов — возможные или реальные отцы.

— Так что же тогда делать? — изобразив почти отчаянье, спрашиваю я.

— Так что же тогда делать!.. — передразнивает меня Семенихин. — Мы уже придумали — с тобой, кстати — что же тогда делать. Убирать мать! Мать, блядь... Ты сам тогда заявил — на хуй мать, главное — мы!

— Мы?.. — с трепетом повторяю я, посмотрев на Инну, лежащую в кровати, под одеялом, в глубине комнаты.

— Опять по новой! — с раздражением восклицает Семенихин. — Всё это уже было... Не помнишь? Ты сам сказал — я, мы, моё, моя...

— Моя Россия?

— Вспомнил?

— Нет... придумал... Не помню я этого! И того, что я должен написать программу... Я помню, как ты просил меня вообще что-нибудь написать... Гениальное...

— Написал?!

— Я... Мы... Мы с Инной долго спали... Спасибо за таблетки... Потом купили еды, пришли в себя, тут — нежность, страсть... любовь... Разве ты не понимаешь?..

— Ничтожество! — презрительно говорит Семенихин. — Умрёшь в пизде! На большее ты не способен!

— Ах ты, сука! — кричу я и бросаюсь на него. Семенихин одним движением своей руки отшвыривает меня.

— Сволочь! Ведь мы с Инной...

— Вот именно! — Коля торжествующе поднимает указательный палец вверх. — Вы с Инной! Ты думаешь — вы неразделимы. А теперь представь, что никакой Инны... нет.

— Нет? — говорю я, обескуражено пятясь назад, усаживаясь на кровать и, в страхе, начиная шарить руками вокруг себя.

— Подумай об этом! — победительно говорит Семенихин. — Нет!

— Этого не может быть, этого не может быть... — растерянно шепчу я, радостно ощущая, что моя ладонь гладит что-то тёплое, мягкое, любимое.

— Нет! — повторяет Семенихин и отступает к выходу, пропадая, исчезая во тьме дверного проёма.

— Нет... — обескуражено говорю я. — Любимая! Ты где?

Никто не отвечает; в воцарившейся мёртвой тишине я могу различить только слабый стук захлопывающейся двери, какие-то шаги, уходящие вдаль, но никакого дыхания здесь, вблизи, рядом со мной; никого, кроме меня, и...

Я потрясённо смотрю на бездушную мягкую, тёплую подушку, которую я вытащил из хаотично разбросанных по всей кровати постельных вещей и теперь держу перед собой.

— Нет! Нет! Нет...

— Твой друг ушёл?! Ушёл, наконец? Что ты делаешь?! — Инна выходит из ванной и удивлённо смотрит на меня, зачарованно обнимающего подушку. — Ты что!.. — Она вырывает подушку из моих рук и швыряет её на пол. — Я же здесь!

— Да, — говорю я и закрываю глаза.

— Ты не хочешь меня видеть? — раздаётся её голос.

— Будь со мной, смотри на меня, пока я...

— Пока, Ян?

— Пока я тут, с тобой!

Я вздрагиваю, словно пытаюсь стряхнуть с себя наваждение, поднимаю голову и вижу, вижу, вижу её.

Я резко встаю и беру её за руку.

— Пошли гулять?

— Пошли... потом. Я...

— Давай!!!

Чёрная вселенная

Жидкостная среда, состоящая из водорода и гелия, бурлила, возмущаемая всё новыми и новыми регентшницами, откликающимися на зов их регента. Сюр победоносно клубился, становясь почти стопроцентной пеной; рядом с ним печально колыбался водный Ян. Его пенная шапочка словно воплощала собой вечную надежду и бесконечное отчаяние. Его ум, находящийся непонятно где, как будто пытался решить изначально не решаемую задачу; его чувства, в то время, как тело стало упорядоченно-жидким, остались хаотичными, словно молекулы выпущенного в бездонный

вакуум газа.

— Ау, ко мне!!! — вскричал Сюр, перестав вертеться. — Все прибыли? Слушайте, что я вам скажу! К нам сверху, из рая, прибыла Умка и принесла Благоую Весть! Оказывается, есть путь к нашему спасению! Мы все — все! — можем уйти-уйти из нашего водного мира и воспарить ввысь, став Умками! Послушаем, что скажет наш Спаситель! Ян?

Шестов, прервав задумчивость, обратил водяной взор на регента.

— Коля, давай уж ты, — тихо сказал он.

— Не называй меня так при всех! Ладно, всё равно никто ничего не слышал, а если слышал, то не понял. И вообще, я — Сюр, это — главное; не помню откуда во мне появились какие-то другие идеи...

Он мощно вспенился, словно пытаясь от чего-то избавиться.

— Хорошо, слушай меня, мой народ! Долгое, бесконечное время мы находились здесь, в жидкостном плену, будучи сами какими-то водяными. Это была кара за прошлые преступления! Но всему приходит конец. Велика Высшая Милость! К нам пришёл Спаситель, чтобы нас спасти! И он сказал, как это сделать. Мы должны все вместе образовать огромное единство из нас самих, буквально спаяться друг с другом! А затем устремиться вниз, в мир жориков!

— Но мы сгорим! — выплеснул из себя кто-то.

— Нет, мы все мы не сгорим. Мы нагреемся, получив огромный импульс, рванём вверх, преодолеем толщу океана и вылетим! Там мы распадёмся, уже став Умками!!! Ни одна не должна погибнуть! А если кто-то и потеряется, сгорит, утонет, разве его жертва не стоит спасения всех?!

Началось мощное всеобщее бурление — обсуждение слов Сюра. Наконец, кто-то выплыл вперёд.

— Всё это звучит заманчиво, согласен, — сказал он. — Но разве мы не знаем, что происходит с теми, кто добирается до жориков? Разве мы не готовим каждый день шницель для нашего регента? Разве не бывает при этом тех, кто полностью сгорает? Где гарантия того, что, объединившись, нас не постигнет та же участь? И так ли уж плохо нам тут живётся — вода, жидкость, всё-таки, она, как ни крутись, своя, родная. Конечно, хорошо стремиться ввысь, но если это так опасно и угрожает существованию всего нашего народа как такового, не лучше ли, если мы оставим великую мечту, как несбыточную, и будем просто жить и наслаждаться просто тем, что нам дано?!

— Замолчи, Кузурик! — рявкнул другой, выплывший рядом с тем. — Ты — вечно такой: туда ни пойдешь, сюда не сунься... Как будто тебе неизвестно то, что мы здесь — в плену, что это — наказание, и оно должно закончиться?! Разве ты не видишь здесь Спасителя, вон там?

— Послушай, Хренок, — ответил Кузурик, — я вижу тут обыкновенного регентшницеля, может, менее прозрачного, чем мы. Где доказательства, что он — Спаситель? И почему он молчит?

— Заткнитесь вы оба! — рявкнул Сюр, потом тихо сказал Яну. — Тебе придётся что-нибудь сказать. Или совершить чудо. Я знаю, ты не умеешь. Тогда скажи.

Ян окончательно вышел из некоторого оцепенения и заговорил:

— Я понимаю, не все мне верят. Но истинно говорю вам: блаженны те, которые поверят именно сейчас, потому что потом поверят все.

— Правильно, поскольку нас тогда уже никого не будет! — иронично вставил Кузурик.

— Таких, как сейчас, да. Я предлагаю простой выход. Я первый, один, отправляюсь к жорикам и буду находиться рядом с ними. Поскольку я — Спаситель, я понимаю их язык, и я вступлю с ними в общение!

— Жорики — неодушевлённые! — презрительно заметил Кузурик.

— Хватит меня перебивать! Это для тебя они неодушевлённые. А для меня — нет! Так вот, я буду с жориками, а вы, соединённые вместе, будете это наблюдать. Когда вы убедитесь, что жорики мне ничего плохого не делают («Откуда я это знаю? — подумал Ян), вы по моему знаку тоже приблизитесь к ним. И вперёд — уйдёте!

— Уйдём-уйдём? — с сомнением спросил Кузурик.

— Ты что, не слышал, что тебе сказал Спаситель?! — раздражённо проговорил Хренок. Именно, уйдём-уйдём! И воспарим и станем умками! Разве ты не понял, что Спаситель предлагает тебе стать свидетелем настоящего Чуда: он будет общаться с жориками, не сгорая?! И ты воистину узришь это?!

— А если я не хочу быть умкой? — вдруг сказал Кузурик.

— Как это... не хочешь? — озадаченно пробурлил Сюр.

— А вот так это. Я вообще не знаю — каково это: быть умкой. Можно ли... заниматься любовью? И вообще. Быть каким-то воздушным, бестелесным... Так ли уж это приятно и замечательно? Вот пусть Спаситель скажет, если он, действительно, умка, ставшая регентшницей, чтобы нас спасти, что лучше? Какое состояние ему больше нравится?

Ян молчал.

— Ты что заткнулся? — тихо обратился к нему Сюр. — Ответь уж!

— Я могу сказать только то, как на самом деле, — важно проговорил Ян.

— А мы по-другому и не хотим!

— На самом деле, лучше всего быть человеком, мужчиной, Яном, и любить девушку, Инну. Лучше этого состояния в мире нет!

Наступило всеобщее молчание.

— Мы тебя не понимаем, Спаситель, — сказал Хренок. — Что ты имеешь в виду? Мы даже таких слов не знаем!

— Он имеет в виду... — начал Сюр.

— Пусть сам скажет!

Регент придвинулся к Яну почти вплотную.

— Да скажи ты им то, что они понимают! Дай им, что они хотят, и они тебя полюбят!

— Зачем мне их любовь?

— Хватит! Пришёл сюда, так говори! Иначе ты не достигнешь жориков! Хотя я думаю, ты и у них ничего не найдёшь.

— Жорики... — мечтательно пробормотал Ян. — Жорики...

— Ну, жорики... — нетерпеливо продолжил Хренок.

— А, нуда. Если сравнивать состояния умки и регентшница, то умка, несомненно, более подвижна, свободна, не отягощена всякой... жидкостью...

— А любовь? — спросил Кузурик.

— Любовь... Конечно, умка может любить... Ну и, зани-

маться... этим. Даже несколько умок сразу. Мы перемешиваем наши молекулы, наслаждаясь друг другом, радуясь своей почти идентичности и, всё же, отличию... Но это вы сейчас точно не поймёте. Нужно попробовать.

— Ну, что? — сказал Хренок, обращаясь к Кузурику. — Ответил тебе Спаситель?

— И да, и нет. Я всё равно сомневаюсь, что у нас это вообще получится, и что это лучше. У меня такой вопрос: я могу остаться?

— В общем, да, — ответил Ян, неожиданно осмелев. — Но запомни, у тебя больше не будет такого шанса. Нужна огромная масса регентшницельной жидкости, чтобы она вспарила, и все стали умками!

— Ладно, хватит трепаться! — рявкнул Сюр. — Кто с нами, кто хочет рискнуть ради Неба Обетованного, вперёд, объединяйся вокруг меня! А кто остаётся — тот навсегда скроется в пучине!

Жидкость мощно забурлила вокруг регента; Ян едва успел уплыть на некоторое расстояние. В результате получился огромный пенный шар из регентшницелей, плотно прижавшихся друг к другу; в одиночестве остался только Ян и Кузурик.

— Я что — один? — печально спросил Кузурик. — А можно присовокупиться ко всем потом? Одному мне здесь тоже... особо не радостно.

— Можно и потом, — злорадно ответил Ян. — Но до того, как я дам знак.

— А когда ты его дашь?

— Внезапно!

Кузурик забурлил, думая. Наконец он крикнул, бросаясь к своим, соединённым вместе, соплеменникам и становясь одной из их частей:

— Эх, была, не была! Ну, если обманешь... Впрочем, ты ведь можешь и сгореть. И мы тогда опять разъединимся... И будем жить как исстари... Как прежде...

Яну показалось, что Кузурик плачет. «Возможны ли слёзы в воде?» — подумал он и закричал:

— Вперёд! За мной!

Он ринулся вниз с безумной скоростью; за ним, бурля и голося, двигался гигантский жидкий шар.

Вниз, вниз, вниз. Пока вода не стала густеть так, что в ней было трудно повернуться, пока температура не раскалилась до нестерпимого жара.

— Стоп! — сказала нечто там, внизу.

Ян остановился; шар завис над ним.

— Тебе, впрочем, можно и приблизиться. Тебе-то ничего не будет, но зачем ты их взял всех с собой сюда?

— Кто ты? — спросил Ян, приближаясь к пылающей слепающим красным жаром вязкой массе.

— Я — жорик. Точнее, мы — жорики. Но, поскольку, мы все вместе, мы все как один, ха-ха... Ты так и не написал, сука, программу нашей партии!

— Какой партии? — машинально спросил Ян. — Коля? Ты опять тут? Ты что, везде? Вот уж не думал, что в центре Юпитера ты будешь спрашивать про партию!

— Я же сказал, что приставлен к тебе. И буду во всём, что ты встретишь.

— Лучше бы я встречал Инну!

— Она умерла.

— Знаю. Но неужели её нигде нет?! Неужели это так... окончательно?

— Здесь её точно нет.

— Здесь, это — где?

— Здесь, в Чёрной Вселенной.

— Какая ещё «Чёрная Вселенная»?

— Какая ещё? Ха... — было видно, как в раскалённом ядре происходили какие-то плавильные процессы, может быть, соответствующие мыслительным. — Наша, конечно. Ты никогда не задумывался о том, что наша Вселенная — чёрная?

— Но это очевидно. Только звёзды, солнца дают свет. Остальное — вакуум, мрак.

— Правильно! — назидательно заявил жорик. — А ты не думал о том, что может быть и по-другому?

— По-другому? Как? Красная Вселенная, синяя...

— Нет, эти цвета лишь составляют спектр. Есть ещё Белая Вселенная.

— Белая Вселенная... — задумчиво повторил Ян. — То есть там... всё наоборот. Белый фон, а вместо звёзд...

— Чёрные провалы. Именно. Но белое там главенствует. Свет, добро, любовь, смысл там абсолютно доминируют над мраком, злом, смертью. А здесь, у нас, в Чёрной Вселенной царят именно они: смерть, ненависть и страдания. Твоя Инна умерла здесь, её больше нет смысла искать в Чёрной Вселенной!

— Значит, надо искать в Белой? А Серая есть?

— Не знаю. Но я верю, что есть Белая, потому что я — её часть. Я создан из водорода, как звезда, и я даю тепло и свет. А раз это так, я надеюсь, что есть мир, созданный таким образом, что свет и любовь не исходят из отдельных точек или сердец, но полностью являются этим миром. Возвращайся, ты не найдёшь свою любимую здесь, в Чёрной Вселенной!

Ян надолго замолчал; регентшницели наверху с изумлением и некоторым ужасом наблюдали, как он застыл прямо у жориков и не сгорает.

— Я не найду свою любимую в Чёрной Вселенной... Чёрная Вселенная... А ведь она действительно — чёрная! Почему мне это никогда не приходило в голову? А чего можно ждать от «Чёрной Вселенной»? Действительно, каких-то мимолётных вспышек радости, рая, любви... Но всё закончится тьмой, потому что тьма здесь — основное; чернота составляет девяносто девять процентов этого мира. Так чего же я хотел?! Здесь нет смысла искать Инну, она умерла здесь, её тут нет! Спасибо, Коля, спасибо, жорики... Как мне вернуться?

— Плыви прямо на меня, я сожгу тебя, и ты выплывешь наверх... А там разберёшься. И передай всем этим, чтобы они такого не делали... Я всех сожгу!

— А что наверху? Там умки...

— Я тебя там встречу. Я тебе всё расскажу. Ты можешь вернуться, ты здесь только гость. Давай! Бросайся на меня резко!

Ян быстро изобразил какое-то движение своим пенным хохолком, надеясь, что спаянные вместе регентшницели его поймут, и ринулся вперёд — на раскалённую, kloкочающую жаром, массу.

— За мной! — булькнул зорко следящий за Яном Сюр, и весь водяной шар так быстро, насколько позволяли его объёмы, бросился туда же.

Мет

Я вмазался метамфетамином, еле попав в тонюсенькую вену на ноге. Я был совершенно один и был абсолютно одинок. Я вынул шприц, положил его на грязный стол, на котором валялись ватки, окурки и всякая дрянь, и, шатаясь, добрёл до кровати, куда лёг поверх розового покрывала, которое ты всегда хотела постирать, любимая.

Бешеная волна восторга, не такая резкая, как от фенамина, прокатилась по всему телу, взрывая мозг вспышками экстаза. Изначальная сладостная резкость всё же была, но почти мгновенно сменилась спокойно и медленно нарастающим блаженством. Так же неторопливо и стабильно усиливалась юношеская, звериная похоть, хотя никого не было со мной, а ты, любимая, давно уже была мертва.

Перед зажмуренными глазами проносились воспоминания и воображаемые сцены; я пытался в них погрузиться, но это было достаточно трудно. Я встал.

Пройдя на кухню, я постоянно спотыкался о какие-то бутылки и наступал тапочками на стеклянные осколки и просыпанный сахарный песок. Пол был липким; грязные разводы на его поверхности сливались в некий странный, достаточно мерзостный, узор. Но я словно не замечал окружающего: откровенная, всё усиливающаяся и усиливающаяся эйфория делала меня полностью безразличным к этой моей, *нашей*, квартире, утопающей сейчас в грязи и источающей какую-то гниlostную вонь. Наверное, надо было хотя бы собрать и выбросить мусор, валяющийся повсюду. Но зачем?

И для кого?

Я сел на кухонный стул и закурил сигарету. Эта характерная похоть всё нарастала, переполняя мозги и тело — нет, скорее, мозги! — но тем не менее, она начинала напоминать некоего монстра из фильмов-ужасов, который маленькой козявкой попадает внутрь организма, а потом вырастает, бьётся внутри телесной полости, в поисках выхода, и, наконец, выходит наружу, кроваво прорывая собой плоть. Я попытался переключиться.

Я вспомнил, как мы здесь готовили суп. Ты говорила: «Хозяйство — это ведь так важно! Лук — это ведь так важно! Хороший бульон — это ведь так важно!»

Я обнимал тебя сзади, сжимая груди, настойчиво прижимаясь к тебе. Ты какое-то время словно ничего не замечала, затем оборачивалась, подставляя губы для поцелуя... И мы бежали в комнату, на ходу расстёгивая джинсы.

Или... Или... Или мы сидели друг напротив друга в последнюю, может, в предпоследнюю ночь, пили ром с кока-колой, о чём-то говорили, смеялись. Потом, не сговариваясь, встали, сблизились и обнялись. Я раздевал тебя, а ты — меня... Или... Стоп!

Все воспоминания только об одном. Всё о тебе и обо мне, но я... Я сейчас совершенно один!

Что же делать?!!

Я пошёл в нашу комнатку, где мы спали, где мы лежали, где мы... Стоп! Стоп! Эйфория стала мне невыносима. Зачем мне всё это нужно... без тебя?!

Я взял газету и набрал телефонный номер. Потом положил трубку. Ни одна проститутка не захочет войти в эту засранную квартиру, к тому же ей надо будет объяснять, что

я нахожусь под таким-то действием... И так далее. И вообще — разве мне это нужно? Я хочу тебя.

Я вспомнил, как мы вмазывались фенамином, ложились рядом на «приходе», потом пускались во всевозможные сексуальные игрища.

Я вспомнил, как мы ничем не вмазывались, съедали сваренный нами же суп, ложились рядом, поворачивались лицами друг к другу и бесконечно трахались.

Я вспомнил, как однажды, совершенно трезвый и серьёзный, даже слегка почему-то унылый, лёг в постель, а ты была уже там. Я посмотрел на тебя и рассмеялся. Ты тоже рассмеялась мне в ответ. И мы смеялись довольно долго. Наконец, я смог что-то сказать.

— Какое счастье в том, что ты — девочка!

Мы вновь начали хохотать, как расшалившиеся дети. И ты мне ответила:

— А ты что забыл? Мы — разнополые!!!

Это было настолько смешно, что мы оба не могли удержаться от смеха, даже когда *ебались*.

О, прекрасный мир! Ты был... и тебя нет.

Я вспомнил... Нет, я больше не могу этого вспоминать, я свихнусь. А стоит мне закрыть глаза — ты прямо перед мной, или подо мной, или над, или возле. Или я смотрю вот в это окно, а ты идёшь — идёшь ко мне, в своём пальто, без шапки, с косой. Вот по этой дорожке.

Звонок в дверь.

— Да кто это ещё?! — говорю я сам себе, поскольку больше некому, и иду к двери. А вдруг какие-нибудь менты? Вот они и возьмут меня... Я смотрю в глазок и облегчённо бор-

мочу: «Семенихин».

Я открываю дверь, Коля стоит на пороге. Он, как всегда, одет в прекрасный костюм, галстук и надушен бодрым ароматом «Хьюго Босса».

— Так вот ты где! — говорит он так, словно я потерялся в каких-нибудь горах или трущобах, а он, наконец, меня обнаружил. — Можно войти-то?

Я закрываю за ним дверь, он озирается.

— Да... Ну, ты, я вижу, совсем опустился... Стал каким-то бомжом... И наркотики опять! — он указывает рукой на окровавленный шприц, лежащий на кухонном столе. — Слушай, я, конечно, всё понимаю, большое горе, и всё такое, но времени-то уже прошло... ого-го! Можно уже как-то и... переломаться.

— Я не могу без неё жить.

— Послушай, вот уж не думал, что ты начнёшь изрекать такие банальности. Вообще... Смирись.

— Не могу.

— Ну, вспомни, как ты с ней жил... Вам же всё было до фени! Вы получали удовольствия всеми лапками... Ты ничего не писал, всё забросил. Может, её и забрали для того, чтобы ты писал!

— Ах, вот почему?! — говорю я. — Ну, тогда я в отместку, тем более, ничего не буду писать, сочинять... делать! Мне плевать!

— Так ты с ней не соединишься. Если и есть какая-нибудь жизнь после смерти, то Инна, кстати, всю свою жизнь прожила достойно. И чтобы оказаться с ней — там, потом! — ты тоже должен жить достойно, а не деградировать.

— Угу, — кивнул я. — Я понимаю и осознаю. Но знаешь, что меня добило окончательно?

— Что? — прямодушно посмотрел на меня Семенихин.

— Я случайно включил недавно телевизор... И посмотрел одну научно-популярную передачу.

— Да?... — совершенно безо всякого интереса сказал Коля.

— Да. Она была о конце Вселенной. Как тебе известно, наша Вселенная расширяется, точнее, разлетается с дикой скоростью, это уже доказали, произведя спектральный анализ звёзд...

— Ну-ну, — Семенихин, казалось, очень хочет меня перебить и вообще заткнуть, но всё же он ждал, когда я договорю.

— Так вот, — продолжал я. — Было три гипотезы, куда приведёт Вселенную это расширение. Одна, что Вселенная так и будет бесконечно расширяться, вторая — что она зависнет в некоей критической точке в положении «ни туда, ни сюда», и, наконец, третья, что Вселенная достигнет какого-то предела расширения и начнёт сжиматься. В конце концов, сожмётся до точки сингулярности, это будет так называемый Большой Коллапс. А за ним вновь — Большой Взрыв, и всё начнётся опять, с начала.

— Ну, правильно! — вдруг встрепенулся Коля. — Так и должно быть! Туда-сюда... Жизнь бесконечна, дорогой друг, не хорони себя заживо! Я уверен, что ты возродишься, как и Вселенная, которая, как ты только что совершенно справедливо сказал...

— Не фига! — мне пришлось его перебить. — Ты меня дослушай!

— Нет, я тебя, конечно, дослушаю, но...

— Молчать! — крикнул я, а поскольку я был ещё и под действием «мета», получилось более чем внушительно.

Семенихин осёкся и жалобно на меня посмотрел.

— Так вот, — сказал я. — Двое учёных каким-то способом, не помню точно каким, просчитали эти три варианта. И пришли к выводу...

— К... К какому? — почти жалобно спросил Коля.

— К такому, что поскольку скорость расширения Вселенной не только не уменьшается, но даже и увеличивается, она так и будет разлетаться. Дальше, дальше, дальше...

— И... К чему же это приведёт?

— Ага! — победоносно промолвил я. — Именно это меня и добило. Как сказали в передаче, расширение будет происходить очень долго. Но, в конце концов, распадётся всё; распадутся даже ядра атомов. И так далее. И повсюду воцарятся — кстати, это и были самые последние слова передачи...

— Что... воцарится?... — испуганно пробормотал Семенихин.

— Что? — я печально понизил голос. — Абсолютный холод. И полный мрак.

Исход

Ян проделал почти половину пути вверх, сквозь толщу водородного океана, и тут, наконец, понял, что взмах его пенного хохолка, наверняка, был воспринят соединёнными в гигантский шар регентшницалями как знак следовать за ним, то есть, совершенно противоположно тому, что он хотел им сказать.

«Вот я и погубил целый народ, — подумал он. — Окончательно решил проблему регентшницелей. А была она, эта проблема? Они, вроде, никому не мешали. Но они так хотели стать умками... Все хотели, кроме этого, как его там... Не помню. Интересно, зачем? Зачем они так жаждали превратиться в умок? Можно подумать, что, став они умками, они вернут себе утраченную любовь или... Но подожди — может, всё ещё получится, я же не знаю. А что, вообще, должно произойти по законам физики? И, собственно, где они?»

Ян посмотрел вниз, но ничего не увидел, кроме бескрайнего водного простора. Между тем, сам он стремительно нёсся вверх. Он попытался узнать, что он из себя сейчас представляет, но толком ничего не понял. У него явно был некий зрительный орган, возможно, парный, но, скорее всего, один; тела как будто не было вовсе, точнее, существовал какой-то пузырь в океане, несущийся на поверхность, но был ли этот пузырь Яном, было не ясно.

«Может быть, это опять колокол... какой на этот раз? Землелазный, водолазный... Водолазный! А, может, это просто я, собственно я, я как таковой — неуничтожимый и меняющий тела и реальности? Ах, почему Инна так не может... И её нигде нет. Скорее всего, жорик был прав: здесь её не найти».

Ян всё время ждал какого-нибудь звука «бульк», или чего-то в этом роде, но ничего подобного никак не происходило; осмотревшись, он заметил, что летит ввысь уже давно не в океане, а в некоей влажно-воздушной среде, которая, по мере его возвышения, становилась всё суше. Ян понял: никакой чёткой границы между океаном и атмосферой не было, так же, как не было её и там, внизу, где находилось раскалённое твёрдое ядро с жориками.

— Но где же, где же тогда мои регентшницы! Что с

ними должно было произойти?! — воскликнул Ян.

— Они тут! Они везде! — ответил ему кто-то.

Ян немедленно как-то перегруппировался и увидел Муздруса.

— Привет, Коля, — сказал он.

— Привет. С возвращением! Ну что, нашёл её?

— Её там нет. И, видимо, её вообще нельзя найти здесь... в нашей Вселенной.

— Что, пообщался с жориками? Понял, что живёшь в Чёрной Вселенной?

Ян помолчал, отлетел на какое-то расстояние и увидел почти рядом большое газовое облако, в котором можно было усмотреть прямые очертания многочисленных теней.

— Это — Умск, что ли?

— Смотри, ты уже начал ориентироваться... Хочешь поговорить с Мудраком?

— Но это же, всё равно, ты! Кстати, и жорик — ты, и регентшницель... Нет, ну, действительно, что с ними произошло?

— Во-первых, они все — не я. Я — умка, и меня зовут Муздрусъ. Тебя направили к нам в качестве... ну, не знаю, реабилитации, что ли. Тебе нужно было сменить обстановку. А чтобы тебя не охватил ужас при виде себя и всего остального, всем, с кем ты будешь общаться, вживили менталитет твоего лучшего друга Коли Семенихина. Это не значит, что мы все — он. Он находится на своём месте, в своём теле, там, на Земле. Можно сказать, благодаря ему...

— Я — тут?! Значит это всё — неправда?

— Ну... — Муздрусь остановил свой полёт и задумался. — Это — новейшая разработка. Можно так сказать. Можно сказать ещё, что всё это — как будто твой сон. Но это, как раз, неправда! Семенихин, видя твоё плачевное состояние, как твой друг, решил подвергнуть тебя такой, как он думал, процедуре.

— Это что, всё — процедура?

— В том-то и дело, что это — совсем не процедура. С моей точки зрения процедурой будет твой Семенихин!

— Ну... — Ян попытался засмеяться. — Это — старая песня. Я — бабочка, которая видит сон, что она — Чжуан Цзы, или я — Чжуан Цзы, которому приснилось, что он — бабочка...

— Нет, — серьёзно и категорично сказал Муздрусь. — Они придумали некую процедуру, но получилось в результате совсем другое. Я пошутил, когда я сказал, что Семенихин для меня — процедура. Нет, он существует. И ты существуешь. Сейчас, здесь, в виде умки. И только так! На Земле тебя сейчас нет! И тела твоего нет! Ты *полностью* здесь. Понятно?

— Ничего не понятно, — ошарашено проговорил Ян. — То ты говоришь, что ты — Коля, и это — мой сон, а теперь, что всё взаправду и ты — никакой не Коля, и это — не процедура, а я сейчас — умка. Ладно, но как ты объяснишь, что всем, с кем я буду общаться, вживили... Колю?

— Это просто. Самого Колю, точнее, его личность, конечно, никто не вживлял. Он есть в тебе! И любое существо, с которым ты вступаешь в контакт, телепатически забирает у тебя образ Коли и может им стать. Но *твоим* Колей! Это исключительно твоё личное представление о Семенихине, ты мог бы сам с ним так общаться, без нас.

— Хорошо, — Ян изобразил воздушную фигуру, которая кивнула. — А просто с вами, без Коли, я могу общаться? И вообще — как всё произошло?

— Да ты только это и делаешь, что общаешься с нами! Тебе даже с жориком удалось... А это далеко не у каждой умки получается! А произошло всё так, — тут Муздрусь изобразил из себя человеческий кулак с поднятым указательным пальцем. — Когда твоя любимая умерла, ты совсем обезумел от горя. Прошло уже много времени, а ты никак не мог придти в себя. Наркотики, пьянство, суицидные попытки... Коля в это время много заработал, занимаясь политикой. Ему кто-то предложил: есть новейший способ: виртуальные путешествия. Они воздействуют на твой мозг, и тебе пригрезится, что ты — в другом мире, и это вообще — не ты, а существо этого мира. Эффект полной реальности! Скажем, можно сделать тебя жителем планеты Юпитер. Такой серьёзный опыт, мол, может тебя по-настоящему встряхнуть. Коля усмехнулся и согласился. Он не знал, да и сейчас не знает и никогда не поверит, что на Юпитере на самом деле есть жители! Многих ты, правда, уничтожил. Целый... как это у вас называется? Целый народ, нет, целый биологический вид!

— Я их всех уничтожил?

Муздрусь изобразил улыбающееся девичье лицо.

— Не волнуйся, они возродятся. Они всегда, время от времени, предпринимают такую штуку. Находится какой-нибудь Спаситель, и... Вперёд, ввысь! Они не понимают того, что для того, чтобы стать умкой, недостаточно просто покинуть океан... Но через какое-то время регентшницы вновь возникают. Мы сами точно не знаем, откуда. Есть разные гипотезы.

— Подожди, подожди, — Ян заволновался, отобразив

бесформенность. — Ты так и не ответил: что же произошло на самом деле? В реальности?

— Коля привёл тебя в кабинет, на тебя надели шлем, от которого шли разные проводки к приборам... Потом они включили приборы, и ты исчез!

— Исчез?

— Да, исчез. Они думали, что это — процедура, они воздействуют на твой мозг и всё, а на самом деле, *действительно* перенесли тебя к нам.

— Я тебе не верю!!! — Ян сжался в клокочущую гневом точку. — Докажи!

Муздрусь попробовал изобразить недоумение.

— Как я докажу?

— Я уверен, что лежу сейчас на каком-нибудь врачебном столе, на меня надет шлем, а это всё — мои глюки! И стоит им выключить аппарат...

— Если тебе хочется, считай так, но я тебе сказал истинную правду. О, смотри, вот они!

Откуда-то снизу, под Муздрусём и Яном, переливаясь и сверкая мельчайшими частицами любых цветов и оттенков, вверх двигалось большое облако.

— Они распадаются на молекулы, которые от нагревания очень красиво сияют... Сейчас все умки будут смотреть! Они ведь не так часто это совершают... А как красиво!

— Кто это? — обескуражено спросил Ян.

— Как кто? Это — твоя паства. Регентшницели.

— Они... мертвы?

— Разве может остаться в живых существо, если оно распалось на молекулы?

— И тебе их... не жалко?

— Ты их убил, — равнодушно сказал Муздрусь. — При этом цинично ввёл в заблуждение!

— Я ничего не знал!

— Тебе же сказал жорик. Нет, но как красиво!

Облако поднялось выше, расширяясь. Оно мигало, оно искрилось, оно переливалось и пылало, словно проживая свои подлинные последние жизненные мгновения; эти волшебные всполохи заполнили, наконец, всё видимое пространство, и Ян с Муздрусём сейчас находились внутри безумного сияющего мерцания.

Ян заморожено застыл, потом произнёс:

— Интересно, они куда-нибудь попадают после... ну, гибели?

— Я не знаю, — тут же отозвался Муздрусь. — Мы ведь живём в Чёрной Вселенной!

— Откуда ты про это знаешь?

— Любая умка может телепатически присоединиться к любой умке и всё узнать... А я, как ты знаешь, вообще к тебе изначально приставлен. Кроме того, многие из нас общались с жориками. И вообще: что за глупый вопрос? Что я — никогда не вылетал с Юпитера?

— Значит, ты согласен?

— С чем? Что мы живём в Чёрной Вселенной? А с чем тут можно не согласиться? Тёмная материя занимает, кажется девяносто девять и сколько-то ещё процентов Вселенной.

— А как насчёт Белой Вселенной?

— В неё верят жорики. Я не знаю, никто не знает. Ты тоже можешь верить, если хочешь.

— Послушай, — тут Ян отлетел на некоторое расстояние. — А умки умирают?

— Умки живут довольно долго. Очень долго, особенно, если судить по земным меркам. Но, в конце концов, конечно, умирают. Хотя, увы, не так блистательно и красиво как могут регентшницели ... Ах, вот в этом я им завидую!

Они всё ещё находились внутри ярко блестящих точек, полыхающих разноцветным огнём, напоминающим Яну, почему-то, прощальный фейерверк любви.

— Но почему вы умираете?! Вы, такие совершенные, неуязвимые, чудесные... И всё равно!

Муздрусь изобразил из себя человеческое лицо со взглядом, с которым смотрят на дебила.

— Мы ведь живём в Чёрной Вселенной!

Ян замолчал. Потом превратился в красное, кровоточащее сердце.

— Да, я понял, мне никогда не найти её здесь, в Чёрной Вселенной.

— А я понял, — сказал Муздрусь, приняв обычный бесформенный изменчивый облик, — что тебе пора к Мудраку. Он предложит два пути на выбор.

— Какие?

— Это скажет Мудрак. Полетели!

И вскоре они вновь, как недавно, предстали перед светящимся кругом, пылающим в глубине радужных теней, в

закоулке облачных скоплений. Центр круга опять горел, но на этот раз Мудрак молчал.

— Какой у меня выбор? — наконец, не вытерпел Ян.

— Наконец, ты спросил.

— А так бы вы не сказали?

— Если у существа есть возможность выбрать, он должен самостоятельно потребовать этот выбор. Это как в вашем мире — ты сам должен решить: садиться тебе играть в азартную игру или нет.

— Но мне об этом сказал Муздрусь, я бы и не узнал...

— Подсказать тебе может, кто угодно, а я, который этот выбор могу предоставить, должен услышать твоё личное требование. Впрочем, я его уже услышал и могу тебе объявить: у тебя есть два пути.

— Это я уже понял, — сказал Ян, — И, наверное, оба — совсем не то, что я по-настоящему хочу.

— Во-первых, ты можешь остаться умкой, жить с нами. Мы живём, по вашим меркам, бесконечно долго и сверхъестественно полноценно.

— А во-вторых?

— А во-вторых, ты можешь вернуться. Обратно на Землю, человеком. Я думаю, процесс реабилитации, — тут Мудрак издал что-то типа смешка, — так вот, мне кажется, процедура прошла успешно. Ты узнал практически всё.

— Почему практически? Чего я ещё не знаю?

— Наверное, того же, чего и я не знаю. Но то, что ты хотел, ты узнал.

— Я никогда не найду её здесь! И там! И тут... — выпал

лил Ян. — Потому что мы живём...

— В Чёрной Вселенной, — закончил за него Мудрак.

— Скажите, — Ян изобразил коленопреклонённого послушника, внимающего словам Учителя. — Вы случайно не знаете, а как попасть в Белую?

— Если Белая Вселенная существует, — ответил Мудрак, — то, чтобы туда попасть, как я думаю, наверное, для начала нужно умереть в Чёрной.

— Понятно.

— Итак, что ты выбрал?!

— Разве вы не знаете?

— Конечно. Ты можешь также выбрать любую... как это у вас... любую страну. И ещё. Мы тебя снабдим специальным прибором. Если твоя тоска станет невыносимой, а мир людей и Земли тебя будет бесконечно раздражать и ввергать в печаль, тебе стоит только соединить два проводка — ты их увидишь: чёрный и белый! — и ты вновь вернёшься к нам. Это тебе — мой личный подарок, за регентшницелей.

— Вы... меня не осуждаете?! — поражённо спросил Ян.

— Я? Осуждаю? Такую красоту не часто приходится наблюдать. Такое чудо... Ну, ты готов?

Ян задумался, потом подлетел почти к огненному центру круга.

— Слушай, Коля, что ты там говорил про страны?

— А, ты ведь нигде не был. Всё любовь-морковь... Ну, и где ты хочешь оказаться?

— Ну, а деньги у меня будут?

— Не вопрос! Ты же знаешь, наша партия — Раша Интернешнл — очень богатая. А ты, несмотря ни на что, всегда был, есть и остаёшься моим заместителем по культуре! Так что, вперёд, давай, культурно обогащайся! Куда хочешь?

— В... в... в... в Италию. Нет! В Англию... Нет, давай больше денег и всё-таки в Италию.

Огненный центр круга взметнулся ввысь, словно мгновенно зажигающийся пионерский костёр, а потом его пламя расслоилось на разноцветные фракции, будто в коктейле. Казалось, Мудрак смеётся.

— Всё правильно, тебе надо побывать в Италии, необходимо! Но — жду поэмы. Или романа. Или хоть строчки, Ян, ну приди же ты в себя!..

После этого Мудрак издал какой-то совершенно непереносимый, ужасный звук, и Ян сгинул, исчез, пропал, как будто его никогда в этом мире не было.

— Зачем вы его отпустили? — сказал на языке умок тот, которого называли Муздрусъ.

— Ты же знаешь, в какой Вселенной мы живём. И он теперь знает. Может быть, ему удастся найти выход и уйти. Уйти...

Смерть

Чёрный провал сна без снов; бесконечность небытия, безграничная, словно тьма разлетающейся Вселенной; бесцветный сумрак полного твоего отсутствия в любом из миров — всё это, вдруг, закончилось: проступили какие-то формы, размытые краски, обрывки слов и воспоминаний. Ян проснулся.

Ян проснулся от холода.

Он сжимал в своих объятиях Инну, которая почему-то была совершенно холодной.

Обрывочные воспоминания, наконец, сложились, в некую упорядоченную картину. Ян вспомнил, как они пили ром с кока-колой, смеялись; с яростной страстью, словно в последний раз, любили друг друга; выходили на улицу, чтобы купить очередную бутылку, говорили обо всём на свете; возвращались домой, раздеваясь, бросаясь в объятия, соединяясь в бешеном порыве любви, словно боясь куда-то опоздать; слушали музыку и опять пили ром с кока-колой, а потом вновь...

Инна лежала на боку, отвернувшись к стене, Ян повернул её. Один глаз был закрыт, другой открыт, точнее, полуоткрыт — как-то прищурен; и рот был тоже полуоткрыт, обнажая несколько передних зубов.

«Она мертва». — понял Ян.

Но он так не хотел этого понимать!

«Я поставил «Cap», — вспомнил он. — И мы *ебались* так, как будто это была какая-то окончательная точка в книге нашей любви... Точка, растянувшаяся в вечность. Бешеный оргазм взорвал души и тела, перемешивая их в одно целостное существо, мгновенно целиком вспыхнувшее любовным пламенем, до этого тлеющим то там, то тут; мы стали единым прекрасным единым существом, сгорающим в этом пламени и не желающим сгорать. «Это было каким-то безумием». — сказала ты. Разве я мог подумать, что это, в самом деле, «безумие», станет последним?!»

Он посмотрел на свою любимую. Машинально взял её за руку, сжимая запястье, потом положил свою руку на её грудь. Ничего — никаких стуков и никакого пульса.

Затем он нажал пальцем на её шею за ухом. Перед глаза-

ми пронеслась картина, что так всегда делают в американском кино, когда хотят узнать, человек жив, или...

Тук-тук-тук-тук... Есть! Не может быть!

Не может?! Не может...

Ян понял, что это — его собственный пульс.

«Но возможно, стоит попробовать как-то её ещё спасти?..» — обречённо подумал он, прекрасно осознавая, что всё кончено, и никакие спасения не помогут.

Он взял свою любимую за руку, потянув на себя. Рука, согнутая в локте, была, как деревянная, и не слушалась.

«Окоченение, — подумал Ян. — Какие ещё доказательства мне нужны?»

Он вспомнил, что в конце вчерашнего блистательного вечера-ночи они сидели и тихо разговаривали. Потом Инна вдруг осеклась и свалилась набок. Ян подошёл к ней — дышит. Спит.

Он взял её тело, почему-то показавшееся чересчур тяжёлым и донёс до кровати. Затем прислушался. Раздавалось мерное дыхание, постепенно переходящее в лёгкий храп. Ян тогда успокоился, допил последнюю рюмку рома, не добавляя кока-колы, и лёг рядом, почти сразу провалившись в чёрный, как наша Вселенная, сон без сновидений.

Сейчас, одновременно с каким-то жутким спокойствием — настолько всё происходящее выглядело обыденным и чрезмерно реальным — Яном начинала охватывать паника.

Он вдохнул, набрав в себя воздух, так много, сколько смог, приник ко рту любимой, раздвинул губами её губы и выдохнул. Потом приподнялся.

Воздух с шипением и хрипом вышел изо рта, колебля губы.

Ян сделал это несколько раз, пока, наконец, окончательно признал то, что случилось.

Он позвонил в «Скорую помощь», затем родителям Инны. Потом, увидев на столе мобильный телефон, взял его, нашёл внутри «контакты» и нажал на нужный номер.

— Привет, Коля, — сказал Ян, удивляясь своему безучастному голосу.

— Привет, — ответил ему в трубке Семенихин. — Как твоя жизнь?

— Инна умерла, — ответил Ян.

В ответ раздалось молчание. Ян чувствовал, как Семенихин мучительно соображает, не зная, что ему надо говорить, и как это сказать. Ян решил ему помочь.

— Я потом позвоню, — так же безучастно промолвил он и нажал на «отбой».

Разговор был окончен.

На кровати лежала мёртвая Инна, мёртвая любимая. Ян посмотрел на её лицо, которое стало покрываться какими-то бордово-жёлтыми пятнами.

Он смотрел и смотрел, понимая и не понимая, что всё в прошлом, что его жизнь с ней кончена. Он чувствовал, что перед ним словно захлопнули дверь, изгнали из рая, убили его самого. И, одновременно, он этого всего ещё не осознавал. Любимая была здесь, или её уже не было? Она ушла, ушла непонятно куда, а Ян хотел быть с ней. Он закурил, отвернулся, попытался заплакать, но не вышло.

— Почему ты не взяла меня с собой?! — воскликнул он, ни к кому не обращаясь. — Мы должны были уйти вместе!

Зад Давида

Уйди-уйди

Моё сознание неожиданно проявилось от резкого вторжения в него слепящего света, громкой суеты повсюду, топота ног и разноречивого человеческого гомона.

Я потрянул головой, ещё не понимая, что это всё означает, пытаюсь прийти в какого-нибудь «себя».

Я вспомнил. Меня звали Ян, моя любимая Инна умерла, а сейчас я где-то в Италии. Но почему?

Странные обрывки картинок и мыслей заполнили мою голову; непонятные слова и ощущения проявлялись в мозгу, словно зашифрованный человеком, у которого затем наступила частичная амнезия, текст.

Вдруг я обнаружил у себя на поясе, крепящийся за ремень, какой-то небольшой прямоугольный предмет. Из него отходили направо и налево два проводка — черного и белого цвета — скрученные в аккуратные моточки, прижатые к ремню. А-ааа... Вот в чём дело...

Любимая умерла! Её больше нет, и никогда не будет. Очередное понимание этого немедленно заполнило мою душу ужасом, тоской и обречённостью. Я вспомнил: после того, как она умерла, я начал пить, принимать любые наркотики, пытаться покончить с собой, проклинать Бога — в общем, делать всё, что угодно, лишь бы хоть как-то примириться с этим кошмарным фактом, забыться, отвлечься, успокоиться, короче, как-то это пережить. И мой друг Коля Семенихин, который, несмотря ни на что, меня поддерживал, наконец, после очередной попытки самоубийства, пришёл ко мне в больничную палату, принёс, кажется, героин, ещё какую-то еду и сказал:

— Ты не можешь её забыть?

— Я не могу без неё жить!!!

Он вдруг стал очень серьёзен.

— То есть, ты всё равно это сделаешь?

— Что? Самоубьюсь?

— Да. Я где-то читал, что самоубийцы, когда они настойчиво хотят совершить то, что задумали, в конце концов, добиваются успеха... если это можно так назвать...

Я улыбнулся.

— Ну, в таком случае, и у меня должно получиться! И я буду с ней. Если *там* ничего нет... а в последнее время я почему-то считаю, что это именно так, то есть, *там* ничего нет!.. Но тогда я всё равно буду с ней! Я с ней соединюсь... в небытии. По крайней мере, мы будем в одном состоянии!

— А... найти какую-нибудь другую девушку...

— Заткнись! — оборвал я его. — Я помню, как ты мне привёз каких-то блядей...

— А то, что ты их чуть не убил, не помнишь?

— Я был пьян! — гордо произнёс я. — И вообще. О чём ты думал?! Я люблю её и хочу... только её!!!

— Хорошо, — сказал тогда Семенихин. — Рад за тебя. Но если твоё желание так серьёзно, и ты всё равно это сделаешь, может, послужишь напоследок родной партии?

— Каким образом я могу ей послужить? — я удивился.

— Ты хоть помнишь, как называется наша партия? — усмехнулся Семенихин.

— Мама Россия... Нет, вспомнил! Это я предложил: Ма-

маруссия, одним словом, как Белоруссия...

— Было и такое, — улыбнулся Коля. — Но сейчас всё изменилось. Этого ты и не должен знать. Ты был в запое, потом суицидная попытка, больница. Короче, мы пришли к русскому радикальному национализму. Наша партия теперь называется «Единственная Россия».

— Да? — изумился я. — Вот уж не думал. Един-стен-ная Рос-сия... — повторил я по слогам. — А у меня бабушка — еврейка! А ты вообще...

— Тихо, тихо, — сказал Семенихин, оглядываясь, хотя за ним никого не было. Тем не менее, он перешёл на шёпот: — Мы решили, что должна быть всюду одна Россия и одни русские. А этот глобализм... Когда богатые страны нам диктуют... Эх, не хотелось бы тебя использовать таким образом, но если ты всё равно...

— Так что ты хочешь мне предложить?

— Я тебе предложу. Но у тебя будет выбор, ты, всё-таки, мой друг...

— Ну... — от нетерпения я привстал на больничной кровати.

— Мы тебя отправим в какую-нибудь страну... ну, скажем, в Италию. Тебе же нужно её увидеть, как одарённому человеку...

— И что?

— И увидишь! И если ничего другого не захочешь, то и возвращайся. Денег я тебе дам... вот так.

— Нет, но как ты хочешь меня использовать?

Семенихин как-то грустно улыбнулся.

— Если ты всё-таки захочешь совершить самоубийство, то... Я тебе дам телефон, позвонишь кое-кому, тебя снабдят бомбой, ну и... Подорвёшь себя где-нибудь в людном месте. Террор, понимаешь!

— Я не хочу никого убивать! — тут же сказал я.

— Хорошо, — кивнул Коля. — Я так и думал. Ну не надо людного места! Взорви, например, какой-нибудь уже не работающий магазин, а ещё лучше «Макдональдс». Это будет просто отлично!

— А вдруг... кто-нибудь пострадает?

— Ну... Ты смотри... Выбери «Макдональдс», находящийся весь в одном здании. Таких полно. И чтоб он не работал. Ночью, скажем... В общем, разберёшься. Тогда никто не страдает, а мы — «Единственная Россия» — заявим о себе.

— Но почему Италия?

Коля Семенихин засмеялся.

— Так это ж я о тебе, дружище, думаю... Вдруг ты всё же решишь не делать этой... глупости. А Италию увидишь, тебе же надо, ты же у нас...

Он опять стал серьёзным и даже несколько мрачным.

«Так вот как всё было! — подумал я, оглядываясь по сторонам. — Так? Или не так? Наверное, так, раз я — в Италии и у меня на ремне — бомба с проводками... Стоит соединить проводки и... «ты вернёшься к нам». Стоп! А это ещё откуда?»

В моём сознании возникли непонятные, какие-то несуразные, слова: «умки», «регентшницели», «жорики»... Что это может быть?

И тут я вспомнил всё. Нужно соединить два этих провод-

ка, и я вернусь к «умкам». Но не является ли всё это моими бреднями? Я же помню, как Семенихин привёл меня во врачебный кабинет, я лёг на стол, на меня надели шлем, опутанный проводами, что-то включили и... я отъехал. Были и умки, и регентшницели... И Чёрная Вселенная!

Но ведь она на самом деле чёрная! И я, хоть убей, не могу вспомнить, как я этот шлем снимал, вставал со стола в кабинете и оттуда уходил. Хотя, если представить весь образ жизни, который я веду с момента смерти любимой, странно, что я вообще хоть что-то помню.

С другой стороны — даже если путешествие в мир «умок» состоялось на самом деле, с чего я решил, что они хотят меня вернуть? Они точно так же, как и Коля, могли опоясать меня бомбой. Для чего? Не знаю. Разве можно понять инопланетный разум? Может, они имеют что-то против землян. Или они могли решить, что убить себя — моё главное желание. А что, разве нет? Не случайно, жорик и не только он, говорили: «Она умерла в Чёрной Вселенной!» То есть, в нашей, здесь. Да! Я ведь спрашивал Мудрака, как попасть в Белую Вселенную, и он мне ответил, что для начала надо умереть в Чёрной... То есть, конкретно: у-ме-реть! Вот они и снабдили меня, чем надо, прекрасно понимая, что очень быстро в этом мире-без-неё мне станет невыносимо плохо, и я соединю проводки... А возможные жертвы? Ведь могут погибнуть другие люди, много других людей... Им, наверняка, это безразлично. Я же прекрасно помню, как они любовались сиянием умерших регентшницелей! Да... Чужая смерть для них безразлична. Может, и своя.

А как же разговор с Колей? Ведь его я тоже помню. Помню... Но... Как я оказался здесь, в Италии? Кому я звонил, чтобы меня всем этим снабдили? Тут моя память молчит, не рождая ни знака, ни картинки, ни малейшей фразы или запаха.

Это очень странно. Но бомба ли это?

Тут я подумал, что если я попробую как-то разобраться в том, что это за штука у меня на ремне, если это — бомба, она может взорваться.

Но существует абсолютно верный способ узнать истину — соединить проводки. Если я взорвусь, значит никаких «умок» в природе не существует, хотя... Стоп! Даже если я взорвусь, это совершенно не доказывает того, что «умок» нет. Я же это только что понял! То есть, в любом случае, правды я не узнаю. Ну, тогда...

Тут мне вдруг стало интересно — а где я, собственно, нахожусь? Понятно, что в Италии, но где конкретно?

Я посмотрел по сторонам. Повсюду возвышались средневековые домики из стёршихся от времени кирпичей, покрытых, может быть, не такой древней, но достаточно старой, штукатуркой, откуда эти кирпичи были видны там, где штукатурка совершенно облупилась; я стоял на площади среди толпы, состоящей из отдельных, разбросанных повсюду, кучек экскурсантов, внимающих гидам.

Услышав русскую речь, я решил послушать и подошёл.

— ... а вот здесь мы видим знаменитую флорентийскую Лоджию Ланци! Её ещё называют «Лоджия Орканья» по имени архитектора, выполнившего её проект в середине четырнадцатого века...

Я отошёл. Я во Флоренции! Я опять подошёл.

— ...здесь стоят шедевры: «Персей с головой Медузы» Бенвенуто Челлини и «Похищение сабинянок» Джаболомби...

Я вновь отошёл. Нащупал в кармане кошелек, достал, открыл. Там было полно бумажных евро! Значит, версия с

бомбой Семенихина верна? Но ведь и Мудрак, вроде, обещал снабдить меня деньгами... Я закурил, обнаружив в другом кармане пачку сигарет, и снова подошёл.

— А тут мы видим статуи «Геркулес, победивший Какуса» Баччо Бандинелли и копия «Давида» Микеланджело... Раньше здесь стоял подлинник, но флорентийцы, увидев, как дожди, птицы и... ну, не знаю, что ещё, снега здесь почти не бывает... Ну, в общем, всё это портило великое творение, стоящее под открытым небом, и они заменили его копией...

И я отошёл. Я посмотрел на копию — в Москве тоже есть копия, везде, везде одни копии... Мне вдруг стало противно.

Я пробился сквозь кучку соотечественников, приблизился к экскурсоводу и громко спросил:

— А куда поставили подлинник?

Экскурсовод заинтересованно остановил на мне свой взгляд и ответил:

— Подлинник поставили в галерею Академии, где он и сейчас находится... У вас будет свободное время, кто желает, может его увидеть...

— А как туда пройти?

Экскурсовод явно принял меня за одного из русских туристов.

— Вернитесь на Кафедральную площадь, к собору Санта Мария дель Фьоре, перейдите площадь и найдите улицу — Виа Рикасоли. Идите по ней, никуда не сворачивая и, по правую сторону, будет галерея Академии. Вы это поймёте по очереди. Если успеете — хорошо. А сейчас мы все идём в галерею Уффици...

Я быстро растворился в кучке русских туристов, вышел и пошёл прочь от них. Туда — в галерею Академии, увидеть подлинник.

Я всё же решил соединить проводки — будь, что будет, но, скорее всего, грянет взрыв. А перед смертью я хочу увидеть настоящего «Давида». Я вспомнил фотографию в учебнике истории за какой-то класс: «Микеланджело. Давид. Флоренция». Я тогда разглядывал это фото и думал: «Доведётся ли мне когда-нибудь посмотреть на тебя в реальности?» Я видел копию в Пушкинском музее — она была настолько топорной, что откровенно чернели швы между разными частями, из которых был скомпонован этот копированный монумент.

Я шёл, осматриваясь, и вдруг восхитился. Здесь всё было чрезмерно реальным, тёплым; узкие улочки вместе с домиками напоминали, почему-то, только что испечённый ржаной хлеб, настолько всё было каким-то воздушным, лёгким; радостных, ореховых тонов, будто поджаристая хлебная корочка. Я заблудился в переулках, но был этому только рад — Флоренция оказалась подлинным сказочным городом, которые я видел только во снах или мультфильмах. Оказаться бы здесь с Инной, гулять тут с ней, потом заснуть в одном из этих волшебных черепичных домов, затем проснуться, открыть окно и увидеть...

Но этого никогда не будет, это невозможно, она умерла! Я снова тут же стал растерянно-мрачным, даже когда вышел на площадь перед собором с огромным, знаменитым куполом. Стараясь никуда особенно не смотреть — в конце концов, меня это только расстраивало — я начал искать Виа Рикасоли.

Я путался во всех этих улочках, но вдруг увидел надпись по-итальянски «Via Ricasoli». Значит, мне сюда.

Она ничем не отличалась от остальных флорентийских улиц, то есть, была столь же прекрасной, как и они. Я опять задумался: а стоит ли мне соединять эти проводки, то есть, умирать? *Скорей всего*, умирать. Или возвращаться к «умкам»... Нет, я в это не верил.

Я пошёл вперёд, как можно быстрее, опять стараясь никуда не смотреть, чтобы не восхищаться. Да, мир прекрасен, но это — мир-без-неё. Тогда, зачем он мне?!

Увидев впереди, справа очередь, я понял, что пришёл. Я встал за какими-то двумя, бесконечно смеющимися, парнями, непонятно из какой страны.

Я опять подумал, как бы я сейчас стоял здесь, с тобой, и мы бы смеялись ещё громче и веселее, но... В конце концов, увы, мы живём в Чёрной Вселенной.

Очередь двигалась медленно, но я никуда не спешил. Я не спешил умирать. Или возвращаться к «умкам».

Я вспомнил, как мы жили с тобой, твою улыбку, наш мир. Я вспомнил... Я вспомнил, как мы ходили с тобой в детский сад, потом в школу, полюбили друг друга, а потом стали мужем и женой. Я вспомнил, как я тебя впервые встретил — я был тогда женат, и ты была с кем-то — затем мы подружись, и прошло очень много времени, когда мы стали любовниками. А потом поженились. Я... Стоп!

Тут я понял, что я, как говорят следователи, «путаюсь в показаниях». Мы ходили с тобой в детский сад и школу, или встретились, когда я был женат и старше тебя, а про школу и детский сад мы с тобой придумали?

Какая из этих двух историй — правда? Мои мозги настолько сейчас затуманены, что я понял, что не могу этого определить, так же, как не могу сказать, был ли я на Юпитере или возлежал на врачебном столе с надетым шлемом. А

на самом деле — имеет ли это такое большое значение?

Эти реальности, действительно, могут иметь самые разные варианты.

Но есть вещи, совершенно неуничтожимые: наша любовь и, увы, твоя смерть, любимая.

Чёрная Вселенная, в которой мы живём, даёт нам возможность воссиять, как одна из бесчисленных звёзд, но затем полностью исчезнуть и раствориться в бесконечном чёрном мраке.

Увлёкшись мыслями, я и не заметил, как моя очередь подошла. Я вошёл внутрь, купил билет и через какое-то время оказался в галерее.

В зале Микеланджело находились три или четыре его, кажется, недоделанные работы. А за ними возвышался Давид — прямо, как на фотографии в школьном учебнике; я вспомнил этот купол над ним, пересекаемый полуовальными опорами.

Я подошёл ближе. Первое, что бросалось в глаза, то, что это — старая, очень старая скульптура, подлинник. И потом, почему-то сразу становилось понятно, что это — совершенство. Убери отсюда хотя бы один микрон материала, или прибавь — таинство распадётся, ключ в мир волшебства сломается, величие исчезнет, абсолют осквернится. Теперь я понял, почему меня так раздражали копии. Не только потому, что они — копии. А потому что они имитировали то, чего сама попытка имитации была святотатством. Мне сразу пришли в голову проститутки... Но нет, они не пытались сыграть, что они тебя любят, они просто давали тебе секс. А вот те, кто обманывал в *любви*, или хотел представить какую-нибудь дрянь как великое художественное творение, либо утверждал, что он — Спаситель, а сам не верил

в Бога... Вот они — омерзительны!

Мы живём в Чёрной Вселенной, этот мир — ужасен, но в нём также есть и редкие вспышки света, и любви, и подлинной красоты. Они — есть, и именно это словно хотел доказать Давид своим существованием.

Я увидел, что к скульптуре не только можно подойти чуть ли не вплотную, но была ещё некая тропка, ограниченная справа деревянной полукруглой стенкой, позволяющую обойти статую, увидеть её сзади.

И я пошёл, а потом встал прямо напротив Давидовой задницы.

Я всмотрелся. Конечно, я помнил, что Микеланджело был гомосексуалистом и так далее, но сейчас это не имело значения.

Этот мраморный зад — казалось, если соотнести любую воображаемую линию с любой другой, в любом случае получится золотое сечение; мысленно соединив точку копчика с двумя точками наверху — по обе стороны верха зада — я получил равнобедренный треугольник. Этого просто не может быть!

Но оно существовало, было, и было возможно в этом мире, как и моя любовь, хотя мир этого не заслуживал.

Я приник взглядом в это совершенство, увидев тут смысл, рай, улыбку Инны, нас вдвоём, нашу бесконечную любовь, свою тоску и своё предназначение.

Я понял, что я должен сделать!

Я должен уничтожить копию — подделку; я бы с великой радостью взорвал бы их все, но я не могу. Ведь почти весь наш мир состоит из таких подделок под искусство, любовь, свет. Значит, надо взорвать весь мир?

Ладно, пусть я погибну, но одной подделкой станет меньше!

Меня кто-то толкнул, я нагнулся, и у меня из кармана выпала, вроде, какая-то монетка. На счастье! Я знаю, что я сюда не вернусь, но пускай хоть что-то от меня тут останется.

Обратную дорогу я нашёл достаточно легко. Оказавшись около Лоджии Ланци, я встал прямо под копией «Давида», стараясь не смотреть на него, чтобы не портить великое впечатление.

У меня сейчас было чувство, как будто я вновь встречался с Инной. И вдруг я, в первый в жизни, вслух сказал стихи:

— Уйди-уйди. Уходит прочь
Раскрытой тайны злая суть.
Сияющая, как миг, та ночь,
Уйдёт, как смысл, куда-нибудь.

После этого я соединил, предварительно размотав, проводки — чёрный и белый.

Ничего не произошло.

Ничего не произошло — только где-то в отдалении грянул взрыв.

И я всё понял.

То, что у меня там выпало... Это была не монетка, это была взрывчатка. А я, когда соединил проводки, я взорвал... но не копию, а подлинник!

Что же это значит?

Может, наш мир действительно не достоин великого искусства и... великой любви?!

Ничего не понимая, я смотрю перед собой, видя, как ко мне со всех сторон бегут, с перекошенными от злобы, лицами остервенелые карабинеры.

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ, С КОТОРОЙ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО
ВСТРЕЧУСЬ, КОГДА, НАКОНЕЦ, УЙДУ ИЗ ЭТОГО МИРА.

2007.

СДЭБСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Я возник в этой реальности в 1962 году, а в 1984-м окончил Литературный институт имени Горького. Мои родители — писатели, я — писатель. Я служил в «застойной» тишайшей армии, таскал всяческие грузы и что-то мыл, убирал. Я написал некоторое количество рассказов: о женитьбе на моржике, о резиновой женщине, о том, как весь мир погрузился в смешной кошмар венерических эпидемий, о том, как я хочу стать юкагиром и др. Я также написал еще несколько разных произведений. Я написал роман «Я», роман «Змеесос» и роман «Якутия». Роман «Змеесос» отображает в принципе всю действительность сверху донизу, убедительно показывая, что от нее никуда невозможно деться. Весь мир в конце концов сведен к змеесосу, который не стоит даже упоминания. Меня всегда интересовали вещи, которые при всех, даже самых шизофренических раскладах отбрасываются, как нечто несущественное. Я решил двинуться от абсурда, широко освоенного искусством XX века, к настоящему маразму. В «Якутии», например, я демонстрирую маразм всего «человеческого», маразм отдельного человека, человеческих разнообразных групп и их жизнедеятельности. Впрочем, я также демонстрирую маразм «божественного». Сейчас я пишу следующий роман, который будет фантастическим: с космическими перелетами, приключениями и т.п. Я верю в величие и несомненную красоту иных миров.

Я исповедую философию и религию «мандустры», которая открылась мне и моему другу Мише Рослякову. Мы видим мандустру во всем, в каждой вещи и не-вещи, в каждом субъекте и идее, и мы принимаем все. Говоря грубо, это взгляд на мир не с человеческой точки зрения, а с боже-

ственной, взгляд на мир как на творение, как на искусство. Мой «маразм» должен утверждать всеобщую загадочную кайфовость, не уничтожимую никаким маразмом и никаким здравомыслием. И мне не нравится современная «текстуальная» литература, в которой не заключается ничего более высшего, чем «текст», никакой метафизики. Мир должен быть прорван и открыт, но язык – только дорожка, ведущая к чудесному, и глупо ее фетишизировать. Недостойно и неинтересно прикрываться культурой, чтобы отгородиться от настоящих странных истин и тайн.

Роман «Змеесос» вышел в издательстве «Гилея», в этом же издательстве выходит данный рассказ «Не вынимая изо рта». Он является чистейшим моим бредом. У-жу-жу! Я очень люблю мою прекрасную жену и маленькую дочку.

Автобиография Егора Радова публикуется по авторской машинописи. Текст планировался в качестве послесловия к готовившейся в «Гилее» в 1993 году книге Егора Радова «Не вынимая изо рта». Книга, состоящая из одного рассказа (с иллюстрациями Л.Ступенькова), должна была выйти четвёртой по счёту в серии «Библиотека Сергея Кудрявцева», но так и не была издана. Рассказ позднее вошёл в «Рассказы про всё», а «Сдэбская автобиография» осталась в издательском архиве.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ЕГОРА РАДОВА

Егор Радов — загадочный, многоликий, неисчерпаемый. Обласканный вниманием, а к концу жизни почти забытый. Не смогший найти издателя для своего последнего романа.

У таких гениев завидная посмертная судьба. Пара десятилетий — и Радов будет вписан в историю русской литературы как самый яркий и оригинальный писатель рубежа двух тысячелетий.

Когда-нибудь, конечно, творчество Радова обрастет комментариями, филологическими клише, общими местами, возможно даже, превратится в истертую монету. Но пока его наследие полно живой, мерцающей, плазматической энергии, утолиться которой может каждый желающий.

Помню свои первые впечатления от дебютного романа Радова «Змеесос». С некоторым удивлением я обнаружил, что не могу прочесть более двух–трёх страниц за раз: потом приходилось делать перерыв, чтобы успокоить пульс и привести в порядок мысли. До сих пор мне трудно отделаться от духовно-геометрической ассоциации: страница этого романа и упирающаяся в нее под прямым углом трансценденталь.

Егор Радов — тот писатель, тексты которого приходится отмеривать и отвешивать, чтобы не случилась передозировка. То же самое можно сказать о другом писателе — Андрее Платонове, но развитие этой (не мне первому пришедшей в голову) параллели, к сожалению, увело бы нас далеко в сторону.

Но возможен еще более неожиданный контекст — Сведенборг, Рудольф Штейнер, Даниил Андреев. У Радова, как визи-

онера, было свое послание, которое он стремился донести. Оттого иногда кажется, что романы Радова — это не романы вовсе, а лейденские банки, заряженные грезами. А грезы эти при пристальном рассмотрении оказываются картинами иной реальности (высшей, низшей и параллельной).

Из интервью Радова: «Религия — единственное, что для меня важно на самом деле. Литературу я воспринимаю для себя как религиозный долг. Может быть, я не так популярен, как хотелось бы, потому что собственно литература для меня — на каком-то десятом месте. Точнее, я всегда строю сперва некую философскую систему, а потом, согласно с ней, или даже против нее, пишу художественное произведение. Или же — произведение является методом выяснения для меня какого-нибудь религиозно-философского вопроса».

У Радова был message, и в этом его отличие от сотен успешных литераторов — превосходно владеющих словом, но не имеющих сверхзадачи, выстраданного послания, эксклюзивного внутреннего опыта. Конъюнктурщики всегда на поверхности, как поплавки: получают премии, раздают интервью, не слезают с газетных полос. Но это копошение — информационный шум, метеопомехи.

Часто встречающееся сравнение Егора Радова с Владимиром Сорокиным не имеет смысла. Сорокин занимается языковой игрой, комбинаторикой, пародированием, он кто угодно — только не визионер. В случае Радова мы имеем дело с совсем иной степенью накала, интенсивностью существования. Обращаясь к его книгам, следует помнить, что за них заплачена огромная цена, что это письма, в буквальном смысле написанные кровью.

В романе «Змеесос» есть такой пассаж: «Для меня минуты перед самым свершением казни есть лишь концентрация всего того, чем может являться жизнь, — всей этой ситуации

с вечной угрозой смерти; казнь лишь спрессовывает суть посюстороннего бытия и делает его более живым, более реальным, что ли, совершенно ничего не изменяя в принципе, кардинально; сохраняя субъекта на том же самом уровне, на котором он и провел свое время, и делая этот уровень просто более наглядным для него самого и для зрителей. В этом смысле, конечно, блажен и счастлив казнимый, ибо ему дан шанс за какие-то минуты постигнуть и ощутить то, что растягивается обычно для нормального индивида на долгие годы; и постигнуть это в чистом, незамутненном виде».

Судьба была благосклонна к Радову — она щедро осыпала его «стигмами гениальности». Мало о ком из современных писателей можно с такой уверенностью сказать: гений. И подобно многим гениям Радову удалось познать в жизни и величайшее счастье, и величайшее несчастье.

Главный герой романа «Уйди-уйди» Ян Шестов просыпается в постели рядом с умершей во сне возлюбленной. Этот эпизод имеет автобиографическую основу. Именно так умерла третья жена Егора Радова — Тая. Читая соответствующие главы, будьте готовы — в русской литературе немного страниц, пропитанных такою жутью и отчаянием.

Радов не мог умереть, как простой обыватель. Судьбой было predetermined, чтобы это случилось в гостиничном номере на таинственном субконтиненте в годовщину смерти его последней возлюбленной, которую ему никто не смог заменить.

Череда состояний, о которых говорил Радов, снование ад–рай–ад–рай, многократно повторяющаяся мистерия мучительной казни и последующего воскрешения оборвалась 5 февраля 2009 года в городе Карголим, штат Гоа, Индия.

Конечно, всех интересует, откуда такое название — «Уйди-уйди». Так называются игрушки, упоминаемые в рома-

не Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (Хоттабыч обещает Вольке впредь их не бояться). Как объяснил мне сын писателя Алексей Радов, эти игрушки до сих пор выпускают. Они представляют собой «фигурки на резиновой веревочке, которые можно бить ладонью, зажав конец резинки, и они летают с нужной скоростью и силой».

9 июня 2011 года Егору Радову была присуждена (посмертно) культурно-просветительская премия «Нонконформизм-2011», учрежденная «Независимой газетой» и ее литературным приложением «НГ–Ex libris». По решению главного редактора и владельца «Независимой газеты» Константина Вадимовича Ремчукова премиальное вознаграждение было направлено на издание последнего романа Егора Радова, который вы и держите в руках...

**Михаил Бойко,
координатор премии «Нонконформизм»**